

И. П. АБАКОФОВ

ПРЕДЫСТОРИЯ
АРМЯНСКОГО НАРОДА

И. М. Дьяконов

Предыстория армянского народа

История Армянского нагорья с 1500 по 500 г. до н.э.
Хетты, лувийцы, протоармяне

Ереван
Издательство АН Армянской ССР
1968

Предисловие

Настоящая книжка выросла из работы, предполагавшейся для многотомника «Истории армянского народа», но превратившейся в ходе ее подготовки в самостоятельное обобщающее исследование. Автор надеется, что она будет интересна для специалистов, но предназначает ее и для более широкого круга читателей, интересующихся историей. Это заставило его, по возможности, в основном тексте упростить изложение и ввести разъяснение некоторых общих понятий, а в ссылках ограничиться преимущественно отечественной литературой; ссылки на зарубежную литературу даются лишь в случае выявления в ней новых фактов, еще не отраженных в советской научной печати, или если соответствующие ссылки на нее трудно найти в советской литературе предмета. Интересующимся более полной библиографией по отдельным вопросам и сочинениями, в которых тот или иной факт был установлен впервые, рекомендуется обратиться к библиографическому аппарату в тех работах, на которые у нас сделаны ссылки более общего характера.

Автор не претендует на приоритет в установлении излагаемых положений и фактов, за исключением некоторых соображений историко-лингвистического порядка. Однако ему принадлежит основанная на этих положениях и фактах концепция и ее систематическое изложение.

Большой благодарностью автор обязан А. Г. Периханян и Н. Б. Янковской за консультации по ряду существенных вопросов. [5]

Глава I.

Историческая обстановка в Передней Азии начала эпохи бронзы

1. Этнический состав населения Армянского нагорья и соседних областей в III-II тысячелетиях до н.э.

Прежде чем излагать первые события истории Армянского нагорья, засвидетельствованные письменными источниками, целесообразно разобрать древнейшую известную нам на этой территории этническую ситуацию.

Основные принципы изучения. Устанавливая происхождение народа (этногенез), следует иметь в виду, что этнической преемственности преемственность здесь может быть тройкой: физической, языковой и культурной.

Физическая преемственность означает прямое биологическое происхождение от тех или иных предков и выражается в передаче определенных внешних (расовых) признаков, которые обычно позволяют установить различные антропологические составляющие элементы (компоненты) в образовании данного народа; само собой разумеется, что ни один современный народ не может быть антропологически однородным по своему происхождению. С другой стороны, следует помнить, что если антропологический тип или типы, господствующие в данном народе, для исследователя являются важными косвенными показателями того, какие этнические группы участвовали в биологическом смысле в ее образовании в прошлом, то с общественно-исторической точки зрения антропологический тип, проявляющийся почти только во внешнем облике, не играет абсолютно никакой роли. Границы распространения [7] антропологических типов никогда не совпадают с границами народов и ареалами языков.

Языковая преемственность также указывает на историческую связь данного народа с этническими группами, которые были носителями этого же языка (или его предшественника на более ранних этапах истории; но эта связь не является непременно прямой. Распространение языков вширь, на этнически, культурно и антропологически чужеродные группы является в истории самым обычным явлением; более того, можно сказать, что распространение языка на новую территорию лишь очень редко является свидетельством действительно массового распространения там также и его народа-носителя с *вытеснением* ее прежних жителей. Обычно такое расширение языкового ареала доказывает лишь, что масса местных жителей смешанного этнического состава приняла язык пришлой этнической группы, который по тем или иным историческим причинам играл на определенном этапе социально ведущую роль; а это далеко не всегда означает, что первоначальные носители этого языка обладали и численным превосходством. Столь же часто встречается и обратное соотношение. Таким образом, современный народ может во многих случаях преемственно продолжать культуру преимущественно одних предков, составлявших большинство, а в языковом отношении быть преемником этнической группы, составлявшей в прошлом меньшинство среди его предков; соответственно в антропологическом отношении современные типы, распространенные в данном народе, будут в основном продолжать внешние признаки тех предков, которые составляли большинство, а не тех, которые составляли меньшинство, даже если они передали потомкам свой язык.

Наконец, культурная преемственность является наиболее расплывчатым и неопределенным понятием. Однако в тех случаях, когда тот или иной народ под влиянием определенных исторических факторов меняет свой язык, не только антропологическая преемственность, но и преемственность в материальной и духовной культуре всегда покажет, что перед нами тот же самый народ, что и раньше, хотя язык его изменился. Правда, картина здесь непрерывно меняется благодаря [8] взаимным влияниям и заимствованиям культурных изобретений, и даже модам, шагающим через этнические границы. Но учет фактора культурной преемственности предостережет нас от соблазна начинать общественно-историческую и культурную историю народа заново по той лишь причине, что сменился его язык. Если, например, тот или иной народ уже достиг уровня классовой цивилизации, то следует ожидать, что выработавшиеся у него

институты классового общества сохранятся и будут развиваться дальше, несмотря на изменение языка; историю страны можно считать как бы начинающейся заново лишь в том случае, когда можно доказать, что изменение языка в данном случае связано с массовым заселением территории новым и притом стоящим на другом общественно-культурном уровне этносом, вовсе или в значительной мере вытеснившим или истребившим прежнее население.

Применительно к древним периодам истории Армянского нагорья следует помнить, что о духовной культуре местного населения в III—II тыс. до н.э. мы не знаем практически почти ничего, а в I тыс. до н.э. — чрезвычайно мало; археологические же культуры, выделенные преимущественно на основании разнообразных и меняющихся типов керамических и других материальных изделий, определялись в своем сложении множеством конкретных местных факторов, далеко не всегда только этнических, и не могут однозначно отождествляться с этническими группировками.

Эти предварительные замечания были совершенно необходимы для правильного понимания стоящей перед нами проблемы.

Археологические данные о материальной культуре жителей Армянского нагорья и непосредственно примыкающих к нему территорий в III—II тыс. до н.э. были отчасти освещены ранее другими исследователями, отчасти же мы их вкратце коснемся ниже, а здесь этого аспекта этнической проблемы мы будем касаться лишь попутно.

Антропологический состав. Что касается антропологических типов, то в нагорных областях Передней Азии издавна были распространены две малые расы так называемой европеоидной большой расы: 1) средиземноморская, [9] характеризующаяся смуглым цветом кожи, темными волнистыми волосами, удлиненным носом, узким лицом и долихоцефальным черепом, и 2) балкано-кавказская раса, характеризующаяся темными волосами, выпуклым носом, широким лицом, обильной растительностью на лице и на теле и брахицефальным черепом. С течением времени (особенно с начала II тыс. до н.э.), судя по довольно скудным антропологическим находкам и древним изображениям, балкано-кавказская раса все более начинает преобладать¹⁾. На Армянском нагорье, в Северной Месопотамии и отчасти в Малой Азии с I тыс. до н.э., а может быть и раньше, наиболее распространенным являлся ассириоидный (арменоидный) вариант этой же расы. К нему, как известно, принадлежит и сейчас большинство армянского народа.

Имеющихся данных явно недостаточно, чтобы судить по антропологическим материалам об истории этнических группировок на изучаемой территории.

Языковая ситуация в III—II тыс. до н.э. Таким образом, нам предстоит сейчас обрисовать, главным образом, языковую ситуацию, существовавшую на Армянском нагорье и соседних территориях в III—II тыс. до н.э.

В горных областях центральной и восточной Малой Азии (включая Черноморское побережье), Армянского нагорья и Иранского Азербайджана в древнейшие времена известны племена и народы, говорившие на языках по крайней мере трех, а скорее — четырех групп.

Хатты. Каски. Абешлайцы. К первой из них относятся так называемые *хатты*²⁾ (не смешивать с хеттами). Их язык известен нам по записям религиозных обрядовых отрывков в дворцовых архивах Хеттского царства, найденных на городище Богаз-кёй. К сожалению, хеттские писцы, записывавшие эти отрывки (часто с их [10] хеттским переводом), сами этого языка уже не понимали, и их записи, по-видимому, не точны; кроме того, система аккадской клинописи, применявшаяся в ее хеттской разновидности для записи хаттских текстов, была совершенно не приспособлена для передачи хаттского звукового состава; поэтому до сих пор невозможно восстановить фонологию хаттского, а это делает невозможным и достоверное решение вопроса о его принадлежности к какой-либо определенной языковой семье, так как нельзя установить закономерные звуковые соответствия между хаттским и каким-либо другим языком (простое внешнее сходство звучания слов или собственных имен, не подтвержденное выявлением определенных закономерностей, не является научным основанием для установления родства, так как оно может объясняться случайными созвучиями, очень нередкими во всех языках мира). Грамматическая структура хаттского начинает выясняться только в последние годы благодаря трудам Э. Форрера, Э. Лароша, И. М. Дунаевской и А. Камменхубер³⁾; она являет черты разительного структурного сходства с северо-западными кавказскими языками (абхазо-адыгскими), что само по себе еще не доказывает родства между ними и хаттским (так как аналогичная грамматическая структура может существовать и в неродственных языках), но делает это родство вероятным⁴⁾. Со стороны звукового материала грамматических показателей, как кажется, нет ничего, что говорило бы против родства хаттского с абхазо-адыгскими языками, и есть также некоторые, правда, скудные и очень спорные данные о возможной близости его и с языками южнокавказскими (картвельскими, или иберо-грузинскими). Предположительно — но без всякой гарантии в достоверности такого предположения — можно рассматривать хаттский [11] язык либо как очень древнее ответвление от абхазо-адыгской группы, либо как промежуточное звено между этими языками и языками грузинской группы.

Исследования Г.А. Меликишвили⁵⁾ и Г.Г. Гиоргадзе⁶⁾ делают вероятным близкое родство хаттского с языком *касков* (или *кашка*) — группы племен, населявших северо-восточную Анатолию и Южное Причерноморье (Понт) в течение II тыс. до н.э. от р. Галиса (Кызыл-Ирмак) или западнее, до верхнего Евфрата к западу от совр. Ерзнка — Эрзинджана, включая долины рек Ирис (Ешиль-Ирмак) и Лик (Волчья река, Гайл-гет, Келькит). К сожалению, для суждения о языке касков мы имеем только некоторое количество названий местностей, населенных пунктов и имен лиц.

Хатты, по-видимому, заселяли нейтральную Анатолию (Каппадокию) в изгибе р. Галис (совр. Кызыл-Ирмак) в III тыс. до н.э.; к началу II тыс. до н.э. они были уже, в основном, поглощены хеттами, о которых ниже.

Ассирийские источники конца II тыс. до н.э. упоминают в связи с касками также племена *абешлайцев* и *урумейцев*. Относительно урумейцев речь пойдет ниже; что же касается абешлайцев, то их племенное название, как и название касков, может быть истолковано как принадлежащее к языку абхазо-адыгской группы⁷⁾. И это еще, конечно, не доказательство принадлежности касков и абешлайцев к абхазо-адыгской языковой группе, так как во-первых, сходство названий может [12] быть чисто случайным совпадением, а во-вторых, история языков показывает, что одинаковые этнические названия нередко прилагаются соседями и к неродственным по языку племенам, обладающим похожей культурой⁸⁾.

Археология Понта и Колхиды III—II тыс. до н.э. совершенно еще недостаточно изучена, за исключением находок в Очамчири, рисующих культуру III тыс. до н.э., совершенно отличную от господствовавших в соседних областях.

Представляется довольно вероятным, — хотя это и не может считаться доказанным, — что на всем протяжении от центральной и западной части Северного Кавказа и Закавказья, через Восточное Причерноморье, Колхиду и Южное Причерноморье (Поит) до р. Галис (Кызыл-Ирмак) в III и, вероятно, во II тыс. до н.э. были распространены племена, либо непосредственно принадлежавшие к северо-западно-кавказской (абхазо-адыгской) языковой группе, либо говорившие на языках, родственных абхазо-адыгским, а в отдельных районах (Закавказье), вероятно, и на картвельских.

Хурриты и уарты. Ко второй группе древних народов на изучаемой территории относятся прежде всего *хурриты*. Древнейшим памятником хурритского языка считается клинописная надпись второй половины III тыс. до н.э., принадлежащая Тишари, царю [13] Уркеша (в Северной Месопотамии)⁹⁾. Язык этой надписи, впрочем, может равно считаться и старохурритским, и староурартским, так как почти в одинаковой степени близок как к хурритскому II тыс. до н.э., так и к урартскому I тыс. до н.э. По-видимому, наиболее юго-восточным районом расселения хурритов была долина р. Диялы в современном восточном Ираке¹⁰⁾. Другие памятники хурритского языка и упоминания народа хурритов относятся уже ко II тыс. до н.э. и к территории от Угарита на средиземноморском побережье Сирии — на западе до Аррапхи (совр. Керкук в Иранском Курдистане) — на востоке¹¹⁾. Отдельные группы хурритов, по-видимому, селились и южнее, при этом не только приводимые сюда в качестве рабов (как, например, в Вавилонии): египетские и древнееврейские источники упоминают поселения хурритов даже в Южной Палестине¹²⁾. Однако южной границей массового расселения хурритов во II тыс. до н.э. нужно признать линию, проходящую примерно через район совр. г. Хама в Сирии до района совр. г. Ханекин на границе Ирака и Ирана; но при этом в пределах этой границы [14] не только во всех степных, скотоводческих районах, но и во многих районах земледельческих, с городским населением (в Финикии, Сирии, Ассирии и т.п.) одновременно имелось либо сплошное, либо во всяком случае весьма значительное семитское население. На северо-западе область распространения хурритов ограничивалась хребтом Киликийского Тавра, за которым жили уже хетты, а ранее — по всей вероятности хатты.

Гораздо труднее определить северную и восточную границы расселения хурритов.

Имеющихся письменных источников недостаточно для освещения этнической картины во II тыс. до н.э. к северу от Армянского Тавра. В нашем распоряжении есть, правда, названия местностей и племен на территории к югу от линии, которую можно провести примерно от Ерзнка — Эрзинджана до точки, где в настоящее время сходятся границы Турции, Ирана и Ирака, но их лингвистический анализ не произведен, и к тому же подобные названия местностей (топонимы) и племен (этнонимы) — очень ненадежный критерий определения языковой и этнической принадлежности населения (значение названий неизвестно, а поэтому нет гарантии, что их предлагаемые этимологии из того или иного языка не основаны на внешних созвучиях; к тому же в истории нередки случаи, когда топонимы принадлежат не тому языку, на котором говорят в данной местности в изучаемое время, а какому-либо более раннему)¹³⁾. [15]

Некоторые умозаключения о вероятном этническом составе населения Армянского нагорья в III—II тыс. до н.э. можно сделать на основании данных более позднего времени — начала I тыс. до н.э. В этот период хурритский этнос уже не занимал сплошного массива; только остаточные его ареалы сохранялись в горных и некоторых других районах территории, полукругом окаймлявшей Армянское нагорье с запада и юга: и долине верхнего Евфрата¹⁴⁾ и, возможно, Чороха¹⁵⁾; в Сасунских [16] горах¹⁶⁾, вероятно, в долине р. Кентрит (совр. Бохтан)¹⁷⁾; и, возможно, в верховьях р. Хабур; Северной Месопотамии¹⁸⁾ и в горах к западу и юго-западу от оз. Урмия (Резайе)¹⁹⁾.

Внутри этого полукруга, к северу от Армянского Тавра, вероятно уже и во II тыс. до н.э. находилась этническая территория *урартов* — народа, говорившего на близком к хурритскому языку²⁰⁾ и обладавшего культурой, во многом близкой к хурритской. Поэтому можно предположить, что хурриты и урарты представляли собой первоначально один этнос; лингвистические данные заставляют думать, что в начале III тыс. до н.э. предки хурритов и урартов еще говорили на столь близких диалектах, что их можно считать для этого времени хотя и разными племенами или группами племен, но принадлежавшими к этнически однородной массе: к югу от гор Армянского Тавра и в долине верхнего Евфрата племена этого этнического массива вошли в состав хурритов, а жившие далее к северо-востоку, то есть в верховьях р. Большой Заб, у озера Ван и севернее в сторону долины Аракса — в состав урартов. [17]

Еще далее к северу, в центральном и восточном Закавказье, можно предполагать существование третьей группы племен, предположительно родственной как хурритам, так и урартам, которую мы можем условно обозначить как группу этивцев²¹⁾. Именно к ней, вероятно, относились племена, оставившие нам замечательные памятники погребений Триалети, Кировакана и Лчашена II тыс. до н.э., указывающие на сильные культурные связи с хурритским миром²²⁾. Однако сам термин Этиуни появляется только в урартских текстах VIII в. до н.э.

То, что хуррито-урартский этнический массив занимал в III и II тыс. до н.э. всю территорию от холмистых равнин Северной Месопотамии до центрального Закавказья, вероятно еще и потому, что за последнее время выяснилась вероятность тесных языковых связей хуррито-урартской группы с северо-восточно-кавказскими (нахско-дагестанскими) языками, — особенно с их нахской (вейнахской) подгруппой, представители которой обитают ныне в центральных районах Большого [18] Кавказа, преимущественно на его северных склонах (чеченцы, ингуши, на южных склонах — бацбийцы)²³⁾.

Кутии и др. Языки народов и племен, обитавших к востоку от Армянского нагорья, от района южнее оз. Урмия-Резайе до Большого Кавказа, известны нам лишь по отдельным собственным именам и топонимическим названиям III и II тыс. до н.э. (для крайнего юга этой территории), а также I тыс. до н.э. (для всей территории). Даже по этому скудному материалу видно, что это был иной лингвистический ареал, в основном отличный от хуррито-урартского, хотя здесь могли быть и отдельные группы хурритов; лишь совершенно предположительно можно отнести остальные обитавшие здесь племена (наиболее южные из которых были известны вавилонянам и ассирийцам под названием *кутиев*) к северо-восточно-кавказской (нахско-дагестанской) языковой группе, к которой, по всей видимости, принадлежали [19] и албаны, населявшие Северный Азербайджан в I тыс. до н.э., и остаток языка которых сохранился у маленькой народности удин, живущей сейчас в двух селах на границе Азербайджана и Грузии²⁴⁾.

Куро-аракская археологическая культура. Как ясно из вышеизложенного, выводы о вероятном распространении хурритского этноса на север в III—II тыс. до н.э. и о существовании здесь уже и тогда родственных хурритам племен урартов и «этивцев» основаны на косвенных данных. Некоторой помощью могли бы быть археологические источники, если бы можно было с уверенностью привязать ту или иную археологическую культуру к определенному этносу. Однако хурриты, жившие на территории Месопотамии и Сирии в исторический период (II тыс. до н.э.), разделяли общую цивилизацию с окрестным семитским населением, и очень трудно сказать, какая именно археологическая культура должна здесь считаться исконно связанной именно с хурритским этносом. Некоторые особенности одежды (остроконечные шапки, колоколовидные юбочки как основная часть мужской одежды, обувь с загнутыми носками) и изобразительного искусства (фантастические животные, орнамент в виде плетенки) довольно определенно связываются с хурритами, однако и в этих особенностях культурное взаимопроникновение живших здесь народов было велико. Что же касается более ранних периодов, то между исследователями нет полного согласия даже в отношении того, являются ли хурриты II тыс. до н.э. пришельцами в Месопотамию и Сирию с севера или же автохтонами, к которым могут быть возведены еще энеолитические и неолитические культуры этого района, такие, как культура Телль-Халафа или Самарры²⁵⁾. Нам в настоящее время представляется более [20] вероятным, что хурриты были пришельцами, спустившимися в Сирию, Месопотамию и в долины притоков р. Тигра в течение III тыс. до н.э.

Б. Б. Пиотровский, по-видимому, склонен связывать с хурритско-урартским этносом энеолитическую керамику так называемой «куро-аракской культуры»²⁶⁾.

Впервые обнаруженный Е. А. Байбуртяном при раскопках городища Шенгавит около Еревана и выделенный в особую культуру Б. А. Куфтиным «куро-аракский энеолит» (медно-каменная культура) в последние годы привлек к себе большое внимание как в СССР, так и за рубежом²⁷⁾. Ареал его распространения выявляется в настоящее время очень отчетливо: на северо-востоке он уходит за Большой Кавказ, в Чечню и северный Дагестан (правда, по-видимому, «куро-аракские» памятники здесь более поздние, чем некоторые из найденных в Закавказье); восточная граница ареала пока намечается по линии от центрального Дагестана (Каякент) через Нахичеванскую АССР (Кюль-тепе) до западного побережья озера Урмия-Резайе (Гёй-тепе); далее ареал «куро-аракского энеолита» охватывает все центральное Закавказье, а также районы Ванского озера и верховьев р. Тигра (по данным Г. Бэрни), и самый западный район этой культуры, по-видимому, образует [21] городище Арци — Караз около Карина — Эрзурума на верхнем Евфрате и еще несколько городищ в верховьях р. Галис (Кызыл-Ирмак). Культура «куро-аракского энеолита» не проникает, по-видимому, в Понт и Колхиду, но ее ареал включает юго-западную²⁸⁾ и восточную Грузию (Внутренняя Картли) и Юго-Осетию, а может быть и Северную Осетию. В Малой Азии к западу от Евфрата и верховьев Галиса встречаются только отдельные предметы данной культуры.

Но самое интересное, что та же культура, называемая здесь Хирбет-Керакской, внезапно появляется в середине III тыс. до н.э. в Сирии (Амук, слои H и I, Хама) и Палестине (Бет-Шеан, Хирбет-Керак и др.). В Закавказье памятники куро-аракской культуры, по наиболее достоверным определениям, в том числе с помощью радиоуглеродного анализа, датируются XXIX—XXI вв. до н.э. и, следовательно, центром ее распространения нужно, видимо, считать именно Закавказье²⁹⁾.

Как видим, ареал куро-араксской культуры близко соответствует ареалу хуррито-урартской языковой группы, как он выявляется по историко-лингвистическим данным. В то же время было бы упрощением попросту отождествлять эти два ареала. Хурритские поселения Северной Месопотамии и области за Тигром пока не дали памятников куро-араксской [22] культуры, а с другой стороны, у нас нет оснований относить *непосредственно* к носителям хуррито-урартских языков, например, предков чеченцев и северных дагестанцев (несмотря на вероятное родство их языков с хуррито-урартским), хотя их территория входила в «куро-аракский» ареал (в широком смысле этого понятия).

Протогрузинские племена и вопрос о кавказском языковом единстве. Еще одна известная нам важная лингвистическая группа, в отношении которой для III—II тыс. до н.э. совершенно отсутствуют, насколько мы можем судить, какие-либо письменные свидетельства, несомненно должна была уже существовать в это время на изучаемой территории. Это — южно-кавказские (иначе — картвельские, иберо-грузинские) языки; носители их, как уже указывалось, возможно, имели известные языковые связи с хаттами и тяготевшими к ним племенами, жившими к востоку от хаттов. По лингвистическим данным, существование картвельского языка-основы следует отнести к III тыс. до н.э.; при этом он, по тем же данным, занимал компактную и, по-видимому, гористую территорию³⁰⁾.

Вопрос о характере и степени, и даже о самом наличии родства между тремя группами кавказских языков (абхазо-адыгской, картвельской и нахско-дагестанской) еще является нерешенным, и исследователи расходятся во мнениях — следует ли эти три группы считать отдельными семьями, или же ветвями одной семьи. Из древневосточных языков, как мы видели, хаттский, возможно, сближается с абхазо-адыгской группой, а хуррито-урартский — с нахско-дагестанской. С картвельской группой у обоих этих языков мало общего, кроме некоторых чисто структурных особенностей, а если общее и можно нащупать, то скорее у хаттского. Поэтому, если все три ветви (очевидно, включая и упомянутые древневосточные языки) восходят к общему предку, то существование такого общекавказского языка-основы следует отнести к очень глубокой древности: [23] в III тыс. до н.э. и хуррито-урартский, и хаттский, и картвельский язык-основа³¹⁾, и нахско-дагестанский язык-основа³²⁾ не только были вполне обособленными языками, но имели уже между собой довольно мало сходства. Поэтому предположение Е. И. Крупнова о том, что культура «куро-араксского энеолита» может быть отождествлена с культурой общекавказского пранарода, представляется нам упрощенным. Однако несомненно, что — по крайней мере в северных частях ареала — «куро-араксская» культура выходила за пределы территории только хуррито-урартских по языку племен, а включала также и области носителей других кавказских языков, — во всяком случае некоторых. Если все три группы кавказских языков действительно восходят к одному языку-основе, то нужно считаться с возможностью существования в древности и языков, принадлежавших не только к грузинской, абхазо-адыгской (и хаттской?), а также нахско-дагестанской (и хуррито-урартской?) ветвям, но и к каким-то языковым группам, имевшим характер промежуточных между ними звеньев. Можно предположить, что благодаря посредству таких племен, говоривших на подобных промежуточных языках, культура «куро-араксского энеолита» нашла распространение и среди протогрузинских по языку племен. Однако вопрос о том, какие именно археологические культуры (или их подразделения) связаны непосредственно с племенами — носителями протогрузинского языка, остается неясным. [24]

Неясной остается также этническая принадлежность майкопской культуры Северного Кавказа.

Индоевропейцы. Но наряду с упомянутыми этническими массивами, — условно говоря, хаттским (он же, возможно, северо-западно-кавказский?), южнокавказским (картвельским), хуррито-урартским и, возможно, кутийско — северо-восточно-кавказским, — которые, обосновались на изучаемой территории во всяком случае не позже III тыс. до н.э., если не были здесь автохтонами, в древней Передней Азии имелись еще и носители языков другой семьи, продвинувшиеся сюда тоже в очень древние времена, но все же несколько позже остальных. Речь идет о индоевропейской семье языков, представленной в древней Передней Азии языками трех ветвей — анатолийской, индоиранской и фрако-фригийской. О последней речь пойдет специально в главах II и III, здесь же мы коснемся первых двух.

Древние анатолийцы (хетты и лувийцы). Ранее остальных на Ближнем Востоке, появились носители языков анатолийской ветви³³⁾. Нет сомнения в том, что древние анатолийские языки Малой Азии представляют собой историко-лингвистически более поздний слой, чем, например, хаттский. Сомнение вызывают лишь время их появления и путь проникновения в Малую Азию. В настоящее время бесспорно лишь, что в самом начале II тыс. до н.э. анатолийские языки уже были распространены во всяком случае в восточной части полуострова. Из общих соображений об истории индоевропейской семьи языков следует, что они вряд ли могли появиться здесь ранее второй половины III тыс. до н.э.³⁴⁾ В отношении же пути их проникновения существуют две гипотезы: согласно одной, анатолийские языки были занесены в Малую Азию с Балканского полуострова, согласно другой — из Северного Причерноморья через Кавказ. Доводы в пользу восточного пути прихода древних анатолийцев довольно [25] шатки³⁵⁾. Археологически пока трудно указать на какую-нибудь культуру, которую можно было бы связать с древними анатолийцами в предположении, что они пришли в Малую Азию с северо-востока. В малоазийских археологических культурах последней четверти III тыс. до н.э. действительно наступили существенные изменения (возникновение важного культурного центра у Дарданелльского пролива — Трои VI — на развалинах менее важных поселений, которые восходили к периоду расцвета Трои II еще в начале III тыс. до н.э., и имели связи, с одной стороны, с областью чернолощеной керамики на востоке, а с другой — с эгейским миром и Балканами; гибель поселений на городищах Аладжа-хюк III и Алишар I в центре [26] Малой Азии и возникновение здесь культуры «каппадокийской» керамики)³⁶⁾. Эти изменения говорят о появлении новых этнических элементов, которые можно отождествить с древними анатолийцами, — но скорее об их появлении с запада, чем с востока³⁷⁾. Тем не менее, вопрос о западном или восточном пути проникновения древних анатолийцев в Малую Азию должен пока считаться нерешенным. Во всяком случае, во II тыс. до н.э. они населяли большую часть полуострова Малая Азия, разделяясь в лингвистическом отношении на две подгруппы — северо-западную и юго-восточную.

Южная³⁸⁾ часть полуострова и горы Тавра были заняты племенами *лувийцев*, диалекты которых относятся к [27] юго-восточной подгруппе анатолийских языков. К той же подгруппе относился и язык *палайцев*, предположительно обитавших в верховьях р. Галис (Кызыл-Ирмак)³⁹⁾.

К северо-западной подгруппе относятся прежде всего собственно *хетты*. Термин этот возник в науке в период, когда этническая обстановка в Малой Азии II тыс. до н.э. была еще недостаточно известна. В настоящее время выяснено, что *царство*, в котором господствовали хетты, называлось по его столице Хатти или, по-хеттски, городу Хаттусас) тоже Хатти (в научной литературе — «Хеттское царство»); однако язык народа так не назывался (по-видимому, он назывался «несийским»); «хеттским» же, или «хаттским» языком назывался *неиндоевропейский* язык коренного населения города Хатти. Но термины «хетты» и «хеттский язык» сейчас уже слишком прочно вошли в научный обиход в применении к «несийцам» и «несийскому языку», чтобы их можно было отбросить. Поэтому, для различения коренных жителей Хатти, говоривших на языке, близком к кавказским, от господствовавшей народности Хеттского царства, говорившей на северозападном анатолийском индоевропейском языке, мы называем первых «хаттами», а вторых «хеттами». (Применение к «хаттам» также термина «протохетты» не означает, что они рассматриваются как предшественники хеттов в языковом отношении, хотя, говоря о «протоармянских» или «протогрузинских» племенах, мы имеем в виду носителей языка, из которого развился современный армянский или грузинский. Однако, во избежание недоразумений, лучше придерживаться термина «хатты»).

Для понимания дальнейшего важно иметь в виду, что окрестные народы впоследствии обозначали как «хеттов» (хатти, хате) не один какой-нибудь народ, а все вообще население бывшей Хеттской державы, и даже шире — всех районов между Евфратом и Средиземным морем.[28]

В физическом и культурном отношении хеттов нельзя считать просто индоевропейцами-пришельцами. Несомненно, что основная масса народа состояла из хаттов, утеравших свой прежний язык и перешедших на индоевропейский «хеттский» (несийский)⁴⁰⁾. Районом обитания хеттов следует считать территорию внутри изгиба р. Галис (Кызыл-Ирмак) в центральной части Малой Азии и непосредственно к югу от Галиса, до совр. Кайсери (Кесарии).

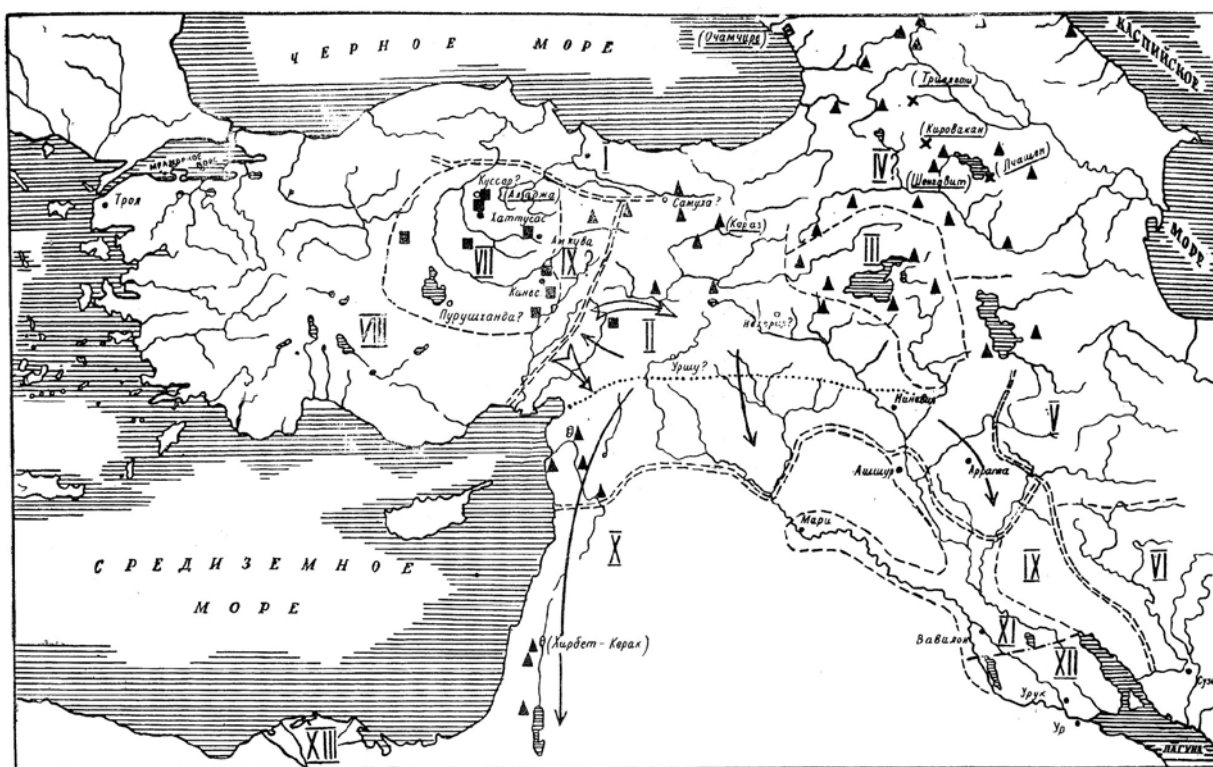
Языки анатолийских племен, обитавших к западу от хеттов и лувийцев во II тыс до н.э., нам не известны. Но позже, уже в I тыс., когда анатолийские языки были вытеснены из центральной Малой Азии следующей, фригийской волной пришельцев, на западе, юго-западе и юге полуострова они сохранились.⁴¹⁾

Носители языка индоиранской ветви. К совсем иной ветви индоевропейских языков, довольно далекой от анатолийской и не имеющей к ней прямого отношения, принадлежит еще один язык, засвидетельствованный в Передней Азии во второй и третьей четверти II тыс. до н.э.⁴²⁾, сравнительно малочисленными собственными именами людей и богов (между прочим, и именами царей хурритского государства Митанни, о котором пойдет речь ниже). Ареал подобных имен совпадает с ареалом распространения хурритского языка (от предгорий Ирана до Палестины). Отдельные слова этого языка дошли также в одном из коневодческих трактатов хурритского происхождения [29] этого же времени⁴³⁾. Название этого языка неизвестно⁴⁴⁾. Сам язык принадлежал к арийской (индоиранской) ветви индоевропейских языков⁴⁵⁾. Предполагали, что именно с носителями этого «западно-индоиранского языка» в Переднюю Азию было принесено искусство массового применения боевых колесниц, однако поскольку у племен, живших в III и начале II тыс. до н.э. к северу от Кавказа, колесницы не были известны, есть основание думать, что пришлые в Переднюю Азию индоиранские племена развили коневодство и стали широко применять

коней, впряженных в изобретенную в самой Передней Азии легкую колесницу, только уже после своего прихода в области к югу и юго-востоку от Кавказа. Других следов в культуре Передней Азии, а также в этнической картине, сложившейся здесь во II тыс. до н.э., они не оставили. Вопрос о пути их проникновения сюда все еще открыт⁴⁶⁾. [30]

Аккадцы и западные семиты. Чтобы завершить этническую картину для III—II тыс. до н.э., необходимо упомянуть о южных соседях Армянского нагорья. На земледельческих территориях так называемого «Плодородного полумесяца» — на Финикийском побережье (в совр. Ливане), в долинах Сирии, на равнинах Северной Месопотамии (ныне также входящих в государство Сирию) и вдоль великих рек Евфрата и Тигра, — а также в степях между этими районами, — в III—II тыс. до н.э. жили семитские народы; а именно, в Финикии, Сирии, частично в Северной Месопотамии и повсюду в степных районах жили западные семиты (ханаанеи и амореи), а вдоль Евфрата и Тигра — восточные семиты, или аккадцы, которых мы лучше знаем под именем ассирийцев и вавилонян, но которые в то время еще так не назывались⁴⁷⁾. Южная часть ареала хурритов и северная часть ареала семитов перекрывали друг друга, — и те, и другие жили бок о бок.

Таковы были этнические действующие лица тех исторических событий, которые на Армянском нагорье и в соседних областях предшествовали образованию армянского народа.

СХЕМАТИЧЕСКАЯ КАРТА ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ В III - НАЧ II ТЫС. ДО Н.Э. (ЭТНИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ)

Города и культуры:

- Древние города
- Предположительное местоположение древнего города
- ✕ Другие археологические памятники

- ▲ Памятники культуры куро-араксского энеолита III тыс. до н.э.
- Памятники культуры каппадокийской керамики ок. 2000 г. до н.э.
- ◆ Памятники культуры джамчире

- ===== Приблизительные границы групп языков в нач. II тыс. до н.э.
- Приблизительные границы языков в нач. II тыс. до н.э.
- Северная граница смешанного хуррита-семитского населения
- Северная граница смешанного шумеро-семитского населения

Языки:

Хуррито-урартские языки	I Касский	→ направление распространения хурритов	Анатолийские языки	VII Хеттский	→ направление распространения лувийцев
	II Хурритский			VIII Лувийский ?	
	III Урартский ?			IX Палайский ?	
	IV «Этибский» ?			X Западно-семитский	
	V Кетийский, лулуудейский и др.			XI Аккадский	
	VI Эламский			XII Шумерский	
				XIII Египетский	

2. Создание Хеттского и Митаннийского царств и территория Армянского нагорья

Хозяйство Армянского нагорья и Закавказья в эпоху энеолита. Горные области западной Азии^[48] были колыбелью земледелия, которое возникло здесь задолго до эпохи металла. Со второй половины IV тыс. до н.э. в передовых областях Ближнего Востока складываются первые культуры [31] медного века (энеолита). В III тыс. до н.э., все еще в медном веке, у древних египтян, у шумеров и аккадцев Южной Месопотамии, позже в Эламе (на юго-западе совр. Ирана), а затем и в отдельных, наиболее передовых районах Северной Месопотамии и, возможно, Сирии сложились классовое общество и государство. Но весь окружающий мир, в том числе и горные области Ближнего Востока, жил еще в условиях первобытного строя.

Хотя нам мало известно о собственно Армянском нагорье III тыс. до н.э., но, поскольку оно вводило в ареал куро-араксской культуры, хорошо изученной в Закавказье, мы имеем возможность судить об обществе нагорья этого времени — в той мере, в какой нам это позволяет характер археологических источников.

Это была все еще примитивно-земледельческая культура; люди селились в открытых поселках, застроенных круглыми и прямоугольными хижинами с глиняными стенами на плетеном каркасе и каменном (булыжном) фундаменте; разводили скот, — главным образом крупный рогатый; волов запрягали в повозки. Наряду с камнем, применялась и медь с мышьяковистым приплавом, технологически более совершенная, чем чистая самородная медь, хотя и уступавшая позднему сплаву — бронзе.

Хозяйство Армянского нагорья, Закавказья и Малой Азии в начале эпохи бронзы. Для II тыс. до н.э. из горных областей Ближнего Востока хорошо обследованы только Малая Азия, Закавказье и отдельные районы Ирана. Для Малой Азии II тыс. до н.э. у нас имеются и письменные источники. Об Армянском нагорье наши сведения крайне скудны, и мы можем судить о состоянии общества здесь лишь по отрывочным данным и по сопоставлению с тем, что происходило в соседних областях — Малой Азии и Закавказье. Здесь уже нет полного единообразия, так как однородность культуры к этому времени нарушается.

Население всех этих трех стран во II тыс. до н.э. продолжало заниматься земледелием и скотоводством. Наряду с горноручьевым полевым земледелием, здесь возникает садоводство и виноградарство, начинается экстенсивное развитие [32] скотоводства, особенно разведение овец, коз, свиней, а также крупного рогатого скота. Распространение во II тыс. до н.э. коневодства и рост стад (состав которых изменился благодаря увеличению поголовья более подвижного в горных условиях мелкого рогатого скота) позволяют перейти к выпасу на отдаленных горных пастбищах. Это приводит к росту богатства отдельных племен, обладавших лучшими выгонами, и к ожесточенной борьбе за территорию и за захват стад. В связи с участвовавшими войнами на нагорьях Закавказья, Армении и Малой Азии, вместо прежних открытых поселений с круглыми домами-хижинами, возникают крепости-убежища и крепости-поселения, в стенах которых, возведенных из сырцового кирпича на цоколе из огромных каменных глыб, ютились тесно прижатые друг к другу прямоугольные жилища, тоже построенные из кирпича-сырца. Вожди племенных дружин и окружающая их родовая знать богатеют; образуются военные племенные союзы. В то же время вырубка лесов на бревна для балок и под посевы и уничтожение подлеска скотом приводят к поредению лесных массивов, покрывавших в прежнее время склоны гор Армянского и Киликийского Тавра, Малого Кавказа и других хребтов.

Наряду со скотоводством и земледелием быстро развивается рудное дело и металлургия. Еще в III тыс. до н.э. горы Киликийского Тавра славилась серебряными рудниками, а в начале II тыс. до н.э. здесь развивается и достигает высокого уровня металлургия бронзы (сплава меди с оловом). Бронза применяется для изготовления сельскохозяйственных и ремесленных орудий, оружия, высокохудожественной посуды. Несколько позже, со второй половины II тыс. до н.э., начинают широко использоваться меднорудные месторождения Закавказья. Помимо этого, если в начале II тыс. до н.э. вывоз олова фактически монополизировал г. Ашшур на р. Тигре, то к концу II — началу I тыс., по всей вероятности, стали эксплуатироваться оловянные месторождения западного и центрального Закавказья.

Несмотря на быстрый рост производительных сил, в том числе осуществившийся к концу II тыс. до н.э. переход от мотыги к сохе с бронзовым лемехом — в горных долинах земледелие [33] оставалось еще сравнительно мало продуктивным и не могло обеспечить создание постоянного прибавочного продукта, а следовательно,

и возможность перехода к классовому обществу. Накопление богатств скотоводческими племенами, по-видимому, приводило к обогащению целых родовых групп, но еще не нарушило в достаточной степени коллективный характер производства и родообщинный характер собственности; патриархальные связи между верхушкой богатых родов и массой их родичей были еще слишком сильны, и имущественное расслоение внутри племени еще не выкристаллизовалось в классовое расслоение.

Возникновение классового общества в Малой Азии. Ассирийские колонии. В несколько различном положении к началу II тыс. до н.э. оказались восточная Малая Азия, с одной стороны, и область Армянского нагорья и Закавказья, — с другой. Более ранний расцвет металлургии в Малой Азии содействовал тому, что здешние племена были раньше втянуты в интенсивный обмен с развитыми цивилизациями Передней Азии. Это, в свою очередь, способствовало еще большему увеличению накоплений у малоазийских племен и в то же время сосредоточению личной собственности у вождей общин, а затем более быстрому распаду общинной собственности также на землю и скот и, в конечном счете, быстрому продвижению общества к ступени возникновения цивилизации.

Свидетельством важности обмена для Малой Азии является факт появления здесь сети торговых колоний⁴⁹⁾, в которых главную роль играли ассирийцы (или, собственно, ашшурцы) и жители Северной Сирии, хотя в деятельности этих колоний при-[34]

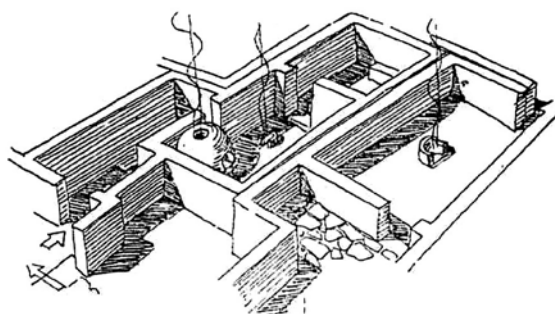

Рис. 1. Жилой дом купца Шактунуна в южной части торгового пригорода в Канише: приемная с переносным очагом, кухня с печью, архивная комната, кладовая и спальня (по материалам раскопок Кюль-тепе).

Рис. 2. Подписная печать канишского купца с изображением его самого (слева), божества с весами и личных богов-покровителей купца (оттиск).[35]

нимали активное участие и наиболее зажиточные представители местного населения.

До нас дошли многие тысячи глиняных табличек с клинописью — документы из архивов купцов, главным образом из колонии Каниш на современном городище Кюль-тепе около г. Кайсери, но также из Амкувы (городище Алишар), Хаттусаса (городище Богаз-кёй) и др. В этих документах упоминаются еще десятки колоний и торговых станов. К сожалению, мы не знаем местоположения многих из них. Большинство, несомненно, находилось в Малой Азии — от озера Туз, где была расположена Пурушханда, до р. Лика (Гайл-гет — Келькит), на которой, по-видимому, находилась колония Самуха. Базой для проникновения в Малую Азию, вероятно, служила колония Ур-Шу, — по-видимому, немного выше выхода р. Евфрата на равнину (по другому мнению — в Северной Месопотамии). По крайней мере одна колония, как кажется, находилась в верховьях р. Тигра — это колония Нахрия, если ее можно отождествить с позднейшей Нехерией, центром области Арме(?), которую ищут в районе совр. Майафаркина (средневековый Неп'ер-керт) или несколько западнее.

Область распространения ассирийских колоний совпадает с районами развития металлургии; поэтому ассирийцы не проникали на Армянское нагорье, где металлургия бронзы получила полное развитие позже.

На всей территории, где действовали ассирийские колонисты, как показывают данные их торговых архивов, уже к XX в. до н.э.⁵⁰⁾ повсюду возникли раннеклассовые города-государства, управлявшиеся царьком-вождем («правителем») и [36] царицей-жрицей («правительницей»), вероятно вместе со старейшинами. Центром такого государства был город с крепостью⁵¹⁾. Наряду с этим, несомненно существовали, особенно в горных районах, также и вполне еще первобытные племена.

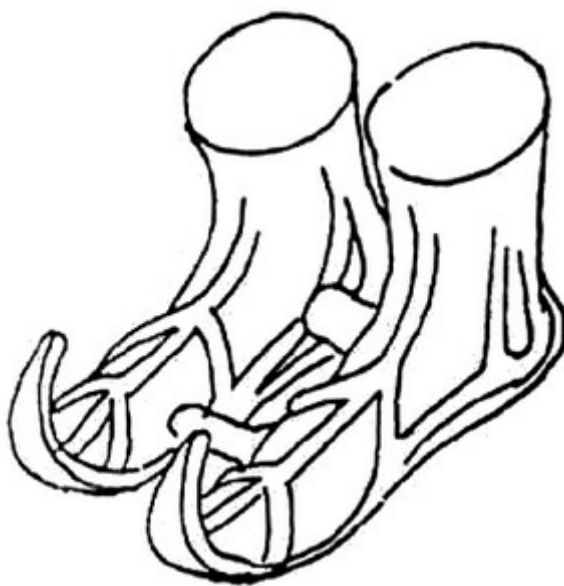

Рис. 3. Пара горских башмаков. Реконструкция по глиняной модели из Каниша.

Местное население малозийских городов-государств жившее патриархальными родовыми общинами, по-видимому, вполне обеспечивало себя продуктами скотоводства, хлебом (были известны ячмень, пшеница, эммер и, возможно, просо-гоми), виноградом, ремесленными изделиями и отчасти шерстяными тканями, но покупали шерстяные и льняные ткани также у колонистов, но у них они прежде всего приобретали олово, необходимое для изготовления бронзы. Со своей стороны колонисты вывозили главным образом серебро, но также медь и шерсть и, кроме того, пытались захватывать какой-то драгоценный металл, вывоз которого был запрещен, — возможно, железо⁵². Характерно, что работоторговля почти не практиковалась, хотя рабы были известны. Товары ввозили и вывозили караванами на ослах; с этих караванов местные [37] царьки взимали пошлины и имели право первого выбора из привезенных товаров, что, конечно, способствовало дальнейшему обогащению местной знати

В среде жителей Малой Азии происходило быстрое имущественное и классовое расслоение, развивалось кабальное рабство. К концу периода существования колоний (в начале — середине XIX в. до н.э.) начался процесс завоевания соседних городов-государств наиболее могущественными царьками, что в конце концов привело к созданию Древнехеттского царства и к прекращению торговой деятельности ассирийцев, поскольку последние были сильны именно разрозненностью местных правителей.

К востоку и северо-востоку от области ассирийской колонизации процесс имущественной и классовой дифференциации по изложенным выше причинам шел медленнее; однако пышные погребения вождей, найденные в районе Триалети и около Кировакана, относящиеся, правда, скорее всего к несколько более позднему периоду (XVIII—XVI вв. до н.э.?), с высокохудожественной золотой, серебряной и бронзовой утварью и обильными жертвоприношениями скота, с рабами, сопровождавшими вождей в могилу, указывают на то, что и здесь среди господствовавших племен имущественное расслоение очень сильно продвинулось; наряду с этим, в Закавказье найдены и более скромные родовые погребения того же времени. На связь этих племен Закавказья с хеттско-хурритской культурой указывает обряд кремации и одежда людей, изображенных

на одном из триалетских серебряных кубков (короткие юбочки и обувь с загнутыми носками).

Возникновение Хеттского царства. В центральной Малой Азии, после временного возвышения правителей других городов-государств, гегемоном около середины XIX в. до н.э. стал Аниттас, правитель Куссара. Ему удалось, между прочим, захватить старый хаттский центр, г. Хатти (Хаттусас), который позже стал столицей названной по нему Хеттской державы⁵³⁾. Но [38] основателем царского дома и хеттского государственного могущества хетты считали Лапарнаса, правившего, вероятно, в начале XVII в. до н.э.⁵⁴⁾ По преданиям, этот царь претендовал на власть над всей территорией Малой Азии от Средиземного и Эгейского до Черного морей⁵⁵⁾. Следующие хеттские цари пытались завоевать Северную Сирию, а внук Лапарнаса, Мурсилис I, даже совершил опустошительный набег на Вавилон (ок. 1595 г. до н.э.). На обратном пути он столкнулся с хурритами, то есть, по всей вероятности, с зачатком слагавшегося около этого времени государства Митанни. Однако после насильственной смерти Мурсилиса I Хеттское царство разваливается, главным образом по причине распрей среди знати; в то время как цари пытаются установить порядок престолонаследия от отца к сыну, знатные роды поддерживают более старый порядок перехода престола от умершего царя в род мужа царской дочери от главной царицы⁵⁶⁾. Одновременно происходит наступление касков: еще до 1550 г. они навсегда отрезали Хеттское царство от Черного моря⁵⁷⁾. Установление при царе Телепинусе (ок. 1525 г.) твердого порядка престолонаследия и урегулирование отношений между царской властью и собранием воинов, отражавшим интересы знати⁵⁸⁾, еще не привело к восстановлению прежнего могущества Хеттского царства.[39]

Усиление роли хурритов. В XIX—XVIII вв. до н.э. на севере Месопотамии и Сирии существовал целый ряд городов-государств; в их деловой переписке использовался аккадский (восточноеврейский) язык и аккадская клинопись, а население состояло из восточных и западных семитов с некоторой примесью хурритского элемента⁵⁹⁾. В конце XIX в. наиболее могущественным государством здесь стал Ашшур на р. Тигре, где власть захватил западный семит Шамши-Адад I, который принял необычный для Ашшура титул «царя» и временно поставил под свою гегемонию территорию от Евфрата на западе до гор Загра на востоке; он пытался, по-видимому, осуществить контроль и над сетью еще сохранявшихся торговых колоний в Малой Азии. Однако государство его оказалось непрочным; вскоре после его смерти сначала область по среднему Евфрату, а затем и сам Ашшур и соседние города (например, Ниневия) были вынуждены подчиниться вавилонскому царю Хаммурапи. Но и власть династии Хаммурапи в этих районах оказалась непрочной: по-видимому, уже с середины XVIII в. до н.э. начинается вторжение в Вавилонию племен касситов с Иранского нагорья, удерживать в своих руках Северную Месопотамию вавилонские цари более не могли. Уже к концу XVII в. хетты наталкиваются на хурритов при своих набегах на Хальпу в Сирии (совр. Халеб; до XVIII в. до н.э. здесь было западноеврейское государство Ямхад).

Продвижение хурритов на юг и запад, начавшееся в III тыс. до н.э., интенсивно продолжалось и в начале II-го. Еще в III тыс. до н.э. хурриты продвинулись в горы Киликийского Тавра, где мы, по данным хеттских источников XIV—XIII вв., встречаем хурритские собственные имена⁶⁰⁾ и прочно укоренившиеся культы хурритских богов, оказавшие очень сильное влияние и на культуру центральной части Хеттского царства. [40] Хурритское влияние сильно сказывается также на

языке хеттов, и даже хеттская правящая династия, видимо, была полухурритской по происхождению⁶¹⁾. Одновременно такое же или еще более сильное продвижение хурритов происходит на юго-запад, в Сирию, и на юго-восток, в области за р. Тигром. Уже в XVIII в. до н.э. в г. Алалахе на нижнем течении сирийской реки Оронта мы встречаем, судя по документам, много хурритов, а в XV в. до н.э. — преимущественно хурритов⁶²⁾. В течение всего II тыс. до н.э. хурритское население безусловно преобладало и в районах восточнее Тигра, и лишь в Ашшуре и некоторых других городах оно составляло небольшой процент⁶³⁾.

Однако в своем продвижении хурриты, видимо, не имели ни достаточно сильного общего центра, ни средств для овладения властью. В течение первой четверти II тыс. до н.э. в Северной Сирии и Месопотамии сохраняются города-государства, аккадские по культуре и возглавляемые западносемитскими династиями. Положение изменилось, видимо, в связи с введением массового коневодства.

Появление коневодства. Долгое время распространенное в науке мнение о том, что лошадь не была известна Древнему Востоку до появления индоевропейцев, не подтверждается. Сейчас имеются многочисленные свидетельства того, что она была известна в Двуречье в III и даже в IV тыс. до н.э. Однако основным транспортным животным в это время был осел, хотя, по-видимому, отдельные экземпляры дикой лошади отлавливались в качестве производителей для мулов и лошаков, высоко ценившихся не только как транспортные, но и как боевые животные. В конце III тыс. до н.э. в Месопотамии была введена легкая двухколесная колесница, сделавшая возможным боевое применение [41] коня⁶⁴⁾, однако конь оставался редким и очень дорогим животным⁶⁵⁾, и введение его не изменило существовавшей тактики и стратегии.

В Европе лошадь тоже была известна издавна, однако вначале только как объект охоты и культа; едва ли одомашнение лошади произошло здесь даже в начале II тыс. до н.э. Во всяком случае, на своей восточноевропейской родине индоиранцы не могли быть коневодами и колесничими. Возможно, что они могли познакомиться с переднеазиатской легкой колесницей на своем пути в Иран и Индию, при этом нагорья Ирана и Армении предоставляли прекрасные возможности для развития коневодства: не только во II, но и в начале I тыс. до н.э. разведение лошадей, по-видимому, плохо удавалось на равнинных территориях Передней Азии, и поэтому, хотя свое коневодство было развито и здесь, но основным источником для пополнения конского состава древневосточных армий оставались горные районы, особенно восточная Армения, бассейн озера Урмия-Резайе и северные районы Ирана. Возможно, что именно здесь было впервые развито коневодство двигавшимися индоиранскими племенами еще во второй или даже первой четверти II тыс. до н.э.

Вопрос этот остается неясным; бесспорно лишь, что всюду, где в Азии и Южной Европе во II тыс. до н.э. появлялись не только индоиранцы, но и другие индоевропейцы, они приносили с собой искусство коневодства и приводили примерно однотипные легкие колесницы с конной упряжкой⁶⁶⁾. Гипотетически [42] можно предположить, что массовое коневодство и тактика боя на легких конных колесницах были введены индоиранскими племенами во время их пребывания на нагорьях Армении и Ирана (или только Ирана); от них коневодство и тактика колесничного боя были, очевидно, восприняты хурритами и, может быть, касситами⁶⁷⁾. Характерно, что как хетты, так и ассирийцы⁶⁸⁾ второй половины II тыс. до н.э. учились коневодству по хурритским пособиям, в то время как сама

хурритская коневодческая терминология была полна индоиранских терминов⁶⁹⁾. Однако в Малую Азию искусство боя конных колесниц могло попасть и минуя хурритов, например, через какие-нибудь наемные войска вроде «племени Манда» или «племени Сала»; погребение коней вместе с владельцем засвидетельствовано здесь уже для начала II тыс. до н.э.⁷⁰⁾; небольшой хеттский колесничный отряд упомянут в надписи Аниттаса (XIX в. до н.э.). Возможно, что и в Ахейской Греции колесницы и коневодство появились из Малой Азии.

Возникновение государства Митанни. Таким образом, индоевропейские коневодческие племена, хотя и стояли в культурном отношении значительно ниже местного земледельческого населения Передней Азии (как семитов, так и хурритов), обладали важным преимуществом — тактикой массового колесничного боя. По-видимому, это позволило тем группам хурритов, которые еще в горах имели контакты с индоиранцами и переняли у них колесничную тактику, завладеть, опираясь на местное хурритское население, многими городами-государствами Северной Месопотамии, Сирии и даже [43] Палестины и образовать собственные династии, пришедшие на смену аморейским (западносемитским). Однако, если индоиранское коневодство и послужило орудием, которое помогло создать новые государства, то предпосылки их создания возникли в недрах самого переднеазиатского общества. В результате процесса завоевания и слияния ряда мелких городов-государств и образовалось в XVI в. до н.э. царство Митанни со столицей Вашшуганне в верховьях р. Хабур в Северной Месопотамии, игравшее в течение нескольких столетий ведущую роль в Передней Азии. Государство это не было индоиранским. Хотя его цари носили индоиранские имена⁷¹⁾, в быту они пользовались, по-видимому, хурритским языком, во всяком случае, их канцелярии применяли хурритский язык наряду с аккадским, а также аккадскую систему клинообразного письма. По-видимому, хетты употребляли термины «Хурри» и «Митанни» как синонимы⁷²⁾ (другие названия этого государства — «Мантени», «Ханигальбат», «Халигальбад»). К сожалению, о Митанни мы знаем гораздо меньше, чем о Хеттском царстве.

Митанни было рыхлым государственным образованием, включавшим многие полусамостоятельные области и мелкие царства, обязанные митаннийским царям данью и предоставлением воинских контингентов. Его влияние прослеживается от района совр. Керкука на востоке (древняя Аррапха) до долины р. Оронта в Сирии (Мукише-Алалах, Катна), Средиземноморского побережья (Угарит) и гор Киликийского Тавра, где было расположено царство Кицватна, по-видимому лувийско-хурритское по составу населения⁷³⁾. Основателями митаннийского могущества могут считаться цари Барраттарна (XVI в.?) и Саушшатар (первая половина XV в. до н.э.).[44]

Несомненно, что если не прямая власть, то влияние Митанни простиралось также и на довольно значительное расстояние вверх по долине верхнего (Западного) Евфрата (севернее истоков Тигра), по крайней мере, до впадения в него р. Арацани. Труднее сказать, как далеко простиралось митаннийское влияние и митаннийская власть в более западных районах Армянского нагорья. Вполне вероятно, что в область влияния Митанни входила вся территория к югу от Армянского Тавра, включая долины рек Кентрита (Бохтана) и Большого Заба, хотя это в настоящее время не доказуемо; доходило ли влияние Митанни до Ванского озера — можно только гадать.

3. Общественный строй хеттов и хурритов

Значение данных об общественном строе хеттов для истории Армении.

Данные об общественном строе хеттов и хурритов в Малой Азии, Сирии и Месопотамии имеют очень важное значение и для истории Армянского нагорья, так как наши сведения о нем от периода II тыс. до н.э. весьма скудны. Эти данные важны хотя бы уже потому, что Армянское нагорье этого времени населяли в значительной мере те же хурриты, а окраинные его части непосредственно входили в Хеттское и Митанийское царства и разделяли их исторические судьбы. Правда, в этих царствах общество к тому времени продвинулось дальше в своем развитии, чем в глубине нагорья и в Закавказье; однако то, что сохранялось в хеттском и хурритском обществе II тыс. до н.э. лишь как пережитки, в глубине нагорья должно было быть еще живо; а явления, характерные для классовых отношений у хеттов и хурритов, могут дать указание на то, в каком направлении могло развиваться и общество Армянского нагорья в дальнейшем, поскольку и там переход к эпохе классов и государства совершался в весьма сходных условиях состояния производительных сил и природной среды⁷⁴. [45]

Рис. 4. Ворота города Хаттусас с изображением бога Тархунтаса (?) в виде хеттского воина. Вид из руин цитадели.

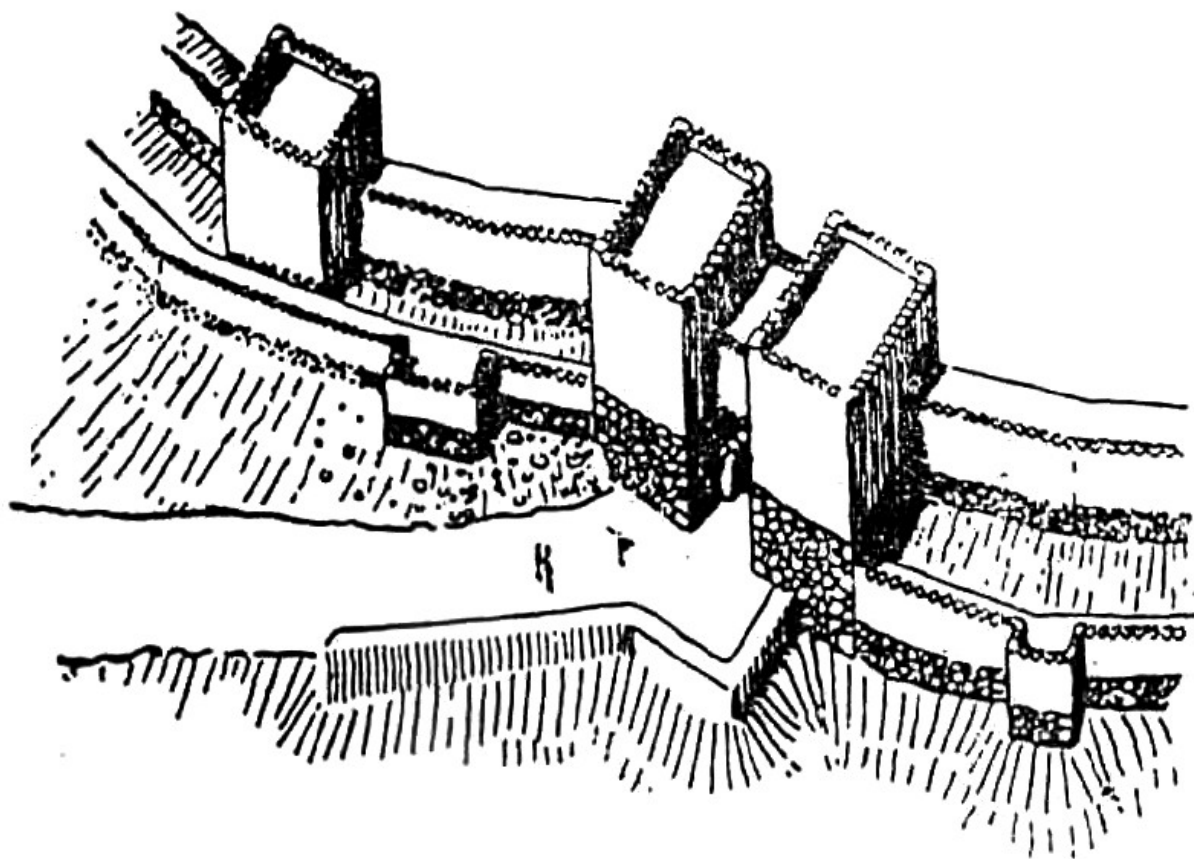

Рис. 5. Реконструкция тех же ворот. Вид на цитадель снаружи.[46]

Хеттское общество. Занятия хеттов. Как и на Армянском нагорье, основными занятиями населения Хеттского царства были земледелие и особенно скотоводство. Довольно высокого уровня в Хеттском царстве достигло ремесло, в частности металлургическое; однако, ввиду слабого развития товарности, продукция профессиональных ремесленников лишь в ничтожной части шла на внутренний рынок, и поэтому они не столько жили продажей своих изделий, сколько кормились с выделяемых им земельных участков. Продукцию же они сдавали хозяину — то есть либо хозяйству хеттского царя или подчиненных ему мелких царьков и крупных вельмож, либо храму. Чрезвычайно важной отраслью хозяйства была война, обеспечивавшая хеттское общество рабочей силой и материальными благами: и царь, и воины захватывали добычу, а царь, сверх того, собирал дань, поступавшую не только в государственную казну, но и распределявшуюся среди родичей царя и крупнейших сановников.

Царские люди и рабы у хеттов. Из походов хеттское войско приводило множество пленных. Не все они становились рабами. Хеттские источники часто упоминают людей, называемых NAM.RA^[75]. Так называлось население покоренной территории, уведенное в плен. По-видимому, NAM.RA не составляли определенной социальной категории, а по уводе с родины в Хеттское царство либо обращались в рабов различных категорий, либо поселялись на земле в качестве обязанных повинностью подданных хеттского царя и могли даже зачисляться в войско.[47]

Как и всюду на Востоке, служащие царя и царского хозяйства назывались «царскими рабами», но для них это было чисто формальным обозначением. «Царские рабы» были обязаны царю службой (сáххан), в зависимости от профессии. За службу более значительные из них — чиновники, жрецы,

военачальники и т.п. — получали крупные наделы из государственной земли с рабами, а иногда право на получение доходов и повинностей с целых населенных округов; менее значительные царские служащие, ремесленники и т.п. получали меньшие наделы из государственной земли, но тоже обычно с государственными рабами, несмотря на то, что между последними и самыми низшими из царских служащих грань была нечеткой.

Таково же приблизительно было и положение храмовых людей⁷⁶⁾, например «рабов Каменного дома» (храма, посвященного заупокойному культу кого-либо из хеттских царей). Они несли и повинности, общие со свободными хеттами (а именно, по-видимому, в том случае, если приобретали землю вне государственного земельного фонда).

В числе «царских рабов» были и люди, находившиеся в действительно рабском положении. Они жили семьями на участках государственной земли, и в случае дарения такой земли царем вельможе могли переходить в собственность последнего, однако оставались, по-видимому, прикрепленными к участку. На самой низкой ступени стояли среди них рабы-пастухи и некоторые другие; отдельным рабам, занятым в сельском хозяйстве, рабам-управляющим и т.п. разрешалось иметь кое-какое движимое имущество, например, скот, а иногда и свой земельный надел в пользовании. Рабы даже самой низкой категории могли в известных случаях брать в жены свободных женщин, при этом женщина обращалась только во временное рабство, а ее дети, — или, по крайней мере, часть детей, — по-видимому оставались свободными; женщина, вышедшая за раба более высокой категории, не отдавалась в рабство вовсе⁷⁷⁾. Половина нажитого в смешанном браке [48] принадлежала свободной жене. Наиболее состоятельные рабы, обладавшие небольшим пекулием, могли из него уплачивать калым за жену и приобретать на стороне имущество.⁷⁸⁾

Особую группу составляли **хиппарес**, которые, по-видимому, по своему происхождению были военнопленными. Они селились на земле артелями или искусственно созданными общинами — военными (?) поселениями со строгой круговой порукой, но были лишены общегражданских прав.⁷⁹⁾

В подобном, — рабском или близком к рабскому — положении находился весь рабочий персонал в хозяйствах царя, царских родичей, храмов и сановников. Этот персонал был в собственности государства и был занят в пастьбе скота, в некоторых видах ремесла и в сельском хозяйстве. Наряду с этим существовали частные рабы, бывшие собственностью своих хозяев. Они были, по-видимому, преимущественно заняты в домашнем хозяйстве, что позволяло освободить другую рабочую силу для земледельческого труда и войны⁸⁰⁾. Раба, конечно, в любое время можно было продать и даже убить; хозяин мог заплатить виру за свое преступление своими рабами.[49]

К числу зависимых от царя категорий населения, очевидно следует отнести и людей, на которых возлагалась обязанность нести определенную повинность (**луцци**) за общины, — видимо, прежде всего воинскую⁸¹⁾. Это были по преимуществу ремесленники⁸²⁾. Они получали за службу участок земли на прокорм, выделявшийся не из царской, а из общинной земли в качестве доли царя. Такой участок мог быть передан царем и пленному, с обязательством нести повинность; в более позднее время царь возлагал на подобных людей не только общинную повинность (**луцци**), но и обязанность царской службы по мирной профессии данного лица (**саххан**).

Рис. 6. Жилой дом свободного хетта (жреца?) близ городских ворот.
Реконструкция по археологическим данным.

Свободные общинники у хеттов. Основную массу населения Хеттского царства, несомненно, составляли свободные земледельцы и скотоводы. Во всех древневосточных обществах II тыс. до н.э. общинники-собственники, обозначаемые в документах по имени и отчеству, а иногда и по общине, четко отличаются от зависимых царских людей, обозначаемых по имени и профессии без отчества. В Хеттском царстве свободные общинники должны были нести повинность луцци, однако первоочередное несение повинности возлагалось общиной, как мы видели, на специального «военнообязанного», выделявшегося для этой цели царем, а сами общинники несли повинности, по-видимому, лишь во вторую очередь. Кроме того, общинники, видимо, платили дань либо царю, либо тем, кому эта дань была царем уступлена — местным царькам или крупным сановникам.

Свободные земледельцы жили семейными общинами⁸³⁾ с общей собственностью на землю и, кроме того, были организованы и в сельские общины. Земельный фонд семейной общины назывался хурритским термином **ивару**. Повинность **луцци** лежала на ивару в совокупности; в случае продажи части земли, повинность оставалась на том, кто имел ивару в целом, то есть, очевидно, на главе семенной общины⁸⁴⁾. Ростовщичество и долговое рабство, возникшие еще в эпоху торговых колоний, несомненно, продолжали существовать и в Хеттском царстве⁸⁵⁾, но несравненно больше в этом отношении известно о хурритском обществе, в связи с которым данный вопрос и будет разобран.

Территориальная община (село или «город») имела свое самоуправление и в известных случаях несла круговую поруку. [51] Общинники были подсудны царскому чиновнику и старейшинам общины, в отличие от царских и храмовых людей, подсудных только царским чиновникам⁸⁶⁾.

Рис. 7. Знатные хетты на колесницах. С египетского рельефа.

Знать у хеттов. Наемники из племен Армянского нагорья. От повинностей могли быть освобождены сановники, получившие от царя землю в дар (с рабами или с правом взимать дань местного населения), затем от повинности **луцци**

были освобождены лично некоторые жрецы (но не всегда члены их семейной общины) и некоторые группы воинов и ремесленников⁸⁷⁾. Для нас особенно интересно, что от воинской повинности были освобождены воины племен Манда, Сала и Хеммува⁸⁸⁾, которые служили в войске не в порядке повинности, а за плату. Племя Манда не отождествляется⁸⁹⁾. Что же касается Сала (Салуа) и Хеммува (Химуа, Хемме и т.п.), то оба эти племена [52] (или обе области) следует искать на Армянском нагорье, между Евфратом и Ванским озером, а может быть и восточнее. Очевидно, речь идет о воинах из этих племен, служивших наемниками в хеттском войске.

Позднее к ним были приравнены в правах и воины хеттской столицы.

По всей вероятности, именно привилегированная знать, не несшая повинностей, образовывала категорию «господ города Хаттусас», из которой вербовались высшие сановники и администраторы, а также колесничие, составлявшие главную ударную силу войска. Наивысшие сановники и военачальники получали право управлять целыми областями и собирать с них дань. Верхушку хеттского общества составляли члены царского рода.

Государство у хеттов. Хеттское государство имело рыхлую структуру. Помимо городов и областей, подчинявшихся непосредственно царю, а в период Новохеттского царства — царским наместникам различного ранга, существовали мелкие полузависимые царства, иногда специально выкроенные для хеттских царевичей, иногда покоренные хеттами, а также районы, выделенные в управление крупным сановникам⁹⁰⁾. Отношения всех правителей этих полусамостоятельных областей с хеттским государством были обусловлены письменными договорами и присягой хеттскому царю. Автономией и полным освобождением от общегосударственных налогов и повинностей, видимо, пользовались священные храмовые города и их территория.

Во главе государства стоял царь — **хассус**, или **тапарнас (лапарнас)**, и царица — **тавананнас**. Функции царя были следующие: 1) возглавлять вооруженные силы и каждое лето совершать военные походы; 2) возглавлять культы богов и совершать обряды, магически олицетворяя плодородие и [53] благополучие страны; 3) возглавлять всю государственную администрацию; 4) осуществлять суд в важнейших делах, особенно грозивших смертной казнью.

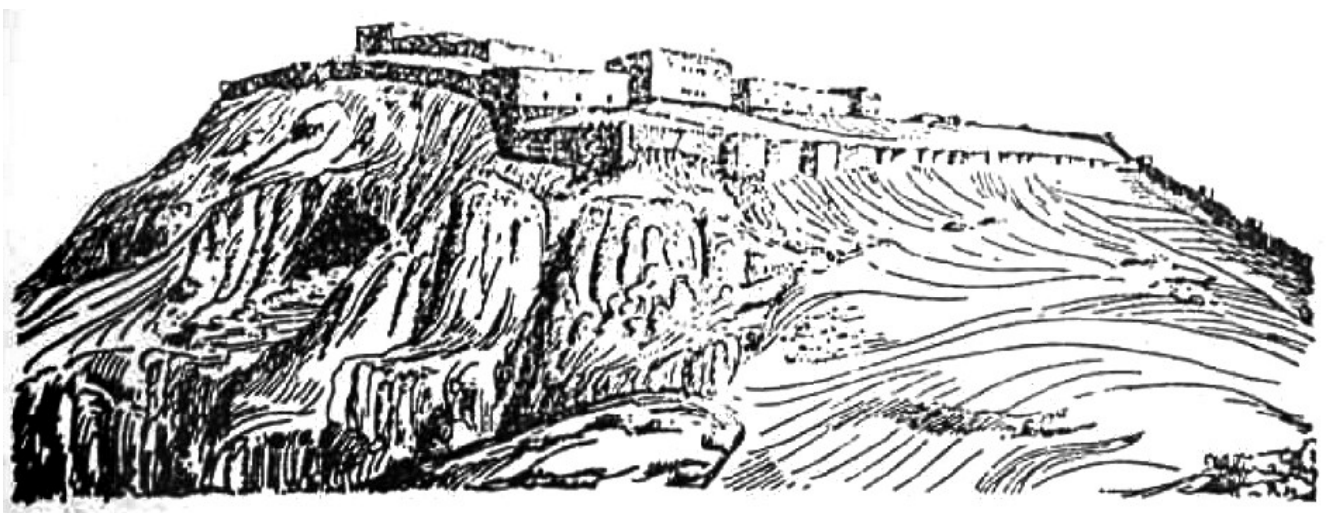

Рис. 8. Форт у города Хаттусас (современный холм Бююк-кале). Реконструкция по археологическим данным.

Царицей-**тавананнас** считалась мать царя, а по ее смерти — мать наследника. Таким образом, не всякая главная жена царя⁹¹⁾ («царица» — **хассусар**) была **тавананнас**, так как эта должность была пожизненной. Она считалась почти не менее важной, чем должность царя. **Тавананнас** была верховной жрицей с широким кругом культовых и политических прав и обязанностей, ей поступали также самостоятельные доходы, независимо от доходов царя.

Должность, царя (**хассус**) первоначально была выборной из определенного рода или родов. Выбор осуществляло народное собрание — **панкус**. Однако уже в период Древнехеттского царства **панкус** состоял фактически не из всех способных носить оружие, а только из родичей и приближенных царя и его личной дружины. Лишь после реформы царя Телепинуса в конце XVI в. установился твердый порядок престолонаследия от отца к сыну, причем панкусу принадлежало уже только право формального утверждения царя совместно со старейшинами государства (наккес). Как царь, так и **тавананнас** были в [54] известных случаях подсудны панкусу и могли быть низложены⁹²⁾.

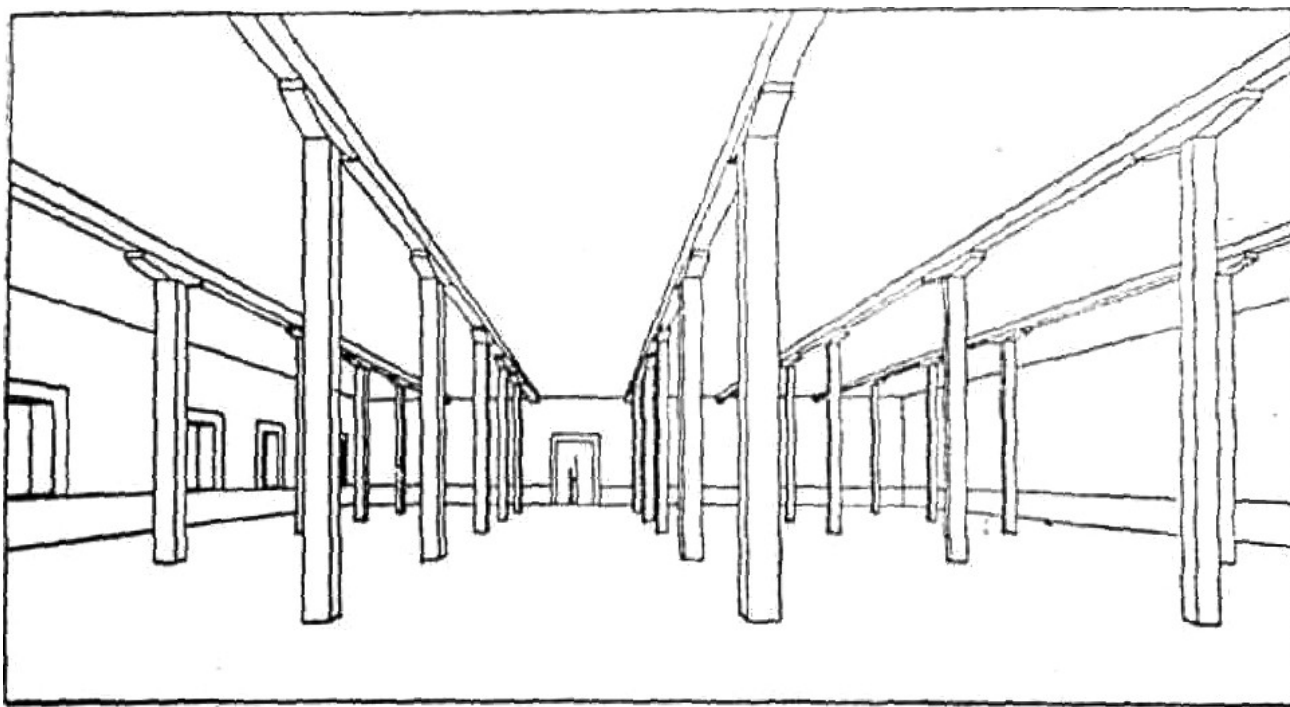

Рис. 9. Приемный зал во дворце города Хаттусас. Реконструкция по археологическим данным.

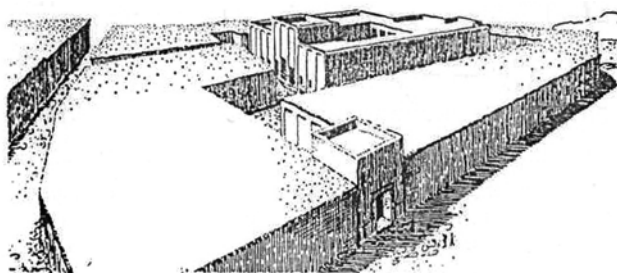

Рис. 10. Один из храмов в г. Хаттусас, окруженный складскими помещениями. Реконструкция по археологическим данным.[55]

В Новохеттском царстве панкус сохранял уже только некоторые религиозные функции⁹³⁾, и власть царя стала деспотической; царь стал принимать пышные титулы, и вместо «я» называть себя «мое Солнце».

Рис. 11. Хеттские боги. Со скального рельефа в Язылы-кая.

Храм у хеттов. Огромную роль в жизни хеттского государства играла религия. Главным божеством был бог грозы Тархунтас (хурриты называли его Тешуб, или, точнее, Тешшоб); специальной покровительницей царя считалась богиня солнца, почитавшаяся в г. Аринне. Помимо этого, имелось множество божеств хаттского, собственно хеттского, лувийского, хурритского и шумеро-аккадского происхождения. Религия играла колоссальную роль не только в идеологической, но и в хозяйственной жизни общества, — не только потому, что храмы представляли собой крупные хозяйства, аналогичные по структуре царскому хозяйству, воздействовавшие на всю экономику общества, пользовавшиеся повинностным трудом общинников и, видимо, получавшие с них большие взносы продуктами и скотом, но и потому, что участие в обильных жертвоприношениях скота являлось всюду на древнем Востоке важным подспорьем в питании населения, особенно беднейшего. Это еще более закрепляло его зависимость от государства, так как культы богов являлись идеологическим обоснованием царской власти.[56]

Письменность у хеттов. Хеттам была хорошо известна письменность. Ассирийский вариант аккадской клинописи был занесен в Малую Азию ашшурскими купцами, и им (а также ассирийским диалектом аккадского) пользовались в своих нуждах и царьки малоазийских городов-государств⁹⁴⁾. Однако впоследствии, с созданием Древнехеттского царства, хеттские канцелярии восприняли другой вариант аккадской клинописи, бытовавший в Северной Сирии и применявшийся также хурритами⁹⁵⁾. Наряду с клинописью, в Хеттском царстве применялось и местное письмо — род иероглифов. Хотя им пользовались по всей Хеттской державе, языком иероглифических надписей, по-видимому, во всех случаях был диалект лувийского (традиционно, но ошибочно называемый «хеттским иероглифическим языком»).

На других аспектах хеттского общества и его культуры мы останавливаться не будем, так как это описание нужно было нам только для того, чтобы осветить условия, которые, по всей вероятности, существовали на окраинах Армянского нагорья, и дать возможность представить себе, чем могло быть [57] соседнее, менее продвинутое общество самого нагорья во II тыс. до н.э., и каким влияниям оно могло подвергаться.

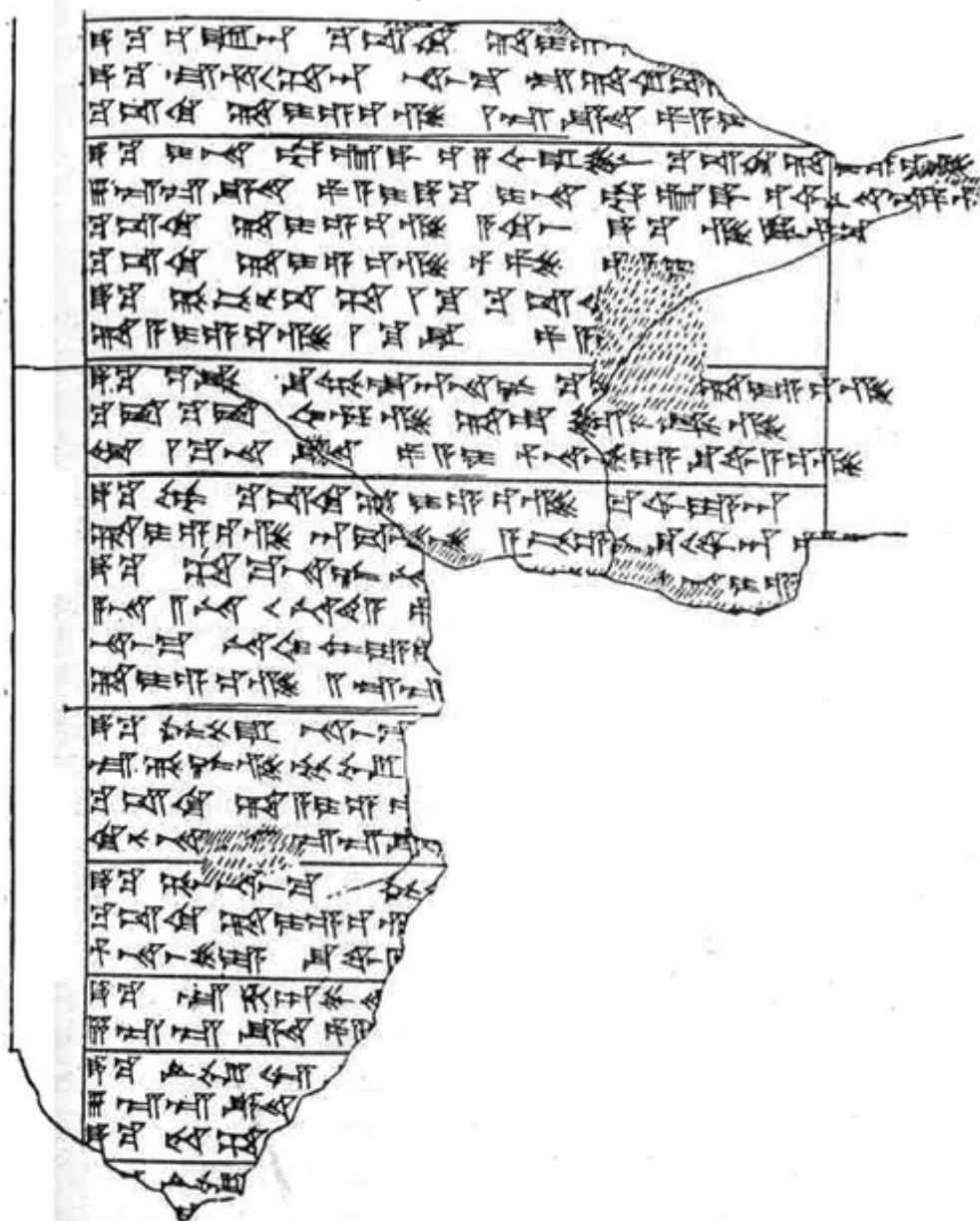

Рис. 12. Фрагмент хеттских законов (клинописный текст).

Хурритское общество. Характер источников. Об обществе хурритского государства Митанни мы знаем меньше. Если о Хеттском царстве мы судим по официальным документам столичного архива (анналы, указы, переписка царей, международные договоры,[58]

Рис. 13. Художественная митаннийская посуда из Телль-Ачаны и Телль-Биллы.
{в книге в два ряда. HF}

дарственные грамоты, инструкции должностным лицам, культовые и обрядовые тексты и т.п.), то о хурритском обществе мы можем судить по архивам преимущественно частноправными, дошедшими с окраин области влияния Митанни – из района Аррапхи (совр. Керкук в Иракском Курдистане) XV—XIV вв. до н.э., и из Алалаха (царство Мукише), совр. Телль-Ачана на р. Оронте в Сирии, XVIII и XV вв. до н.э. Правда, зато мы можем в некоторых случаях во всех деталях проследить [59] хозяйственные и социальные судьбы и даже личные взаимоотношения десятков хурритских семей на протяжении ряда поколений, а поэтому хозяйственная жизнь предстает перед нами гораздо конкретнее. Мы будем следовать той реконструкции хурритских социальных отношений, которая создана советским ученым Н. Б. Янковской⁹⁶⁾; ей удалось также показать, что основные черты социальной картины, восстановленные ею для Аррапхи, были характерны и для всей Передней Азии II тыс. до н.э. [ограниченной⁹⁷⁾] пределами Вавилонии и Египта. Поэтому эта картина приобретает особое значение и для реконструкции возможных социальных отношений в северных областях Передней Азии, в том числе на Армянском нагорье с его хуррито-урартским населением⁹⁷⁾.

Домашняя (большесемейная) община у хурритов. Хурриты низменностей были в основном земледельцами; у них имелось и развитое ремесло. Земледельческое население жило большесемейными общинами, которые в документах (составленных по-аккадски) именуются «домами» (**би́ту**), а в Аррапхе также «башнями» (**димту**). Каждая большесемейная община имела свой целостный земельный фонд, называвшийся «владением» (**эвру**) и находившийся в распоряжении патриарха (**эври**). Когда-то, вероятно, весь земельный фонд обрабатывался совместно, но по дошедшим источникам он делился на участки отдельных [60] взрослых членов большесемейной общины. Однако все члены такой общины были обязаны взаимопомощью и совместно выполняли общинные повинности, позже ставшие государственными (**ильку**). Один из участков (**кашка**) был посвящен культу родовых богов⁹⁸⁾; он и находился в распоряжении эври. По смерти патриарха семейной общиной продолжали совместно управлять «братья», — под ними разумелись не только родные братья, но все вообще потомки патриарха приблизительно одинаковой степени родства с ним, то есть лица, приходившиеся друг другу родными, двоюродными и троюродными братьями и т.д., а иногда и дядьями и племянниками. По мере разрастания большой семьи (в третьем-четвертом поколении) она дробилась, однако состояние производительных сил не благоприятствовало сохранению индивидуальных семей как самостоятельных хозяйственных единиц; лишённые возможностей, которые предоставляла взаимопомощь в большесемейной общине, они либо

погибали, либо подчинялись другим общинам, либо вскоре разрастались в новые большесемейные общины.

Между отдельными большесемейными общинами существовала сложная система взаимоотношений. Общины, образовавшиеся путем распада более крупной большесемейной общины, продолжали быть связанными между собой, в частности, общим культом; они признавали известный авторитет эври «старшей» семейной общины и, вероятно, хотя не с прежней степенью обязательности, были объединены с родственными общинами обычаем взаимопомощи. Это позволяло более богатым семьям, пользуясь патриархальными связями, эксплуатировать более бедные семейные общины. Но члены общины или группы родственных общин не только подчинялись авторитету **эври** — в известных случаях он должен был нести материальную ответственность за их действия. Однако положение **эври** было, во всяком случае, настолько важным, что члены богатых семей стремились купить его права на главенство.[61]

Территориальная общинау хурритов. Но, помимо родственных связей существовали еще и связи соседские; так, несколько более слабых общин могли приносить присягу соседнему эври более сильной общины и быть с нею связанными патриархальными узами, несмотря на отсутствие родства между ними.⁹⁹⁾ Несколько родственных, а часто уже и неродственных семейных общин образовывали некое организационное объединение — село (аккадск. **āлу**), являвшееся соседской или соседско-родовой общиной¹⁰⁰⁾. Укрепленное село или группа сел могли вырасти в город-государство со своим самоуправлением.

Отдельные укрепленные дворы семейных общин («башни», **димту**)^{100a)} группировались, таким образом, в селения (**āлу**). Но **āлу** могли быть не только родовыми или соседскими общинами, но и селениями зависимых от «дворца» людей (например, ремесленников). Селения группировались вокруг одного или нескольких центров — укрепленных поселений, условно обозначаемых как «города», где находился храм, жилище вождя или правителя и должностных лиц общинного объединения или «города-государства». Здесь собирался совет старейшин и, вероятно, народное собрание¹⁰¹⁾. Так, например, в «городе» Нузе во главе администрации стоял «градоначальник», иногда участвовавший в совете старейшин. Этот «город» был подчинен царю, правившему в центре области («страны») — Аррапхе, а позже, по-видимому, царевичу, поселившемуся около крепости Нузы. Если — что вероятно — это был митанийский царевич, то, следовательно, Нуза подчинялась, в конечном счете, царю [62] Митанни, что, вероятно, выражалось только в уплате дани. Алалах все время имел самостоятельного царя, но и он, по-видимому, платил дань — сначала Ямхаду, а потом Митанни¹⁰²⁾.

Такова картина, реконструируемая для исходного состояния хурритского общества, по крайней мере на окраинах «Плодородного полумесяца». Аналогичным должно было быть общество и на нагорьях, с той разницей, что здесь еще не сложилась государственная власть, а существовали племенные объединения, и что ведущая роль скотоводства должна была видоизменять картину.

Но в период, от которого до нас дошли документы о состоянии хурритского общества, положение уже сильно осложнилось новыми явлениями.

Распад большесемейной общины. Исходным толчком, как полагает Н.Б. Янковская, послужила интенсификация земледелия и переход к специализированным типам хозяйства (только или преимущественно полевое хозяйство, только или преимущественно виноградарство, отгонное скотоводство и т.п.). С одной стороны, это позволило значительно повысить доходность хозяйств, а с другой, — вызвало потребность во внутреннем обмене, и в то же время усилило имущественное расслоение между отдельными семейными общинами, и даже внутри них, поскольку специализированное хозяйство вели индивидуальные семейные ячейки. При неразвитости товарно-денежного рынка, одностороннее развитие отдельных хозяйств и потребность в обмене вызывали необходимость в кредите, который и предоставлялся маломощным семьям более удачливыми лицами и представителями общинной знати (в Алалахе индивидуальные кредиторы систематически переуступали царю, как экономически более сильному, свои права в отношении должников. Сделка оформлялась как бессрочная ссуда, и должники отрабатывали проценты по ней)¹⁰³.

Следует при этом учитывать, что в тогдашних условиях каждое хозяйство было в высшей степени зависимо от [63] случайностей погоды и войны. Чем слабее было хозяйство, тем неустойчивее было его благосостояние, и тем легче оно могло попасть в зависимость от более богатого.

Ростовщичество. Ввиду неразвитости товарно-денежных отношений, кредит был дорог: 30% годовых считалось скорее низким процентом. За заем кредитор требовал обеспечения. Вначале более бедные семьи закладывали своих же членов, отдавая их в качестве рабочей силы в хозяйство кредитора, или сами шли в кабалу и часто оставались в кабале, так как не могли уплатить долга в срок. Такой кабальный считался рабом, однако у него иногда все еще имелась земля в его семейной общине — обладание землей давало ему сохранение известных гражданских прав и надежду на освобождение в будущем¹⁰⁴. Правда, суды решали все спорные дела в пользу кредиторов; но **эври** стремился выручить члена своей общины, так как в случае гибели главы разорившейся семьи именно **эври** отвечал за его долги. Выкупленный им однообщинник становился должником самого **эври**.

Так как движимое имущество было не в семейнообщинной, а в личной собственности, то богатство скапливалось понемногу в руках отдельных лиц, а не семейных общин: от них в зависимость попадали их же родичи, и обязанность взаимопомощи тогда превращалась в право эксплуатации бедных богатыми. Однако богатые общинники-кредиторы не довольствовались этим. Теперь они стали округлять и свои земельные владения, тем более, что земля, купленная на личные средства, оставалась в личном владении покупателя.

Захват земли ростовщиками. Общинная земля подвергалась переделам¹⁰⁵ и была в принципе неотчуждаемой; это правило в Аррапхе обходили тем, что фактический покупатель «усыновлялся» или «принимался в [64] братья» общиной продавцов. Такая сделка, в которой «усыновленный» покупатель по особой оговорке не брал на себя никаких обязательств по отношению к семейной общине, в которую он формально вступал, позволяла ему, однако, пользоваться, помощью членов усыновляющей общины, — то есть фактически эксплуатировать их. По обычному праву эти сделки, признаваемые судьями, могли осуществляться только с ведома и согласия однообщинников и в особенности эври (который в это время, особенно в слабых, распадающихся общинах, фактически все более терял прежнее значение, но нес ответственность за выполнение условий договора его

однообщинниками). За приобретенный участок покупатель уплачивал не «цену», (так как это не считалось куплей), а «подарок», поступавший лично продавцу или продавцам (а не всей семейной общине); но фактически «усыновленный» нередко получал землю почти бесплатно, так как продавцы были его должниками, и «дарил» он им только их долг¹⁰⁶⁾.

Примерно то же положение наблюдается в Ашшуре, в Алалахе, вероятно в Хеттском царстве, с той разницей, что, например, в Ашшуре скупка ничем не маскировалась¹⁰⁷⁾.

Бегство от повинностей. Трудовая и воинская повинность¹⁰⁸⁾ продолжали лежать на рядовых общинниках; хотя богач формально оставался общинником со всеми вытекающими отсюда обязанностями, однако он, надо думать, их никогда не выполнял, пользуясь семейно-общинной взаимопомощью или высылая на работу своих рабов. Если же он приобретал землю, то не брал на себя связанную с нею повинность, и последняя оставалась, по условиям договора, лежать на продавцах. Таким образом, создавались [65] зачатки разделения общества на податное и неподатное сословия, хотя это долго не находило еще юридического оформления.

Общинные повинности и права были связаны с землей; они сохранялись для каждого члена семейной общины, пока она владела хотя бы последним — культовым — участком. Но в описанных условиях вполне понятно, что многие общинники решались пожертвовать гражданскими правами, чтобы освободиться от обязанностей. Именно в это время создаются группы бросивших свои общины изгоев, которые странствовали из страны в страну, то разбойничая, то нанимаясь в военные отряды или в работники¹⁰⁹⁾. Многие бедняки бежали в горы, — в частности на Армянское нагорье, — спасаясь среди еще свободных племен от эксплуатации¹¹⁰⁾. Приток людей с опытом высокой земледельческой культуры, а также социальных отношений, свойственных классовой цивилизации, не мог не способствовать ускорению развития социальных отношений и на территориях, все еще сохранявших догосударственную организацию; но им так или иначе предстояло пройти путь, на который вступили общества хеттов и хурритов.

Проблема рабства. В возникающих крупных индивидуальных хозяйствах хурритских богачей остро вставала проблема рабочей силы. Взаимопомощь общинников и долговое рабство могли разрешить эту проблему только частично. К тому же эксплуатация долговых рабов-соотечественников была сопряжена с попытками самих рабов — [66] освободиться, а их сородичей — выкупить их, с судебными тяжбами и т.п.¹¹¹⁾ Гораздо более ценились чужеземные рабы, в частности горцы (**луллу**), которые, раз попав в рабство, были совершенно беззащитны¹¹²⁾. Поэтому начиная с середины II тыс. до н.э. мы имеем в хеттских и ассирийских источниках первые свидетельства о военных походах, специально направленных на захват пленных¹¹³⁾. О судьбе последних в хеттском государстве мы уже говорили. Однако, когда войско пригоняло очень много пленных, то их не всегда еще можно было рационально использовать в производстве, к тому же в массе они представляли опасность для господ; поэтому хетты еще в XIV в. вырезали часть пленных¹¹⁴⁾, а ассирийцы в XIII в. многих ослепляли¹¹⁵⁾ и использовали их затем, вероятно, лишь на простейших домашних работах, и скорее всего, лишь в крупном, например, дворцовом хозяйстве (очевидно, с тем, чтобы освободить для более важных работ более надежные рабочие руки). Мы видели, что хетты не всех пленных обращали в рабство, но часть из них использовали и иначе.

Дворцовое и храмовое хозяйство у хурритов. Помимо обрисованных условий, господствовавших в общинном хозяйстве, следует упомянуть существование в хурритском обществе и хозяйств других типов: дворцового и храмового. Ни то, ни другое не имело того значения, как в классических «речных» [67] цивилизациях Вавилонии и Египта, однако они, несомненно, были важным элементом в общей экономике страны. В дворцовом хозяйстве работали зависимые и неполноправные работники различных категорий (талухлу, «люди дома» и др.), напоминавшие «царских рабов» у хеттов¹¹⁶⁾.

Знатные и колесничие. Опираясь лишь на материал провинциальных центров, мы, по-видимому, не получаем достаточно полного представления об обществе Митанни в целом. Несомненно, что митанийского царя окружала родовая знать; однако, видимо, ошибочно причислять к знати колесничих (?) — **марианна**¹¹⁷⁾; и вряд ли, как полагают некоторые из западных ученых, **марианна** были преимущественно индоиранцами: по-видимому, этническая группа индоиранцев к середине II тыс. до н.э. уже полностью была поглощена хурритами.

Государственное устройство у хурритов. Остается сказать несколько слов о государственном устройстве в хурритском обществе. О нем мы знаем очень мало, но судя по тому, что хеттская государственная терминология — преимущественно хурритского происхождения¹¹⁸⁾, можно думать, что государственный строй Митанни мало отличался от хеттского. Об организации управления на низшем уровне в виде «градоначальников» и советов старейшин уже говорилось выше; есть основание думать, что, — по крайней мере в сельских общинах, — существовало и народное собрание. Мы знаем также, что в Митанни, как и в Хеттском царстве, отдельные более крупные области управлялись [68] царевичами, и что царству Митанни был подчинен — более или менее формально — целый ряд автономных царств. В Ашшуре, который полностью сохранял свое внутреннее устройство и управлялся советом старейший и малосамостоятельным правителем¹¹⁹⁾, вместе с ними сидел и митанийский «посол» (**суккаллу**), участвовавший в управлении городом¹²⁰⁾. Лишь позже когда Митанийское царство ослабело и правители Ашшура, начиная с Ашшурубаллита I (середина XIV в. до н.э.), пользуясь благоприятным стратегическим положением своего города на важнейших торговых и военных путях или в их непосредственной близости¹²¹⁾, перешли к большим завоеваниям, они стали принимать титул «царей Ассирии», а совет старейшин отошел на задний план.

Местные правители, а где их фактически не было¹²²⁾ — советы старейшин, были, вероятно, в Митанни (и вообще в хурритских обществах) весьма независимыми. О любопытном явлении рассказывают нам документы из царства Алалах XVIII в. до н.э.: цари Алалаха скупали налоги и повинности целых сел и групп сел у своих же подданных¹²³⁾.

Военная организация. Организация воинской повинности и военных сил в хурритском обществе была, по всей вероятности, сходной с той, которую мы видели в Хеттском царстве. Воинов, по-видимому, выставляли и частично экипировали общины, но на смотрах и [69] в походах их содержал «дворец». Он же снабжал рядовых воинов стрелами и другим снаряжением¹²⁴⁾. Именно хурритскому войску принадлежит древнейший известный археологии панцирь из бронзовых пластин, в то время как хетты такими панцирями, по-видимому, не пользовались; однако государственная и военная организация в Митанни была, очевидно, менее эффективной, чем хеттская, поскольку митанийцы потерпели в борьбе с хеттами быстрое поражение.

Рис. 14. Шавушка, хурритская богиня любви и распри. Хурритский герой. Оттиски хурритских цилиндрических печатей.

Религия и литература хурритов. О духовной культуре хурритов низменности мы знаем преимущественно из хурритских или переведенных с хурритского текстов хеттского царского архива¹²⁵⁾. Роль религии была здесь столь же важна, как и в других древневосточных обществах; в ней, как и в остальных [70] областях идеологии, сказывалось сильнейшее влияние Вавилонии. Наиболее важными божествами были бог-громовник Тешуб (Тешшоб), центром культа которого был г. Куммани (Комана) в горах Киликийского Тавра и, видимо, одноименный город (Кум(м)анни, Кумену, Кумме) в верховьях р. Большой Заб¹²⁶⁾, затем супруга Тешуба, богиня Хебат; богиня плодородия, войны и плотской любви Шавушка (которой были посвящены оргиастические культы со священной проституцией), бог солнца Шимиге и многочисленные местные боги: среди хурритских богов почитались также вавилонские и индоиранские.

Любопытную черту хурритского общества представляет существование в каждом поселении (территориальной общине) особых жриц, обозначаемых гетерограммой MÍ.LUGAL, что означает «женщина-царь». Эти жрицы принадлежали к знати и обладали, по-видимому, не только культовыми, но и некоторыми административными функциями¹²⁷⁾.

Рис. 15. Человеческое жертвоприношение. Оттиск хурритской цилиндрической печати. [71]

Письменность у хурритов. Хурриты были знакомы с письменностью (в виде аккадской клинописи) еще с III тыс. до н.э., о чем свидетельствует уже упоминавшаяся надпись Тишари, царя Уркеша. Во II тыс. до н.э. они применяли аккадскую клинопись в ее северосирийско-северомесопотамском варианте, причем в разных частях хурритской территории были распространены различные орфографические системы¹²⁸⁾. Хурритская литература, находившаяся под влиянием вавилонской (известны, например, фрагменты хурритской версии вавилонского эпоса о Гильгамеше)¹²⁹⁾, видимо, была довольно обширной, но до нас дошли лишь ничтожные ее остатки. Совершенно не сохранились анналы и другие исторические тексты митаннийских царей, которые, судя по всему, должны были существовать¹³⁰⁾. [72]

Значение истории и хурритского общества для истории Армянского нагорья. Та часть хурритов, которая длительное время жила в Месопотамии непосредственно примыкавших к ней районах (вроде Аррапхи или Алалаха), где население имело огромные традиции оседлой земледельческой культуры и где элементы классового общества начали складываться уже давно¹³¹⁾, совершенно утратила ко времени, освещенному документами, первоначальную племенную структуру; источники показывают нам лишь семейные общины, группы родственных семейных общин, а также территориальные организации — село и город. Но в горах, по-видимому, высшей организацией оставалось еще племя. Тем не менее, изложенная историческая ситуация, как она сложилась у южных хурритов, дает довольно верное представление о том, в каком направлении должно было развиваться хурритское общество и в менее развитых областях долины верхнего Евфрата и вообще Армянского нагорья. Классовая цивилизация рождалась в муках, которые населению нагорья еще предстояло испытать. [73]

[Назад](#) [К содержанию](#) [Дальше](#)

¹⁾ См. A. Goetze, Kleinasien, 2. Ausg., München, 1957, стр. 8 и сл.

²⁾ Они называются также *протохеттами*, что неточно, так как их язык не является предком хеттского.

³⁾ См. сводку литературы в ст.: И. М. Дунаевская, Принципы структуры хаттского (протохеттского) глагола, «Переднеазиатский сборник», М, 1961, стр. 63-64.

⁴⁾ См. И.М. Дунаевская, О структурном сходстве хаттского языка с языками северо-западного Кавказа, «Исследования по истории культуры народов Востока. Сб. в честь акад. И.А. Орбели», М.-Л., 1960, стр. 73-77.

⁵⁾ Г.А. Меликишвили. Наири-Урарту, Тбилиси, 1954, стр. 73, 410.

⁶⁾ Г.Г. Гиоргадзе, К вопросу о локализации и языковой структуре касских этнических и географических названий, «Преднеазиатский сборник», М. 1961, стр. 161 и сл. (наиболее полная сводка данных о касках во II тыс. до н.э.). Еще ранее касков связывали с хаттами Э. Форрер и П.Н. Ушаков. Иначе E.V. Schuler. Die Kaškäer, Berlin, 1965, стр. 100 сл.

⁷⁾ Др.-армян. **Гашк'** (Գաշք), др.-груз. **кашаг, кашаки**, визант.-греч. **Касахия**, араб. **кашак**, др.-русс. **косог** — обозначение адыгейцев-черкесов; греч. *Apsilzi*, лат. *Abisilae*, др.-армян. **Апшилк'** (Ափշիլք), др.-груз. **Ап'шил-эти** — обозначение древнего племени и области его обитания на территории современной Абхазии, в районе р. Кодор; ср. **а-ап'с-уа, а-ап'ш-уа** — самоназвание абхазов. См. Г. А. Меликишвили, *Наири-Урарту*, стр. 70; С. Т. Еремян, *Армения по «Ашхарацуйц»у*, Ереван. 1963, стр. 42, 101. 129 (на армянском языке).

⁸⁾ Так, Г. А. Меликишвили (*К истории древней Грузии*, Тбилиси, 1959, стр. 169) предполагает, что под общим названием касков хеттские источники могли подразумевать и некоторые грузинские племена. Последние действительно жили в Понте в I тыс. до н.э. Допустимо предположить, что также и ранее здесь существовали, помимо каскского, и другие, неизвестные нам языки, как абхазо-адыгской, так, быть может, и картвельской группы, или же промежуточные. Их носители могли входить в число племён, обозначавшихся хеттами как каскские, или в число неизвестных нам по названию племён, живших к востоку от касков. Все это, однако, совершенно гадательно. Собственно грузинские племена, носители предшественника того языка этой группы, который известен нам ныне на этой территории, а именно занского (мегрело-чанского), проникли сюда, как нам представляется, позже касков. Об этом можно судить по полному несовпадению племенных названий, засвидетельствованных здесь для I тыс. — за возможным исключением одного, см. стр. 122, [прим. 115](#) — с приводимыми в хеттских источниках названиями каскских «стран» (племен).

⁹⁾ A. Parrot et J. Nougayrol. Un document de fondation hurrite, "Revue d'assyriologie", XLII, 1-2, 1948. О хурритском языке подробно см. E. A. Spelzer, *Introduction to Hurrian*, New Haven, 1941.

¹⁰⁾ К тому же времени, что и надпись Тишари, относится надпись Арижена, царя Навара (севернее современного Багдада, в долине р. Диялы). Эта надпись составлена по-аккадски, но хурритское имя царя указывает на продвижение хурритов далеко на юг уже в III тыс. до н.э. Хурритские собственные имена встречаются и в шумерских документах Южного Двуречья конца III тыс., но, по-видимому, речь идет о пленных или чужестранцах, а не о постоянном населении

¹¹⁾ Район расселения хурритов назывался по-шумерски **Су-бир**, а по-аккадски **Субарту** или **Шубарту**; жители этого района обозначались как *шубарейцы*; в источниках II и начала I тыс. до н.э. это синоним хурритов (термин «хурриты» — самоназвание, и аккадцами обычно он не применялся). Остается неясным, являлся ли термин «шубарейцы» с самого начала просто другим названием хурритов, или же он первоначально относился к дохурритскому населению, либо применялся к жителям данной области безотносительно к их языковой принадлежности. Позже термин «Субарту» применялся к данной территории и тогда, когда она уже не имела хурритского населения, а в VII—VI вв. до н.э. он засвидетельствован как синоним термина «Ассирия».

¹²⁾ По-египетски они назывались ḥ'r.w (условное чтение **хару**, действительное, вероятно, **хурру**), по-древнееврейски — **хōри**.

¹³⁾ Весьма распространенной ошибкой является также безоговорочное отождествление древних топонимов со сходно звучащими современными или позднейшими топонимами. Такое отождествление вполне возможно при двух

условиях: 1) если мы из независимых данных (например, из описания маршрута похода или путешествия) знаем, что данный древний топоним локализуется примерно в районе данного позднейшего топонима; 2) если фонетическое развитие языка или языков, распространенных в данном районе, соответствует именно тому изменению звукового облика древнего топонима, какое засвидетельствовано в данном позднейшем топониме. В противном случае возможны серьезные ошибки. Если, например, значение древнего топонима, — скажем, — «источник», «граница» или «холм», то без соблюдения первого условия бесполезно отождествлять его с более поздним топонимом того же звучания, так как очевидно, что «источников» (например, хеттск. **Аринна[с]**, «границ» (например, аккадск. **Муцру**, **Мицру**) и «холмов» (например, аккадск. **Тилу**) может быть множество в разных местах данного языкового ареала. Или, если мы встречаем, например, название города **Мазака**, **Мажак**, то бесполезно сопоставлять его с древним этнонимом мушки, если мы не можем доказать, что в языке, о котором здесь может идти речь, были звуковые переходы из **ш** в **з** и **ж** и из **у** и **ноль** в **а** и **а**, то есть без соблюдения второго условия. Следует также проверять, не имеет ли сравниваемый топоним какого-либо нарицательного или собственного значения, которого древний топоним заведомо не мог иметь.

Другой распространенной ошибкой является выведение топонима (названия местности, населенного пункта) из древних этнонимов (названий племен и народов). Топоним такого рода возможен, как правило, только в районах несплошного этнического ареала. В самом деле, село «Русское» возможно, скажем, в Казахстане, но не в центральной России, где все села русские. Напротив, образование этнонимов от названий населенного пункта (центра данной области или государственного образования) возможно, хотя и встречается не так уж часто.

¹⁴⁾ Области в долине верхнего Евфрата и у верховьев Тигра в ассирийских источниках начала I тыс. до н.э. обозначаются как «шубарейские», что для этого периода обозначает «хурритские»; источники упоминают здесь и отдельные хурритские имена правителей и названия местностей.

¹⁵⁾ Название жившего здесь племени, как в ассирийском варианте (**Дайазни**), так и в урартском (**Диауэхи**) и греческом (**Таох-ой**), имеет хуррито-урартское окончание **-ини**, **-хи**, причем греческая передача, которая вряд ли могла восходить к урартской традиции, вероятно, воспроизводит самоназвание. Характерно для хурритского языка и чередование начального д||т. Однако хурритские этнонимы могли бытовать в этом районе и после утери хурритского языка местным населением, и не исключено, что племя таохов с течением времени грузинизировалось (точнее, чанизировалось); а впоследствии данная территория была местом интенсивных армяно-чанских контактов.

¹⁶⁾ Цари расположенной здесь области Шубриа (название которой, вероятно, связано с этнонимом шубарейцев-хурритов) носили хурритские имена в IX—VII вв. до н.э.

¹⁷⁾ Данные об именах собственных и расположенной здесь стране Хубушкиа (или Наири в узком смысле слова) очень скудны и противоречивы.

¹⁸⁾ Здесь в г. Гузани (совр. Телль-Халаф), еще в VIII—VII вв. до н.э. встречаются несемитские, может быть, и хурритские имена.

¹⁹⁾ Эта область была, по данным греческих авторов населена (по крайней мере частично) кардухами (название, видимо, хурритского происхождения); озеро Урмия носило название не Матианского или Мантианского, что связывается с этнонимом матиенов, а это название, в свою очередь, по-видимому, тождественно названию хурритского государства Митанни. По Геродоту, матиены, которых он называет в числе четырех основных этнических групп Армянского нагорья для времени около 500 г. до н.э. (III, 93-94), жили у верховьев рек Галиса I, 72; V, 49), Аракса (I, 202) и одного из притоков р. Тигра (I, 189; V, 52). Так как остальные три группы отождествляются с урартами (алародии), протоармянами (армении) и протогрузинами (саспиры), то, очевидно, матиены могут быть лишь хурритами.

²⁰⁾ Об этих языках см. Г. А. Меликишвили, Урартские клинообразные надписи, М., 1960; И. М. Дьяконов, Сравнительно-грамматический обзор хурритского и урартского языков, «Переднеазиатский сборник», М., 1961, стр. 369 и сл.; его же, Языки древней Передней Азии, М., 1967.

²¹⁾ Как указывает Г. А. Меликишвили, Наири-Урарту, Тбилиси, 1954, стр. 108-110, топонимика этого района близка к топонимике центрального Урарту. В то же время для географических названий здесь характерен суффикс **-иу**, не характерный ни для хурритского, ни для урартского. Урартские источники нередко дают племенам этого района общее название *этиуни* или *этиухи* (**-ни** и **-хи** здесь урартские окончания принадлежности, вроде русских **-ец** или **-ский**). Очень предположительно Г. А. Меликишвили ставит вопрос о возможности сопоставить упомянутый «этивский» суффикс **-ив** (точнее **-иу**, с гласным **-у**) с грузинским суффиксом множественного числа **-эб** (Наири-Урарту, стр. 116; к эламскому и, возможно, луллубейскому форманту **-пе**, **-бе** он вряд ли имеет отношение). Сопоставление этивцев с утиями античных и армянских авторов, живших в современном Советском Азербайджане, и с современной этнической группой удин, живущих на границе Азербайджана и Грузии, основано только на некотором сходстве названий и доказательным считаться пока не может.

²²⁾ Б.А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, I, Тбилиси, 1941, стр. 78 сл.; А. О. Мнацаканян, Раскопки курганов на побережье оз. Севан в 1956 г., «Советская археология», 1957, №2, стр. 146 сл.; ср. Б.Б. Пиотровский, Урартские надписи из раскопок Кармир-блур, в кн.: И. М. Дьяконов, Урартские письма и документы, М.-Л., 1963. стр. 11.

²³⁾ В самое недавнее время Г. Б. Джаукяном была выдвинута гипотеза о родстве урартского языка с индоевропейским (Г.Б.Джаукян. Урартский и индоевропейский языки. Ереван, 1963). Он не ставит вопроса о принадлежности урартского к самой индоевропейской семье, а лишь о родстве более отдаленного порядка между этим языком и предком индоевропейских языков — индоевропейским языком-основой. Однако вряд ли гипотеза Г. Б. Джаукяна может быть принята, так как урартский материал, которым он оперировал, в значительной мере требует пересмотра в свете новейших грамматико-лексикологических исследований, а на выводах автора лежит печать чрезмерных увлечений и некоторых натяжек; известный процент слов, общих для урартского и индоевропейских, установлен Т. Б. Джаукяном с достаточной степенью вероятия; сюда относятся такие слова, как урартск. **ат-** «пожирать, истреблять», **бургана** «крепость», **гунуше** «битва» и т.п. Но это, по-видимому, должно быть объяснено доисторическими контактами урартов с индоевропейцами-анатолийцами (юго-восточной подгруппы), а не родством урартского с праиндоевропейским языком; ни в грамматической структуре, ни во внешнем оформлении грамматических показателей урартский не

являет сходства с праиндоевропейским. Следует отметить, что небольшой слой лексики, свидетельствующей о доисторических контактах с индоевропейцами, обнаружен и в картвельских языках, см. Г.А. Климов, Этимологический словарь картвельских языков, М., 1964, стр. 28. Средиземноморского происхождения (через посредствующее звено?), возможно, груз. **гвино** «вино» (ср. др.-арм. **гини**, хеттск. **вийана**. Это слово — праиндоевропейская основа его ***войно-** прослеживается и средиземноморских индоевропейских языках. — напр. латинск. **винум**, греч. **[в]ойнон**, — но также в семитских, — древнейшая форма ***вайн**).

²⁴⁾ См. А.Г. Шанидзе, Язык и письмо кавказских албанцев, «Труды XXV Международного конгресса востоковедов», III, М., 1963, стр. 507-518. Жившие южнее кутиев *луллубеи*, *касситы* и *эламиты* принадлежали, как кажется, к другой языковой семье.

²⁵⁾ Ряд исследователей связывает культуру Телль-Халафа с предполагаемым дохурритским населением, к которому, согласно данной точке зрения, первоначально относилось обозначение «шубарейцы».

²⁶⁾ Б. Б. Пиотровский, Урартские надписи из раскопок Кармир-блур, в кн.: И. М. Дьяконов, Урартские письма и документы, М.-Л., 1963, стр. 10

²⁷⁾ Обзор проблемы и постановку вопроса см.: Р. М. Мунчаев, Древнейшая культура Северо-восточного Кавказа, МИД СССР, № 100, М., 1961; В. Piotrovsky, The Aeneolithic Culture of Transcaucasia In the Third Millennium B. C., «VI International Congress of Prehistoric and Protohistoric Sciences, Reports and Communications by Archaeologists of the USSR», Moscow, 1962; К.Х. Кушнарева и Т.Н. Чубинишвили, Историческое значение южного Кавказа в III тысячелетии до н.э., «Советская археология», 1963, № 3, стр. 10-24; Е. И. Крупнов, Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность, «Советская археология», 1964, № 1, стр. 26-43; А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы и раннего железа, Ереван, 1965. Возможно, что в настоящее время следует делить куро-араксский культурный ареал на несколько более или менее самостоятельных подареалов; это в особенности касается более северных районов

²⁸⁾ Поселение Амиранис-гóra.

²⁹⁾ Высказывалось мнение, связывающее чернолощеную керамику куро-араксской и хирбет-керакской культур не с хурритами, а с хаттами; однако у нас нет достаточных данных о том, чтобы хатты когда-либо жили так далеко на юге, как Сирия и Палестина; напротив, о хурритах это достоверно известно. Правда, древнееврейские источники более позднего времени (I тыс. до н.э.) говорят о каких-то «хеттах», как об одном из элементов древнего доеврейского населения Палестины, но, при многозначности этого термина, этих «хеттов» невозможно отождествить с той или иной малоазиатской этнической группировкой. Ср. O. R. Gurney, The Hittites. 2nd ed., Penguin Books, 1954, стр. 59 и сл. Самый термин «хатты» первоначально обозначал, собственно, лишь «жителей г. Хатти»; сомнительно, чтобы этнос, условно называемый нами «хаттским», носил повсюду одно и то же обозначение. Не оправдывается и попытка Б. Брентьеса (B. Brentjes, Trialeti, Satschchere und Khirbet-Kerak, «Труды XXV Международного конгресса востоковедов», I, М, 1963, стр. 61 и сл.) выделить в особую, якобы связанную с хаттами группу черно-красную лощеную керамику, так как цвет черепка зависит в данном случае лишь от характера обжига.

³⁰⁾ О вероятной автохтонности картвельских языков см. Г. А. Меликишвили, К истории древней Грузии, Тбилиси, 1959, стр. 13; Г. А. Климов, Этимологический словарь картвельских языков. М., 1962, стр. 37.

³¹⁾ По глоттохронологическим данным распад общекартвельского языка-основы предположительно датируется XIX в. до н.э. (начало обособления сванского), что указывает на большую компактность расселения протогрузинских племен в III — начале II тыс. до н.э. Обособление западногрузинских (занских, или мегрело-чанских) диалектов от восточного (собственно картвельского, или грузинского) по тем же данным датируется VIII в. до н.э., что, вероятно, связано с продвижением западных протогрузинских племен в Колхиду и Понт, ранее занятых племенами абхазо-адыгской — хаттской (или промежуточной) языковой группы; это продвижение и по другим соображениям следует датировать началом I тыс. до н.э. См. Г. А. Климов, О глоттохронологическом методе датировки распада праязыка, «Вопросы языкознания», 1959, № 2, стр. 120; Г. А. Меликишвили, К истории древней Грузии, стр. 100.

³²⁾ Е.А. Бокарев, Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков, Махачкала, 1961, стр. 18.

³³⁾ Об анатолийских языках см. В. В. Иванов, Хеттский язык, М., 1963, стр. 8 и сл.

³⁴⁾ A. Kammenhuber, Zur Stellung des Hethitisch-Luvischen innerhalb der indogermanischen Gemeinsprache, «Zeitschrift für vergl. Sprachforschung begr. von A. Kuhn», NF, 77, 1/2, 1961, стр. 33.

³⁵⁾ Т.В. Гамкрелидзе, «Хеттские языки» и вопрос о переселении в Малую Азию индоевропейских племен, «Труды Института языкознания АН Груз. ССР», Серия восточных языков, VI, Тбилиси, 1957, стр. 35-54; E. Sommer, Hethiter und Hethitisch, Stuttgart. 1947. Очень шаткими представляются доводы, исходящие из заимствования хеттами вавилонской разновидности клинописи, различных особенностей администрации и культуры вавилонского происхождения, например вавилонской системы учений о гаданиях, и т.п. Очевидно, что все это не могло быть заимствовано движущимися племенными массами, но лишь тогда, когда мигрировавшие племена окончательно перешли к оседлости и поднялись в своем развитии до уровня государственности. Можно привести и некоторые соображения географического порядка: для продвижения племенных масс через Кавказ мыслимы три пути — 1) по Черноморскому побережью, 2) через перевалы Большого Кавказа, прежде всего — Дарьял, 3) через Дагестан, вдоль Каспийского моря. Очевидно, что движущиеся через Кавказ племена не могли быть земледельческими, так как для них массовые переселения на дальние расстояния через области, недоступные для земледелия, не характерны. Вряд ли индоевропейские племена Северного Причерноморья конца III тыс. до н.э. могли быть и всего лишь охотниками и собирателями — по лингвистическим данным этот этап был для них пройденным еще в эпоху праиндоевропейской языковой общности. Следовательно, передвигающиеся племена должны были быть скотоводами. Но в таком случае путь по Черноморскому побережью исключается: в те времена, и даже много позже, все склоны гор до самой береговой полосы, — узкой, каменистой и трудной для хождения, — были покрыты густым субтропическим лесом. Трудно представить себе проход больших скотоводческих масс и через Дарьял: верховая езда еще не применялась, и там, где впоследствии могли проскакивать быстрые конные отряды кочующих всадников, вряд ли могли беспрепятственно двигаться многочисленные примитивные повозки, коровы и

овцы и обозы с женщинами и детьми; к тому же перевалы здесь легко могли быть оборонены горцами. Иное дело прикаспийский путь, с широкой холмисто-степной прибрежной полосой. Однако скотоводы, шедшие этим путем, вряд ли могли попасть в Малую Азию: для них естественно было бы задержаться в Азербайджане или Иране. Между тем следов пребывания носителей анатолийских языков восточнее Армянского нагорья нет. В пользу восточного происхождения анатолийцев приводится еще хеттский ритуальный текст, согласно которому солнечный бог выходит из моря; отсюда заключают, что хетты когда-то жили на западном побережье Каспийского моря. Но это с тем же успехом могло бы быть и западное побережье Черного моря.

³⁶⁾ А. Goetze. *Kleinasien*, 2. Ausg., München. 1957, стр. 34 и сл., 41 и сл. Однако Т. В. Гамкрелидзе, ук. соч., стр. 49-54, склонен датировать появление носителей анатолийских языков в Малой Азии несколько более ранним временем.

³⁷⁾ В пользу западного пути проникновения анатолийских языков в Малую Азию говорит и тот факт, что к этой группе языков принадлежал, как показал В. В. Шеворошкин, и карийский язык (Карийский вопрос, «Вопросы языкознания», 1962, № 5, стр. 97 сл.; О хетто-лувийском характере карийского языка, там же, № 3, стр. 83, сл.), между тем, традиция древности считала каров пришельцами с островов Эгейского моря; по некоторым данным, к той же группе языков принадлежал и загадочный язык нерасшифрованного минойского письма типа «линейный А» на о. Крит.

³⁸⁾ Точная локализация лувийских племен зависит от отождествления важнейшей из лувийских областей — Арцавы, сильного царства или объединения царств, нередко боровшегося с Хеттской державой (по Э. Форреру — юг и юго-восток полуострова, по А. Гетце — юго-западно-центральная его часть, по О. Р. Гэрни и Дж. Гарстангу — западная; последнему отождествлению, вообще говоря убедительному, противоречит факт принадлежности лидийского языка, распространенного здесь в I тыс., по-видимому, не к юго-восточной, а к северо-западной группе анатолийских. Лувийские собственные имена во II тыс. прослеживаются на восток до долины верхнего Евфрата.

³⁹⁾ Локализация страны Пала на крайнем севере Малой Азии, в Пафлагонии (А. Гетце), представляется менее вероятной. Однако, поскольку палайские культы были связаны с добычей серебра, возможно, что территория палайцев доходила до верховьев рек Лика и Чороха, где имелаась серебряная руда.

⁴⁰⁾ Хотя основной словарный запас и грамматика хеттского языка несомненно индоевропейские, тем не менее хеттский оказал очень глубокое влияние на этот язык, в особенности в области фонетики и словаря.

⁴¹⁾ Это были: язык *лидян* в центре западного побережья, язык *каров* между лидянами и ликийцами (северо-западной подгруппы), язык *ликийцев* на юго-западе (близкий лувийскому), «хеттский иероглифический» (и другие диалекты лувийского) в юго-восточной части полуострова и в Северной Сирии.

⁴²⁾ Он появился, видимо, на нагорьях Ирана в первой четверти II тыс. до н.э. Ко времени создания Митанийского государства (XVI в. до н.э.) индоиранский элемент уже вымирал, хотя среди хурритской знати еще давались индоиранские собственные имена. См. А. Kammenhuber. *Hippologia hethitica*, Wiesbaden, 1961, стр. 16-17.

⁴³⁾ А. Kammenhuber, ук. соч. Там же анализ всех данных об индоиранцах на Ближнем Востоке, стр. 15-21.

⁴⁴⁾ Э. Форрером высказывалось предположение о возможности отождествления его носителей с «племенем Манда» (**умман-манда**), упоминаемым в хеттских текстах, но убедительных оснований для этого не приведено. E. Forrer. Die acht Sprachen der Boghazköi-inschriften, Wien, 1919.

⁴⁵⁾ Его относили либо к диалектам индоиранского языка-основы до разделения последнего на индийскую (индоарийскую) и иранскую подгруппы, либо к индоарийской подгруппе. В настоящее время выдвинута гипотеза, что этот так называемый «месопотамско-арийский», или «западно-индоиранский» язык принадлежал к особой подгруппе, отличной как от иранской, так и от индийской, но данных в подкрепление этой гипотезы пока мало

⁴⁶⁾ Через Кавказ из древней родины индоевропейцев (что в данном случае возможно, особенно если речь идет о пути через Дагестан, тем более, что число «западных индоиранцев» вряд ли было большим) или из Средней Азии, в ходе продвижения племен «арья» в Иран и Индию? А. Камменхубер (Hippologia hethitica, стр. 17) приводит убедительные соображения в пользу того, что индоиранские племена, о которых идет речь, не дошли далее нагорий Ирана и Армении, а в Месопотамию проникли не они, а лишь группы хурритов, еще в горах включившие в себя некоторый индоевропейский элемент. Возможно, что из этого языка в урартский проникли такие слова, как **арциби** «орел(?)» (др.-армянск. **арцуи**; слово известно также в грузинском — **арциви** — и в горских языках, общенахско-дагест. ***-ардзив**), **мари** «знатный» (чечен. **майра** «муж») и ср. др.-инд. **рджипья-**, **марья-**.

⁴⁷⁾ «Ассирийцами» — **ашшурайу** — в то время назывались только уроженцы г. Ашшура, ядра будущей Ассирии на р. Тигр, а «вавилонянами» — соответственно, только жители г. Вавилона, лишь в XVIII в. до н.э. сделавшегося столицей Южного Двуречья.

⁴⁸⁾ С VII—V тыс. до н.э. началось развитие примитивного земледелия в южных районах Туркменистана, на Иранском нагорье, включая склоны гор, обращенные к р. Тигру, и в некоторых районах Сирии, Палестины и Малой Азии; с V—IV тыс. до н.э. — на Армянском нагорье, в Закавказье и остальной Малой Азии; с V—IV тыс. до н.э. в долинах Евфрата и Нила развивается другой тип земледелия, основанный на орошении полей водами речных паводков, оказавшийся наиболее продуктивным. См. В. М. Массон, Историческое место среднеазиатской цивилизации, «Советская археология», 1964, № 1, стр. 12-25.

⁴⁹⁾ В настоящее время можно считать установленным, что колонии аккадцев (ашшурцев) возникли в Малой Азии не ранее 2000 г. до н.э., хотя еще лет за триста до этого аккадские цари совершали походы в «горы серебра» (Киликийский Тавр). Эпические произведения, связывающие ассирийские колонии с этими царями — Саргоном Древним и Нарам-Суэном, как полагает Н. Б. Янковская, являются результатом переосмысления и смешения исторических традиций с перенесением исторических воспоминаний об одноименных ашшурских правителях начала II тыс. до н.э. на этих прославленных героев древности.

⁵⁰⁾ В настоящее время в науке принято несколько разных оценок хронологии III—II тыс. до н.э. (хронологических систем). За отправной пункт берутся даты начала

правления царя Хаммурапи в Вавилоне (А. Гетце: 1850; С. Смит — В.В. Струве: 1792; У.Ф. Олбрайт: 1732) и даты конца династии Хаммурапи (А. Гетце: 1633; С. Смит — В.В. Струве: 1595; У.Ф. Олбрайт: 1535), Соответственно, даты всех событий, более ранних, чем падение династии Хаммурапи, могут расходиться в пределах 120 лет в зависимости от принятой хронологической системы. Для XV—XIII вв. также имеются разногласия в датировке событий, но менее существенные. Мы следовали для более раннего периода хронологии С. Смита — В.В. Струве, а для более позднего — хронологии М. Б. Роутона, несколько сокращенной по сравнению с обычно применяемой в советских работах.

⁵¹⁾ Что касается самих колонистов, живших в пригородах, то они пользовались самоуправлением в виде собственных советов и народных собраний; все колонии были в период наивысшего подъема этой торговли тесно спаяны в одну организацию, управлявшуюся из Каниша выборными на короткий срок должностными лицами из торговых обществ. Вне Малой Азии эта организация находилась в довольно непрочной связи с городами Уршу и особенно Ашшуром. Для оценки промотивности этой организации характерно, что торговые общества состояли в основном из групп родичей, связанных патриархальными узами. См. P. Garelli, *Les Assyriens en Cappadoce*, Paris, 1963, и рецензию: Н. Б. Янковская, «Вестник древней истории», 1965, № 3, стр. 178 сл.

⁵²⁾ Вывоз железа был, по-видимому, запрещен позже и из Хеттского царства. См. сводку мнений по этому вопросу у Э. А. Менабде, К вопросу об экономическом развитии Хеттского царства, «Проблемы социально-экономической истории древнего мира. Сборник памяти А.И. Тюменева», М.-Л., 1963, стр. 84-85.

⁵³⁾ B. Hrozný, *L'invasion des indoeuropéens en Asie Mineure vers 2000 av. J.-C.*, "Archiv Orientalni", I, 3, 1929; русский перевод В. В. Иванова в кн.: *Хрестоматия по истории древнего Востока* под ред. В. В. Струве и Д. Г. Редера, М., 1963, стр. 305.

⁵⁴⁾ Имя «Лапарнас» стало в дальнейшем нарицательным обозначением хеттского царя, как нем. **Kaiser**, русск. царь от **Caesar** «Цезарь» или польск. **Król**, русск. король от латинской формы имени императора Карла Великого — **Carolus**).

⁵⁵⁾ Упоминается в «Указе Теленинуса», см. ниже: ср. также J. Friedrich, *Staatsverträge des Hatti-Reiches*, I. "Mittellungen der Vorder-asiatisch-Aegyptischen Gesellschaft", Leipzig, 1930, стр. 50-51.

⁵⁶⁾ Г.И. Довгяло. О характере наследования царской власти у хеттов в эпоху Древнего царства, «Вестник древней истории», 1964, 1, стр. 23-34.

⁵⁷⁾ Хеттские памятники Южного Причерноморья скудны и плохо датированы; см. [М. И. Максимова, К вопросу о выходе хеттов на южный берег Черного моря](#), «Вестник древней истории», 1948, № 4, стр. 24-34.

⁵⁸⁾ См. «Указ Телепинуса», E.N. Sturtevant and G. Bechtel, *A Hittite Chrestomathy*, Philadelphia, 1935; русские переводы [И. М. Дунаевской в «Вестнике древней истории», 1952. № 4](#), стр. 254 (там же, стр. 290 и сл., комментарий) и В. В. Иванова в «Хрестоматии по истории древнего Востока» под ред. В. В. Струве и Д. Г. Редера, стр. 306 и сл.

⁵⁹⁾ Некоторые хурритские города-государства — например, упоминавшийся выше Уркеш в северной Месопотамии — существовали, наряду с семитскими, еще в III

тыс. до н.э., но, по-видимому, и они были в начале II тыс. до н.э. захвачены амореями (западными семитами), как и все прочие.

⁶⁰⁾ Отдельные хурритские имена встречаются еще и в документах торговых колоний, но, по-видимому, только среди ассирийцев и сирийцев.

⁶¹⁾ A. Goetze, *Kleinasien*, 2. Ausg., München, 1957, стр. 62.

⁶²⁾ О хронологии этого периода см. B. Landsberger, *Assyrische Königsliste und "Dunkles Zeitalter"*. "Journal of Cuneiform Studies", VIII, 1, стр. 31-45; 2, стр. 47-73; 3, стр. 106-133.

⁶³⁾ Это показывают произведенные нами подсчеты хурритских имен в документах из Ашшура. Следует подчеркнуть, что хурриты имелись здесь среди всех слоев населения.

⁶⁴⁾ В XXI в. до н.э. в гимне шумеро-аккадскому царю Шульги сообщается, что он якобы проскакал около 150 км в колеснице за один день, A. Falkenstein, *Sumerische religiöse Texte*. 2. Ein Šulgi-Lied, "Zeitschrift für Assyriologie", I (N. F. XVI), 1950, стр. 61-91, стк. 75-78.

⁶⁵⁾ Согласно письму, изданному в книге G. Dossin, *Archives royales de Mari*, V, Paris, 1952, № 20, цена на лошадь составляла в XIX—XVIII в. до н.э. 2,5 кг серебра — примерно цена пяти-шести рабов или 10 га поля.

⁶⁶⁾ Помимо приведенных ниже примеров, это имело место также в Ахейской Греции и в Индии, см. S. Piggott, *Prehistoric India*, Penguin Books, repr. 1961, стр. 274 сл. Интересно, что верховая езда применялась только в исключительных случаях (для посылки гонцов и т.п.): не было ни седла, ни стремян. Кавалерия как род оружия (все еще без стремян) появляется лишь в I тыс. до н.э. у ассирийцев, а затем у кочевых племен — киммерийцев и скифов.

⁶⁷⁾ Предполагается, что касситы были обязаны своими успехами в окончательном покорении Вавилонии в XVI в. именно конным колесницам, заимствованным у их индоевропейских соседей.

⁶⁸⁾ E. Ebeling, *Bruchstücke einer mittelassyrischen Vorschriftensammlung zur Akklimatisation und Trainierung von Wagenpferden*, Berlin, 1951.

⁶⁹⁾ Весь круг этих вопросов подробно разобран в книге A. Kammenhuber. *Hippologia hethitica*. Wiesbaden. 1961, стр. 6-38. Там же издание текста переведенного хеттами учебника хурритского коневода Киккули и других аналогичных текстов.

⁷⁰⁾ Могильник Османкаясы.

⁷¹⁾ Или, возможно, по два имени — одно индоиранское, другое хурритское. См. H. G. Güterbock, *The Deeds of Suppiluliuma as Told by His Son, Mursilis II*, "Journal of Cuneiform Studies", X, 4, 1956, стр. 120-121.

⁷²⁾ В науке еще продолжается спор, обозначают ли эти термины одно государство, или два разные. В настоящее время первое решение кажется более убедительным.

⁷³⁾ Встречающаяся в литературе локализация Киццватны в Понте, — что влечет за собой вывод, что владения Митанни доходили до Черного моря, — вряд ли может быть принята.

⁷⁴⁾ Для характеристики хеттского общества, помимо общих работ (см. библиографию в кн.: A. Goetze. Kleinasien, 2. Ausg., München, 1957) см. также S. Alp, Die soziale Klasse der NAM.RA-Leute. "Jahrbuch für kleinasiatische Forschung", 1, 2, 1950, стр. 113-135; В. В. Струве, Очерки социально-экономической истории Древнего Востока, М.-Л., 1934. стр. 45-65; Э.А. Менабде, К вопросу об экономическом развитии Хеттского царства, «Проблемы социально-экономической истории древнего мира». Сборник памяти акад. А.И. Тюменева, М.-Л., 1963, стр. 73-87; его же, О рабстве в Хеттском государстве, «Переднеазиатский сборник», М., 1961, стр. 11-56, и др. Данные, приводимые в работе [Э.А. Менабде, Хеттское общество](#), Тбилиси. 1965, должны восприниматься критически, см. I.M. Diakonoff, Die hethitische Gesellschaft, "Mitteilungen des Institute für Orientforschung", 13, 3, 1967.

⁷⁵⁾ Это шумерская гетерограмма со значением «полон, добыча»; по-хеттски она, вероятно, читалась **арнувалас**.

⁷⁶⁾ На особом положении были, вероятно, граждане автономных храмовых городов.

⁷⁷⁾ [Хеттские законы, табл. I](#), § 32-36.

⁷⁸⁾ Следует оговорить, что распространенное в западной литературе мнение о якобы гуманном обращении с рабами у хеттов, как показали советские исследования, совершенно не соответствует действительности. В частности, то обстоятельство, что за преступление и нанесение ущерба раб платил половинную виру по сравнению со свободным, объясняется, конечно, тем, что большинство рабов пекулия не имело, и выплата виры неизбежно падала на хозяина.

⁷⁹⁾ В хеттской клинописи, широко применявшей гетерограммы, т. е. шумерские или аккадские написания, при чтении произносившиеся в хеттском переводе, **хиппарес** обозначаются гетерограммой ^{LÚ}A-SI-RUM или ^{LÚ}A-SI-aš, что по-аккадски означает «пленный, связанный» и специально пленный-раб (об их положении в Вавилонии см. W. F. Leemans, The Asiru «Revue d'assyriologie», LV, 2, 1961, стр. 57 и сл.). Любопытно, что в урартской письменности эта же гетерограмма применялась для слова «воин», — вероятно, первоначально так назывались только воины вспомогательных контингентов, набранные из покоренных. См. [Хеттские законы](#), § 48-49.

⁸⁰⁾ Подробно см. Э.А. Менабде, О рабстве в Хеттском государстве, «Переднеазиатский сборник», М., 1961, стр. 11 и сл.

⁸¹⁾ [Хеттские законы](#), § 40.

⁸²⁾ В переводе Хеттских законов, опубликованных в «Вестнике древней истории», 1952, № 4, стр. 263, гетерограмма, которой обозначается такое лицо (^{LÚ} ^{GIŠ}TUKUL «человек оружия» — по-хеттски читать, вероятно, **хантатийалис**), переведена «воин». Однако, как показал Ф. Зоммер (F. Sommer und A. Falkenstein, Die hethitisch-akkadische Bilingue des Hattušili I, München, 1938, стр. 120-133), «человек оружия» обладал мирной профессией и обычно был, вероятно, ремесленником;

отсюда передача LÚ^{GIŠ}TUKUL как «ремесленник» в переводе Хеттских законов В. Иванова в «Хрестоматии по истории древнего Востока» под ред. В. Струве и Д.Г. Редера, стр. 314. Вероятно правильнее переводить «военнообязанный». Ср. также [Хеттские законы](#), § 176б (о ремесленниках и рабах).

[83\)](#) Так, в случае смерти члена семейной общины его жену и, вероятно, его долю в хозяйстве поочередно наследовали другие взрослые члены семейной общины. Совместно с «военнообязанным», а иногда совместно с жрецом или другим лицом, обязанности которого часто отвлекали его от хозяйства, последнее вел некий «человек его доли» — возможно, кто-либо из его младших родичей; при разделе «человек доли» имел право на известную часть (около трети) общего хозяйства. (Хеттские законы, [табл. I](#), § 53; [табл. II](#), §§ 192-193; ср. [табл. I](#), § 51).

[84\)](#) Зависимые от царя и сановников люди, по-видимому, жили небольшими дворами, однако правило **ивару** распространялось и на них — во всяком случае, на тех из них, чьи участки были выделены им из общинной земли для несения повинности; лишь лицо, приобретавшее у них ивару и тем самым, очевидно, входившее в состав семейной общины, или же образовывавшее новую семейную общину с тем же земельным фондом, обязано было нести соответствующую повинность. (Хеттские законы, [табл. I](#), § 46-47; [табл. III](#), § 36-39).

[85\)](#) См. Э. А. Менабде, О рабстве..., стр. 19 и сл.

[86\)](#) Старейшины общины (**мийахвантес**) часто упоминаются в хеттских источниках, см. E. von Schuer, Hethitische Dienstanweisungen, Graz, 1957, стр. 47-48, а также Хеттские законы, [табл. III](#), § 4.

[87\)](#) Хеттские законы, [табл. I](#), § 47, 50-51, 54-55; [табл. III](#), § 36.

[88\)](#) Там же, [табл. I](#), § 54. Упомянутая в тексте Keilschrifturkunden aus Boghazköi [KUB], XVII, II, 21 Хеммува, может быть — другая страна.

[89\)](#) Этот термин обозначал какие-то северные племена, которых жители более южных районов считали за варваров; позднее в ассирийских и вавилонских текстах этим же термином (**умман-манда**) обозначались, в различные периоды, киммерийцы, скифы и мидяне. В хеттское время он, возможно, как полагал Э. Форрер, обозначал упоминавшиеся нами выше индоиранские коневодческие племена. Г. А. Капанцян находил следы этнонимов «Мáнда» и «Сáла» в родовых прозвищах некоторых семейств средневековой армянской знати, однако его выводы требуют проверки.

[90\)](#) См. A. Goetze, Kleinasien, 2. Ausg., München, 1957, стр. 85-103. Помимо царей великих держав (Египта, Вавилонии и т.п.), которых хеттские цари считали равными себе, хетты различали подчиненных царей (**хассус**) разных рангов — «союзных» и «присягнувших»; особняком стояли «малые цари» — члены хеттского царского дома. Только верховный царь хеттов носил титул **тапарнас**.

[91\)](#) Помимо нее, хеттский царь имел гарем с женами и наложницами различных рангов, а царицу окружали гаремные женщины — жрицы.

[92\)](#) Например, царь за произвольные казни царских родичей.

⁹³⁾ О **панкусе** см. В. В. Иванов, Происхождение и история хеттского термина *panku-* «собрание», «Вестник древней истории», 1957, № 3, стр. 19-36; 1958, № 1, стр. 3-15.

⁹⁴⁾ См. документы Аниттаса, I. J. Gelb, *Inscriptions from Alisar and Vicinity*, Chicago, 1935, №№ 1 и 49 и др.

⁹⁵⁾ Th. V. Gamkrelidze, *The Akkado-Hittite Syllabary and the Problem of the Origin of the Hittite Script*, "Archiv Orientalni", XXIV, 1961, стр. 406 и сл. Причина этой перемены неясна. Такая же реформа примерно в это же время произошла и в самой Ассирии, где царь Шамши-Адад I изгнал из канцелярий староассирийскую клинопись и ввел ее вариант, имевший хождение на его собственной родине — в Северной Месопотамии, а также в Сирии. Этот вариант клинописи гораздо ближе к вавилонскому. Быть может, преследовалась цель создания средства сношений, общепонятного на всей территории Ближнего Востока. В Хеттском царстве новый вид клинописи применялся для письма на аккадском и хеттском языках, но так как богослужение отправлялось в Хеттском царстве на разных языках, то в богослужебных текстах встречаются отрывки, записанные тем же письмом, но передающие текст на хаттском, хурритском, лувийском и палайском языках. Необходимость знать аккадский язык — международный язык того времени — и аккадскую клинопись требовала от хеттских писцов изучения также шумерского, нужного для понимания и правильного употребления шумерских гетерограмм, которыми пестрели аккадские и хеттские клинописные тексты. О гетерограммах см. выше, стр. 49, прим. 79.

⁹⁶⁾ Н.Б. Янковская, Хурритская Аррапха, «Вестник древней истории», 1957, № 1, стр. 17-33; ее же, Юридические документы из Аррапхи в собраниях СССР, «Переднеазиатский сборник», М., 1961, стр. 424-580; ее же, Землевладение большесемейных домовых общин в клинописных источниках, «Вестник древней истории», 1959, №1, стр. 35 и сл.; ее же, Общинное самоуправление в Угарите, «Вестник древней истории», 1962, №3, стр. 35 и сл.; N. B. Jankowska, *Zur Geschichte der hurritischen Gesellschaft*, «Труды XXV Международного конгресса востоковедов», I, М., 1963, стр. 226 и сл. и др. Ср. также И. М. Дьяконов, Развитие земельных отношений в Ассирии, Л., 1949, гл. II.

^{*}) В книге этого слова нет, но по смыслу что-то такое здесь требуется. *HF*.

⁹⁷⁾ Это не только предположение; скудные данные урартских надписей показывают ряд черт сходства между урартским обществом еще I тыс. до н.э. и обществом хурритов II тыс. до н.э., — например, существование семейнообщинных поселений, самоуправление территориальных общин и т.п.

⁹⁸⁾ E. A. Speiser, *New Kirkuk Documents Relating to Family Law*, «Annals of the American Schools of Oriental Research», X, стр. 365-366.

⁹⁹⁾ См. Н. Б. Янковская, Общинное самоуправление в Угарите. «Вестник древней истории», 1963, стр. 54-55.

¹⁰⁰⁾ Но встречалась и обратная картина: организация родственных, связанных общим происхождением семейных общин могла быть настолько широкой, что охватывала не одну, а несколько соседских общин, в которые могли входить также и неродственные семейные общины, по всей вероятности, занимавшие более или менее подчиненное положение.

^{100a)} Второй и третий ярусы такой башни занимали только часть площади крыши первого яруса: тип здания, известный и в Угарту.

¹⁰¹⁾ Народные собрания, во всяком случае, имелись в низовых сельских общинах, см. Н.Б. Янковская. Общинное самоуправление в Угарите, «Вестник древней истории», 1963, №3, стр. 54-55.

¹⁰²⁾ L. Woolley, A Forgotten Kingdom, Penguin Books, 1953, стр. 126-127. {Рус. пер.: Вулли Л., Забытое царство. М., 1986. HF.}

¹⁰³⁾ М.Л. Гельцер, Новые документы из Алаха. «Вестник древней истории», 1956, 1, стр. 17 и сл.

¹⁰⁴⁾ Н. Б. Янковская, Юридические документы из Аррапхи в собраниях СССР, «Переднеазиатский сборник», М., 1960, стр. 428.

¹⁰⁵⁾ По-видимому, существовало два вида переделов: 1) внутри семейной общины, вероятно, происходивший ежегодно, и 2) генеральный передел земли в территориальной общине с аннулированием сделок отчуждения земли (**андурāру**), объявлявшийся через большие промежутки времени. Однако этот вопрос не достаточно исследован.

¹⁰⁶⁾ В Нузе Тихиб-Тилла, бывший одновременно главой крепости, членом совета и ростовщиком, был «усыновлен» почти 150 раз.

¹⁰⁷⁾ Здесь знать успела накопить большие богатства еще в период деятельности торговых колоний, а разлагающее влияние обмена ощущалось, вероятно, сильнее, чем в других соседних центрах.

¹⁰⁸⁾ Военная служба, а также разные виды дворцовых служб были в ряде областей (Ашшур, Аррапха, Хеттское царство) связаны с особыми участками земли, выделявшимися специально для этой цели из семейно-общинного фонда в пределах территориальных общин (в Аррапхе — за предоставление воды общине государством).

¹⁰⁹⁾ Это были так называемые **хапиру** — термин, который ранее ошибочно принимали за этническое обозначение предков евреев; они были распространены во всех странах древнего Востока. См. J. Bottéro [ред.], Le problème de ḥabiru, "Cahiers de la Société Asiatique", XII, 1954; (Более поздние работы M. Greenberg, The Ḥab/piru, New Haven, 1955; R. Borger, Das Problem der 'apiru (Habiru), „Zeitschrift des Deutschen Palästina-Vereins“, 74, 1958, стр. 121-132; S. Yeivin, The Origin and Disappearance of the **Khab/piru**, «Труды XXV Международного конгресса востоковедов», I, М., 1963, стр. 39, и некоторые другие кажутся нам шагом назад по сравнению с выводами, сделанными в книге Ж. Боттеро).

¹¹⁰⁾ Это весьма вероятно в отношении хурритов и достоверно известно в отношении хеттских NAM.RA; см. следующую главу. Ср. также M. B. Rowton, The Topological Factor in the hapiru Problem, „Studies in Honor of B. Landsberger“, Chicago, 1965, стр. 377 сл.

¹¹¹⁾ По обычному праву, с которым, впрочем, все меньше считались, долговые рабы — по-видимому, в том случае, если в их родной семейной общине за ними

еще сохранялась земля — подлежали отпуску на волю в связи с генеральным переделом земли территориальной общины (**андурāру**).

[112\)](#) Н.Б. Янковская, Юридические документы из Аррапхи в собраниях СССР, «Переднеазиатский сборник», М., 1960, стр. 454-455.

[113\)](#) У хеттов впервые в анналах Суппилиумаса I (XIV в. до н.э.); у ассирийцев первое упоминание увода (и ослепления?) 14400 пленных — в анналах Салманасара I (XIII в. до н.э.); см. E. Ebeling, B. Meissner, E. F. Weidner, Die Inschriften der altassyrischen Könige, I, Leipzig, 1926, стр. 118-119.

[114\)](#) Э. А. Менабде, О рабстве в хеттском государстве, стр. 14, прим. 13.

[115\)](#) См. тот же текст Салманасара I и ср. также E. Ebeling, Keilschrifttexte aus Assur juristischen Inhalts, Leipzig, 1927, №180.

[116\)](#) По мнению Н. Б. Янковской, в хурритском обществе «дворец» не есть синоним царского хозяйства: сами цари и царские родичи получали из него выдачи на общем основании с другими должностными лицами. «Дворец», в таком случае, должен рассматриваться как государственное хозяйство, выросшее из страхового фонда территориальной общины и лишь позже захваченное царем, как лично ему принадлежащее. Вопрос этот нуждается в исследовании.

[117\)](#) Этот термин очень часто встречается в переписке египетских фараонов с правителями из архива Телль-Амарны, в документах из Угарита, Алалаха и т.п.; сам термин, видимо, чисто хурритский.

[118\)](#) A. Goetze, Kleinasien, 2. Ausg., стр. 104. Однако это оспаривается другими исследователями.

[119\)](#) И. М. Дьяконов, Развитие земельных отношений в Ассирии, Л., 1949, стр. 18 и сл.; ср. стр. 40.

[120\)](#) Митаннийские «послы» ставили в Ашшуре свои стелы наряду со стелами ежегодно сменявшихся глав совета старейшин, они же главы казначейства (**лимму**), см. W. Andrae. Die Stelenreihen von Assur, Leipzig, 1913, № 63, 129, 137a.

[121\)](#) И. М. Дьяконов, ук. соч., стр. 38.

[122\)](#) Кроме Ашшура, такое положение существовало, по-видимому, в некоторых городах Сирии и др.

[123\)](#) М.Л. Гельцер, Новые тексты из древнего Алалаха, «Вестник древней истории», 1956, 1, стр. 15 и сл. Документы относятся ко времени до возникновения Митанни, когда Алалах зависел от государства Ямхад (с центром в г. Халеб). М. Л. Гельцер полагает, что речь идет о перекупке прав у старейшин общин, очевидно, в качестве патриархов, присваивавших себе общинные взносы и повинности.

[124\)](#) Н. Б. Янковская, Землевладение большесемейных домовых общин в клинописных источниках, «Вестник древней истории», 1939, № 1, стр. 42-43. Н. Б. Янковская справедливо замечает, что «дворец» содержал воинов за счет поборов

с населения. Она же указывает (там же, стр. 41), что армейское снаряжение могло выдаваться общинам централизованно.

¹²⁵⁾ Это мифы и сказки; они сохранились только во фрагментах. См. H.G. Güterbock, *Kumarbi. Mythen vom churritischen Kronos*, Zürich-New York, 1946; J. Friedrich, *Churritische Märchen und Sagen hethitischer Sprache*, «Zeitschrift für Assyriologie», XLIX, 1950, стр. 213-255; его же, *Der churritische Mythos vom Schlangendämon Hedammu in hethitischer Sprache*, «Archiv Orientalni», XVII, стр. 230-254; H. G. Güterbock, *The Song of Ullikummi*, New Haven, 1952 и др.

¹²⁶⁾ Г. А. Меликишвили. *Наири-Урарту*, Тбилиси. 1959. стр. 165.

¹²⁷⁾ Таковы Тульпуннайа, одна из самых свирепых ростовщиц, связанная с дворцом в Нузе, или Амминас, адресатка письма, сохранившегося в архиве царевича Шильва-Тешуба, см. R. H. Pfeiffer, *The Archives of Shilwateshub*, Harvard Semitic Series, IX, Cambridge, Mass., 1932, № 1; ср. список MÍ.LUGAL, SMN 2662: ср. E. A. Speiser, рец. на Harvard Semitic Series XIV, *Journal of the American Oriental Society*, 72, 2, 1952, стр. 95.

¹²⁸⁾ E. A. Speiser, *Introduction to Hurrian*, New Haven, 1941, стр. 11 сл.

¹²⁹⁾ См. библиографию в кн. Эпос о Гильгамеше, пер. И. М. Дьяконов. М.-Л., 1961, стр. 208-209; там же, стр. 117, о месте хурритского варианта в истории этого эпоса.

¹³⁰⁾ Известно, что хеттские, ранние ассирийские (XII— IX вв. до н.э.) и урартские царские надписи строились по определенным повторяющимся формулам. Многие формулы урартских надписей совпадают и с хеттскими, и с ассирийскими, однако другие не имеют аналогии в ассирийских, но только в хеттских анналах. Ср., например, урартскую формулу: «С богом Халди эти деяния за 1 год я совершил» с хеттской: «и это за 1 год я совершил» (например, A. Goetze, *Die Annalen des Muršiliš*. «Mitteilungen der Vorderasiatisch-Aegyptischen Gesellschaft», 38, Leipzig, 1933, стр. 130-131); или урартскую формулу: «Мужчин и женщин оттуда увел, х юношей (?) захватил, у женщин, z бойцов, n коней, m быков, α баранов — это царю досталось, но что воины увели, они увели отдельно, когда страну я покидал», с хеттской: «...и то, что я, Солнце, из пленных увел во дворец, тех было всего x пленных, а что господа и воины и колесничие Хаттуса увели из пленных, крупного и мелкого скота, сосчитать было нельзя» (A. Goetze, там же, стр. 76-77). Эти формулы в ассирийских анналах не встречаются. Однако возводить урартскую анналистику непосредственно к хеттской трудно, так как само урартское письмо имеет черты сходства с хурритским, а не с хеттским. Должны были быть посредствующие звенья, связывающие хеттскую анналистику как с урартской, так и с ассирийской. Таковой могла быть только хурритская. См. И.М. Дьяконов, *Урартские письма и документы*, М.-Л., 1963, стр. 23 и сл., 96, 101.

¹³¹⁾ Так, на месте Нузы еще в середине III тыс. до н.э. стоял город Гасур, где господствовали классовые отношения и существовало храмовое хозяйство типа шумерского, см. Th. J. Meek, *Excavations at Nuzi*, III, Cambridge, Mass., 1935; ср. А. И. Тюменев, *Государственное хозяйство древнего Шумера*, М.-Л., 1956, стр. 237 и сл. Население Гасура еще не было хурритским; по-видимому, город был заброшен в начале II тыс. до н.э. и место его заселено впоследствии новыми жителями. См. Н. Б. Янковская, *Хурритская Аррапха*, «Вестник древней истории». 1957. №1, стр. 18.

Глава II.

История Армянского нагорья в эпоху бронзы и раннего железа

1. Армянское нагорье и Хеттское царство

Только западная и юго-западная окраины Армянского нагорья временами входили в состав Хеттского царства и Митанни. Кое-что нам известно из письменных источников об областях, непосредственно примыкавших к границам этих царств; археологические данные, как уже упоминалось, имеются почти только для областей, ныне входящих в состав советского Закавказья; обо всей остальной части нагорья прямых сведений нет, и о происходивших там явлениях мы можем судить лишь косвенно.

Политическая ситуация в середине II тыс. до н.э. Как мы видели в предыдущей главе к западу от Армянского нагорья, в центральной Малой Азии в XIX—XVII вв. возникает Древнехеттское царство, в XVII — начале XVI в. до н.э. начавшее было продвижение на юг, в Сирию, но со второй четверти этого столетия переживавшее глубокий упадок и потерявшее свои периферийные владения. На XVI век падает выдвижение Митаннийского царства в северной Месопотамии, постепенно подчинившего своему влиянию мелкие государства Сирии (Хальпа, — бывший Ямхад, — Каркемиш, Мукише-Алалах и др.) и, вероятно, Килийского Тавра (Киццватна)¹⁾, а также, по-видимому, часть [74] долины верхнего Евфрата и область к югу от Армянского Тавра и, несомненно, области по среднему Тигру и за Тигром (Ниневия, Ашшур и, видимо, Аррапха)²⁾. Наступление египетских войск в середине XV в. привело к ослаблению и утере митаннийского влияния к западу от Евфрата, но, тем не менее, около 1400 г. Митанни еще переживало расцвет. Царем его в это время был Душратта, находившийся в дружеских и союзных отношениях с египетским фараоном Аменхотепом III³⁾.

Между тем период слабости Хеттского царства к этому времени закончился, и оно вновь консолидировалось на всей территории центральной части Малой Азии. С этого времени у нас появляются письменные данные о ряде областей Армянского нагорья, которые втягиваются в ход исторических событий, определявшихся действиями великих держав.

Общество Армянского нагорья во II тыс. до н.э. Общество Армянского нагорья этого периода стояло, по-видимому, на уровне, близком к состоянию общества Малой Азии того времени, когда начиналось проникновение туда ассирийских купцов-колонистов и подготавливался процесс образования первых городов-государств. Как показывают пышные погребения вождей первой половины II тыс. до н.э. в Закавказье — в Триалети и Кировакане, — здесь уже далеко продвинулось имущественное и социальное расслоение первобытной общины, начавшей разделяться на военную знать и рядовых общинников. Развитие скотоводства и связанный с ним рост богатств должны были приводить к росту значения войны в хозяйстве, а развитие специализированных видов сельского хозяйства — садоводства и земледелия — к появлению внутриобщинного обмена, ростовщического кредита и социального неравенства.[75]

Погребения вождей в Лчашене у Севанского озера, относящиеся уже ко второй половине II тыс. до н.э., с их обрядом кремации, деревянными погребальными колесницами и богатой утварью примыкают по типу к погребениям Триалети и Кировакана, но являют нам и новые черты, свидетельствующие о дальнейшем развитии общества. Вместе с вождем еще в большем числе, чем прежде, погребались и рабы для сопровождения его в потусторонний мир. Это свидетельствует, с одной стороны, о возникновении рабства, но с другой стороны, и о крайней примитивности рабовладельческих отношений, так как в дальнейшем рабы стали представлять ценность, которая не расточалась уже в виде человеческих жертвоприношений. Однако не забудем, что массовое уничтожение пленных практиковалось в Ассирии и Урарту еще и в IX—VIII вв. до н.э.⁴⁾

Если в Триалети и Кировакане мы наблюдаем только черты стилистической близости предметов художественного ремесла к памятникам Малой Азии и хурритского общества, то в Лчашене (XIV—XIII вв. до н.э.) появляются уже вещи, непосредственно импортированные из этих стран или, во всяком случае, сходные до идентичности с применявшимися у хурритов юга⁵⁾. Колесницы и вооружение воинов Лчашена (в частности, характерные шлемы с гребнем), судя по дошедшим до нас бронзовым моделям, были аналогичны хурритским. Митаннийские печати художественной работы этого времени найдены не только в Лчашене, но и в одном из могильников Большого Кавказа⁶⁾. Это показывает, что Армянское нагорье и Закавказье к концу II тыс. до н.э. начинает, — хотя, быть может, и в [76] слабой степени, — вовлекаться в международный обмен, сыгравший, как мы видели, такую важную роль в ускорении образования классового общества в Малой Азии. Существенное значение, вероятно, здесь имело и начало разработки медных и оловянных месторождений Закавказья.

По всей вероятности, мы можем представить себе общество Армянского нагорья и Закавказья, во всяком случае к концу II тыс. до н.э., по своему состоянию весьма сходным с тем, которое было обрисовано в предшествующей главе для ранних этапов истории хеттов и хурритов юга: патриархальные роды, делящиеся на отдельные большесемейные домовые общины, подчиняющиеся власти патриархов — **эври** (слово это сохранилось и в урартском)⁷⁾; формально неотчуждаемый и переделаемый земельный фонд домовой общины при начавшейся имущественной дифференциации семей и возникшей потребности в кредите, которая неизбежно должна была в конечном счете привести к развитию ростовщичества и долгового рабства. Все это не только предположение: как ни скудны наши сведения об урартском обществе Армянского нагорья первой половины I тыс. до н.э., есть данные, свидетельствующие о наличии здесь еще и в то время больших патриархальных семей и родовых селений, например, селений родичей царя⁸⁾.

Мы видели, что хурритские патриархальные роды юга входили в территориальные общины, управлявшиеся советом старейшин и народным собранием, — а иногда и разрастались настолько, что охватывали несколько селений, организованных по родовому или территориальному принципу и включавших как родственные, так и неродственные большесемейные [77] общины. По-видимому, судя по данным о родовых селениях в урартском государстве, подобные явления наблюдались и на нагорье. О советах старейшин и народных собраниях у населения Армянского нагорья мы узнаем из хеттских источников.

Но если у хурритов юга территориальные общины составляли костяк принципиально новой организации города-государства, возглавлявшегося уже

единоличным правителем-царьком, хотя и вместе с советом, и затем подчинявшегося более крупному, рыхлому государственному объединению — царству, то на Армянском нагорье дело пока обстоит иначе.

Обычно, говоря об общественной организации Армянского и Иранского нагорий времени, предшествовавшего созданию великих царств — Урарту, Мидии, Персии и т.д. — мы говорим о ней как о племенной организации. Однако нельзя не обратить внимания на тот факт, что сами древневосточные памятники — особенно хеттские и ассирийские — чрезвычайно редко говорят о «племенах» на этих территориях. По существу, упоминание этнических групп появляется в этих источниках только тогда, когда речь идет о наименованиях общего характера, выходящих за пределы отдельной области — таков термин **каска** в хеттских и **мадай** («мидяне») в ассирийских источниках. Ассирийские надписи говорят иногда также о «странах шубарейцев», о «странах Наири», о «странах уруатри», урартские — о «странах (или стране) Этиуни». Только в двух случаях речь несомненно идет о племенных союзах: хеттские источники прямо говорят о касках, как о неоседлых племенах (аккадск. *suti*)⁹⁾, упоминают о «двенадцати» или «девяти племенах касков»¹⁰⁾, а о том, что мидяне составляли союз шести племен, сообщает [78] Геродот. Но и в некоторых других случаях такие общие наименования, вероятно, означают конфедерации племен.

Однако в подавляющем большинстве случаев этнические наименования в источниках не упоминаются, а речь идет о небольших, организационно единых *территориях* — «странах» (хетт. **утне**, урарт. **эбани**, асс. **мātu** или **нагу**). Правда, в урартских текстах при соответствующих названиях часто стоит детерминатив¹¹⁾ не стран, а лиц, что, очевидно, означает, что данное название воспринималось как племенное, так как при названиях заведомых государств (Ассирии, Урарту, Маны и т.п.) этот детерминатив никогда не ставился¹²⁾.

Причиной такого характера терминологии, очевидно, является то обстоятельство, что сама природа нагорий способствовала известному территориальному подразделению населявших ее людей. Армянское нагорье — как и горы Загра в западном Иране — распадается на замкнутые долины и отрезки долин (**гавары**), причем в древности их замкнутость еще усугублялась густыми зарослями и лесами, покрывавшими горные склоны и загромождавшими ущелья и перевалы. Следовательно, племя, которое расселилось бы в двух или трех долинах, не могло бы постоянно осуществлять свое организационное единство, кроме как в исключительных случаях, например, при образовании временных военных союзов¹³⁾.

Поэтому, даже в условиях, когда не было завершено разложение первобытнообщинного строя, здесь создавались некие территориальные образования — «стрáны» по терминологии древних источников. Каждая такая «страна» имела свой совет старейшин, народное собрание и вождя — военачальника и [79] правителя, однако в случае военной необходимости она могла включаться в конфедерации и союзы, носившие, вероятно, племенной характер, и выступать солидарно с другими «странами». Последние, таким образом, одновременно были и территориальными единицами, и племенными — либо совпадая с племенем, либо составляя его подразделения, практически имевшие гораздо большее реальное значение, чем само племя.

Все это крайне затрудняет для исследователя установление момента перехода к классовому обществу, так как мы лишаемся такого обычно столь верного

критерия, как возникновение территориального деления общества. Другие признаки наличия классовой цивилизации и государства — существование налогов, отдельных от народа вооруженных сил и государственного аппарата и, прежде всего, самой классовой структуры общества — как правило, не могут быть нами выявлены в силу характера наших источников. Приходится прибегать к таким менее надежным вторичным признакам, как наличие письменности — однако ее возникновение не обязательно (хотя и обычно) синхронно с возникновением государства¹⁴⁾, и [80] к тому же мы не всегда можем быть уверены, что дальнейшие раскопки не обнаружат письменных памятников там, где мы их не ожидаем.

Политические объединения и племена Армянского нагорья в середине II тыс. до н.э. Древнейшие исторические данные о «странах» и племенах Армянского нагорья содержатся в хеттских источниках. К сожалению, они дают сведения почти исключительно о районах, непосредственно примыкавших к восточной границе Хеттского царства, в качестве которой с XIV в. до н.э. обычно служило течение верхнего Евфрата.

Самой северной «страной», расположенной к востоку от каскского племенного союза и Хеттского царства, была Хайаса-Ацци¹⁵⁾. До сих пор точно не выяснено, относятся ли эти два названия — «Ацци» и «Хайаса» — к двум тесно связанным объединениям, или они являются разными наименованиями одного и того же.

Распространено мнение, что Хайасу следует искать в верховьях Евфрата около совр. Эрзниджана и Эрзурума. Это, однако, плохо вяжется с тем, что, по данным анналов хеттского царя Мурсилиса II, одна из важнейших крепостей Ацци, Арипса, стояла на берегу моря. Текст говорит об этом совершенно недвусмысленно. При локализации Хайасы-Ацци следует также исходить из того, что древние «страны» располагались по долинам, а не поперёк горных хребтов. По всей вероятности, двойственное название «Ацци-Хайаса» объясняется тем, что эта «страна» состояла из двух частей, расположенных в двух смежных долинах, при этом, судя по источникам, Ацци находилась ближе к ядру Хеттского царства, а Хайаса — дальше от него. Если не допустить вместе с Г. А. Капанцяном, что море, на котором находилась Арипса, — это болотистое озеро около Эрзурума (что кажется маловероятным), то приходится признать, что Ацци находилась в Понте, выходя к Черному морю, вероятно, по долине р. Харшит. В таком случае, Хайасу [81] можно поместить в долине р. Чорох около совр. Байбурта, откуда затем ее власть могла распространиться и на Евфрат¹⁶⁾.

Хайасу-Ацци следует рассматривать как племенное объединение, хотя хеттский источник и называет ее правителя «царем». Во всяком случае, наряду с «царем» Хайасы, равноправной стороной в договорах с хеттским царем является и народ Хайасы — по всей вероятности, племенное народное собрание; обязательства договора распространяются и на еще некое лицо, титул которого не указан, — видимо, вождя Ацци. Ниже [82] мы остановимся на данных об общественном строе Хайасы подробнее. Вопрос об этнической принадлежности хайасцев будет рассмотрен в главе III. Пока отметим лишь, что немногочисленные дошедшие до нас собственные имена аццийцев и хайасцев, а также богов и населенных пунктов Ацци и Хайасы не могут быть с полной уверенностью отнесены ни к одному из известных нам языков; их пытались этимологизировать из хурритского¹⁷⁾ (Г.А. Капанцян)¹⁸⁾ или из какого-то неизвестного нам индоевропейского языка (Г. Б. Джаукян)¹⁹⁾, но все предложенные этимологии, ввиду крайней скудости материала, очень ненадежны. При локализации Ацци в районе Понта [83]

наиболее вероятно была бы принадлежность хайасцев к языкам хаттской или северо-западно-кавказской группы²⁰⁾; вероятно также культурное, а может быть, и этническое влияние хурритов. Так или иначе вопрос о языковой принадлежности хайасцев не решен, но, во всяком случае, ни один исследователь не мог представить обоснованных данных в пользу их армянской языковой принадлежности и, как мы увидим, она представляется крайне маловероятной. К этому вопросу мы подробнее вернемся ниже.

Южнее Ацци, в верховьях Евфрата, были расположены Паххува на правом и Цухма (или, по-ассирийски, Сухму)²¹⁾ на левом берегу реки; южнее Цухмы, по левому берегу Евфрата в районе впадения р. Арацани (Мурад-су) лежала Исува (по-ассирийски Ишуа), наиболее важная «страна» в этом районе. Далее к югу, в долине р. Тохма-су, от совр. Гёрюна до какого-то пункта к востоку от Евфрата лежала Тегарама²²⁾; правобережная часть Тегарамы считалась подчиненной Хеттскому царству. Отдельной областью считалась Мальдия (ассир. Мелид, Мелиду, Мелидия, урарт. Мелитеа, совр. Малатья)²³⁾. По-видимому, западнее Тегарамы находились области Тумманна и Пала, населенные палайцами и издавна подчиненные хеттам, хотя эта локализация остается весьма спорной. Где-то в этом же [84] районе следует искать также «страну» Арматана. Несколько мелких полусамостоятельных, но не игравших большой политической роли областей было расположено южнее Мальди между устьем р. Арацани и выходом Евфрата на равнину обе стороны этой реки²⁴⁾; далее уже начинались земли собственно Митанни. До начала XIV в. до н.э. влияние Митанни простиралось, видимо, гораздо далее на север, и память об этом долго сохранялась: еще в XII в. ассирийцы называли например, Мальдию (или ее пригород на левом берегу Евфрата?) «ханигальбатской», то есть митаннийской, имея в виду либо ее прежнюю принадлежность Митанни, либо митаннийское происхождение местной династии.

К юго-западу от перечисленных стран, в горах Киликийского Тавра находилось важное царство Кицватна (Катаония) со столицей Кумманни (Комана Катаонская). После падения Митанни Кицватна была, видимо, расширена хеттами за счет митаннийских земель²⁵⁾.

Хотя хеттские источники обычно, по-видимому, не относят все эти племенные объединения и «страны» к «стране Хурри» (вероятно, по той причине, что «страна Хурри» была для них синонимом Митанни)²⁶⁾, все же вероятно хурритская языковая принадлежность этих племен (кроме Кицватны, население [85] которой было хурритско-лувийским)²⁷⁾. Обращает на себя внимание характерное как для этих, так и особенно для более восточных областей окончание названий на **-(у)ва**, **-уа**. По всей вероятности, в этом окончании следует видеть хурритский суффикс родительного падежа **-ве**²⁸⁾, и таким образом Салуа означает «(область) людей Сала», Хеммува — «(область) людей Хемме» и т.д.; Ишува, возможно, значит «(область) людей по ту сторону реки», ср. урартск. ишани «по ту сторону»²⁹⁾. Из немногих дошедших из этого района собственных имен часть хурритская, а часть лувийская; создается впечатление, что шло постепенное проникновение лувийского элемента в долину верхнего Евфрата³⁰⁾. [86]

Нам известно довольно много названий «стран», расположенных восточнее верхнеевфратской долины, но локализовать их не удастся; по-видимому, важными из них были упоминавшиеся выше Хеммува (Хемме?) и Салуа (Сала), вероятно, хурритские по языку населения, а также Мехри. Единственная важная «страна» этого района, местоположение которой нам известно довольно

точно, — это Алзи (в источниках называется также Альсе, Альци, Альция³¹⁾ и, возможно, Ашша). Алзи локализуется севернее истоков р. Тигра и, по-видимому, в долине р. Арацани восточнее Исувы.

Ассирийские анналы XIII в. упоминают страну или племена (вернее, племенной союз) Уруатри или Уруатру. Этот племенной союз локализуется в районе оз. Ван. В него входили и «страны» с названиями, совпадающими с наименованием некоторых из перечисленных выше племенных областей (Хемме, Салуа), однако Г. А. Меликишвили полагает, что речь идет о племенах-тезках, и что союз Уруатри находился не к западу, а к востоку от Ванского озера³²⁾. Вопрос этот нельзя считать решенным.[87]

Ассирийские источники называют еще одно важное племя в долине Большого Заба, — укуманийцев, или куманийцев, центром которых был город Кумме (урартск. Кумену), место почитания бога Тешуба-Тейшебы³³⁾. Это племя следует, как и уруатрийский племенной союз, отнести к урартоязычным.

В тех же источниках часто употребляются некоторые термины более общего характера: Бабхи, Хабхи и Наири. Термин **бабхи** (в урартских источниках также **бабанахи**) по-хурритски и урартски означает просто «горцев» и определенно не локализуется; термином **Хабхи** обозначались все горные области Армянского Тавра и Курдистанских гор, от истоков Тигра до районов к северу от ассирийских городов³⁴⁾. Термин **Наири** обозначал более отдаленные горные области, включая то восточную часть Армянского нагорья и Закавказья, то все вообще горные области как Армянского нагорья, так и современных Иранского Азербайджана и Курдистана.

Все перечисленные области, надо думать, стояли на последней ступени доклассового общества — на стадии «военной демократии». Хетты ведут переговоры в этих «странах» не с царями, а непосредственно с племенными старейшинами или народными собраниями. «Цари» этих стран впервые упоминаются ассирийскими анналами в конце XIII в. до н.э., но и в этом случае следует предполагать, что в большинстве случаев речь идет о племенных военных вождях. Однако, как мы видели, социальное и имущественное расслоение даже в таких далеких от классовых цивилизаций Передней Азии районах, как Закавказье, во II тыс. до н.э. продвинулось уже очень далеко, и вполне вероятно, что кое-где со стороны этих вождей уже делались попытки присвоить себе царскую власть. Для сравнения мы можем привести случай с другим племенным объединением — касков: их вождь, успешно захватив в XIV в. до н.э. несколько северных хеттских крепостей, впервые, как сообщает хеттский источник, ввел у касков царскую власть, в [88] то время как раньше единоличное правление у них не было принято³⁵⁾. То же, по-видимому, пытался сделать и правитель Ацци-Хайасы, также официально величавшийся «царем».

Степень продвижения общества Закавказья и Армянского нагорья к уровню классовой цивилизации не следует недооценивать, как до недавнего времени во многих наших работах недооценивалась степень классовой дифференциации в ранней Малой Азии и Сирии: мы датировали здесь возникновение классового общества второй — третьей четвертью II тыс. до н.э., в то время как фактически оно складывалось здесь уже до начала II тыс. до н.э., что теперь засвидетельствовано многочисленными документами из Каниша, Амкувы и Алалаха. Поэтому было бы преждевременно утверждать, что в XIV—XII вв. до н.э.

уровень цивилизации на территории Армянского нагорья еще нигде не был достигнут³⁶⁾.

Войны хеттов на Армянском нагорье до XIV в. до н.э. В так называемой «Автобиографии» хеттского царя Хаттусилиса III (ок. 1275—1250 гг. до н.э.)³⁷⁾ сообщается, что в период, соответствующий XVI—XV вв. до н.э. по нашему летосчислению, соседние с хеттами племена и царства воспользовались их ослаблением и продвинулись далеко в глубь их территории. Особенно далеко на юг проникли каски, однако большие успехи имели и более восточные племена. Так, люди Ацци вторглись в Верхнюю Страну (область верховьев р. Галис) и «сделали своей границей» г. Самуху, а люди Исувы, перейдя на правый берег Евфрата, заняли Тегараму.

Более подробные данные об исторических событиях имеются для XIV в. до н.э. К сожалению, летопись походов Тутхалияса III (ок. 1400—1380 г. до н.э.) и его сына Суппилулиумаса I (ок. 1380—1340 г. до н.э.), составленная по приказу [89] сына последнего, Мурсилиса II, дошла до нас в совершенно разрушенном виде³⁸⁾. Все же из ее фрагментов, по-видимому, можно восстановить следующий ход событий на востоке Хеттской державы.

Еще Тутхалиясу III удалось ненадолго добиться признания покорности от Хайасы, а Самуха не только стала хеттской, но и послужила базой для дальнейших походов на север. Однако вскоре Суппилулиумасу, тогда еще царевичу, пришлось уже предпринимать против хайасцев карательный поход. Но, выступив в этот поход, он наткнулся на многочисленное объединенное ополчение двенадцати каскских племен, что привело к длительной войне с последними. Хотя к этому времени каски и были уже отброшены из центральной Малой Азии, она оставались опасным и мощным врагом хеттов, действовавшим наступательно. Лишь после того как против касков были достигнуты известные успехи, Тутхалияс III снова двинулся против Хайасы и сразился с ее царем Караннисом или Ланнисом (имя читается неясно). Текст говорит, что битва произошла «ниже Куммахи». Однако решительной победы Тутхалияс III, видимо, не добился, тем более, что и каски далеко еще не были замирены, и борьба с ними потребовала от хеттов еще множества походов как при Суппилулиумасе, так и позже³⁹⁾.

Важнейшим событием времени правления Суппилулиумаса I была война с Митанни. В ходе подготовки к этой войне, по-видимому, и произошло следующее столкновение хеттов с Хайасой, и, вероятно, именно после этого был заключен договор между Суппилулиумасом и хайасским царем Хукканасом⁴⁰⁾. [90]

Согласно этому договору, хайасский царь приносит присягу в верности хеттскому царю и обязуется оказывать ему военную помощь и соблюдать сделавшиеся ему известными хеттские государственные тайны (речь идет, возможно, о подготовлявшемся походе против Митанни), а кроме того, выдать и впредь выдавать лиц, бежавших из Хеттского царства в Хайасу. Хеттский царь отдает Хукканасу в жены свою сестру, в связи с чем ставятся любопытные условия:

«У этой моей сестры, которую я, Солнце, отдал тебе в супружество, есть много сестер, и одного с нею рода (?), и одного с нею семени, а теперь они и твои, ибо ты получил их сестру. Но в стране Хатти есть важный закон: «брат не может познавать свою сестру, это несправедливо. Кто же так поступит, тот умрет». А ваша страна варварская, и в ней это обычно, что брат познает сестру свою и кузину, но в Хаттусасе это не разрешено. И когда к тебе придет сестра по роду (?) или по

семени твоей супруги, то дай ей есть и пить, и ешьте и пейте и радуйтесь; но не посмей желать познать ее, это карается смертью. И если к такому делу тебя будет склонять кто-либо другой, — не слушай его и не поступай так; да будет тебе это клятвенным обязательством. И остерегайся дворцовых женщин, — будь то свободная, будь то наложница (?), — не подходи к ней и не приближайся к ней, и не говори с ней ни слова; и раб твой и рабыня твоя пусть не приближаются к ней, очень остерегайся ее. Когда идет дворцовая женщина, убегай старательно с дороги и освободи ей путь». Далее рассказывается о том, как некий Марияс был казнен за то, что хеттский царь увидел его глядящим на дворцовую женщину. «И когда ты отправишься в Хайасу, то в дальнейшем ты не должен познавать жен брата своего, твоих сестер — в Хаттусасе это не разрешено. И когда ты придешь во дворец (хеттского царя. — И. Д.), то такое дело не разрешено. И не бери больше жены из страны Ацци, а ту [.....] которой ты владеешь, ту следует по праву считать твоей побочной женой, — не делай ее главной супругой. И отбери свою дочь у Марияса и отдай ее брату».

Упоминаемый здесь Марияс — конечно, не тот, который был казнен, за разговор с гаремной дамой⁴¹⁾; по-видимому, это [91] соправитель Хукканаса, так как далее говорится: «Если вы, хайасцы, будете в грядущие дни дружественно защищать меня (хеттского царя. — И. Д.), то я буду вас, хайасцев, и Марияса и других свойственников (люден каенес) Хайасы дружелюбно защищать, и Хайасу я буду дружелюбно защищать». А еще ниже говорится, что этот договор, под страхом разорения страны, обязателен для «хайасцев и Марияса».

Если мы учтем, во-первых, что царь Хайасы до сих пор брал жену из страны Ацци, во-вторых, что Марияс, по-видимому, рассматривается как возглавляющий «свойственников Хайасы», то отсюда можно сделать заключение, что Марияс — вождь Ацци, связанной с Хайасой взаимными браками. При этом Хайаса не только берет жен из Ацци, а Ацци — из Хайасы, но у них еще господствует система, при которой муж может получить право на сестер жены и других женщин той же возрастной категории того рода, с которым его собственный род связан брачными отношениями⁴²⁾. Против этого обычая и выступает царь хеттов, не желающий, чтобы факт выдачи его сестры в замужество за царя Хайасы создавал бы для последнего в хайасском общественном мнении права на других женщин хеттского царского рода и гарема. Хеттская царица должна стать главной женой, — то есть царицей Хайасы. Почему следует расторгнуть брак Марияса с дочерью хайасского царя, и какому именно «брату» следует ее отдать — неясно; издатель текста И. Фридрих полагает, что брату Марияса, однако, в чем был бы смысл такой меры, непонятно; может быть, царь Хайасы должен выдать свою дочь за брата хеттского царя, чтобы тем самым между хайасским и хеттским царским родом установился такой же порядок брачных отношений, какой ранее существовал между Хайасой и Ацци?⁴³⁾

Характерно, что в тексте договора Суппилулумас [92] обращается не только к Хукканасу, царю Хайасы, но и к «людям Хайасы» — по всей вероятности, к народному собранию или совету старейшин. В свете вышесказанного следует заключить, что Хайаса, несмотря на наличие «царя», стояла еще на уровне первобытного общества.

Из того же текста договора явствует, что хайасцы были земледельческим племенем, так как, в случае нарушения условий с их стороны, хеттский царь угрожает уничтожить «вас самих, ваших жен, ваших детей, ваших братьев, ваших сестер, ваши роды, ваши дома, ваши поля, [ваши поселения], ваши виноградники,

ваши луга, ваш рогатый скот, ваших баранов...». Из другого текста известно, что аццийские воины служили впоследствии колесничими в хеттском войске, следовательно, конь и колесница им также были знакомы.

Падение Митанни и его последствия. Однако война и заключение мирного договора с Хайасой были для Суппилулиумаса лишь побочным эпизодом в его главном замысле — завоевании Митанни. Дело, насколько можно судить по очень разрушенному тексту летописи и некоторым другим источникам, происходило следующим образом: после смерти царя Душратты, последовавшей в первой четверти XIV в. до н.э., в Митанни началась междоусобная борьба между двумя претендентами на престол — Артатамой и Куртивазой⁴⁴⁾. Последний бежал в Хеттское царство. Воспользовавшись этим предлогом, Суппилулиумас и начал войну против Митанни. Нападение совершилось с севера, через долину верхнего Евфрата, а плацдармом для нападения, по-видимому, явилась Тегарама.

События начались со столкновения хеттов с Исувой, а поводом было то обстоятельство, что в Исуву бежали насильственно переселенные на хеттскую территорию люди NAM.RA. Вслед за ними сюда вторглось хеттское войско, и беженцам пришлось продолжать свой путь в Хайасу, что привело к уже упоминавшейся войне хеттов с этой страной.[93]

Овладев Исувой и воспользовавшись тем, что исувцы бежали в Митаннийское царство, Суппилулиумас затем потребовал их выдачи, а получив отказ, начал наступление вниз по Евфрату на главные митаннийские центры — Каркемиш и Вашшуганне. При этом хетты вступили в союз с правителем Алзи — Антаратлисом (?), что позволило расширить фронт военных действий. В частности, была занята крепость Кутмар (очевидно исувская или митаннийская)⁴⁵⁾ и отдана Алзи⁴⁶⁾. Хеттам открылся путь на митаннийские равнины.

Война в Митанни была длительной и привела к полному разгрому этого царства, превратившегося в вассала хеттов. Занятие хеттами Каркемиша привело к окружению также и Киццватны, которая вскоре стала всего лишь самоуправляющейся областью Хеттского царства. Это сделало ненужным для хеттов при их дальнейшем продвижении в Сирию и Палестину тот обходной «коридор», который Суппилулиумас проложил через долину верхнего Евфрата, и с этих пор верхнеевфратские страны поддерживают, по-видимому, лишь формально-«союзные» отношения с Хеттским царством (с обязательством поставлять ему воинские контингенты), а то и сохраняют полную независимость.

В гражданской войне в Митанни на стороне сына Артатамы приняли участие и ассирийцы. Разгром Митанни позволил правителю г. Ашшура Ашшурубаллиту I расширить свои владения. Один из хеттских текстов сообщает, что «Митанни более не существует, люди Ашшура и Альсе (Алзи) разделили его»⁴⁷⁾. По-видимому, Алзи достались области нижней части долины верхнего Евфрата и предгорья Армянского Тавра по левому берегу Тигра, а Ассирии — восточная часть Северной Месопотамии и Правобережье верхнего Тигра. От Митанни осталось только небольшое ядро. Позже ассирийский царь Ададнерари I (около 1310—1280 гг. до н.э.) не только закрепил за собой долину верхнего Тигра (область Кадмухи или Кудмухи) и [94] важные крепости Тайда и Иррида к северу и югу от его верховьев — в последней он взял в плен митаннийского царя Васашатту⁴⁸⁾, — но даже занимал одно время Вашшуганне и выходил к Евфрату у Каркемиша. Таким образом, Ассирия превратилась в великую державу,

представлявшую для окрестных племен едва ли не большую опасность, чем ранее Митанни.

Война Мурсилиса II с Хайасой. Хотя покорение Митанни было для хеттов крупной победой и открыло им возможность завоевания Сирии и соперничества с Египтом, однако долгое отсутствие Суппилиумаса и основных хеттских контингентов привело к отпадению периферийных областей в Малой Азии, на что жалуется не только сын Суппилиумаса I, Мурсилис II (около 1339—1306 до н.э.) в своих анналах, но еще и Хаттусилис III в своей «Автобиографии». В частности, каски вновь начали свои нападения на хеттскую территорию, и для ликвидации последствий их набегов хеттам пришлось потратить еще много лет.

Вначале главным врагом хеттов был Пиххунияс, вождь соседней с Хайасой каскской «страны» Типия, тот самый, который «правил... не по-касски, но вдруг, тогда как в каскской общине (дословно «городе». — И. Д.) не бывало власти одного, этот Пиххунияс стал править по обычаю царской власти»⁴⁹⁾. Но в этой обстановке и хайасмы вновь стали укрывать беглых NAM.RA с хеттской территории, а в то время как Мурсилис II был занят борьбой с Типией, вождь Ацци Аннияс (сын Марияса) напал на хеттскую область Танкува и увел оттуда пленных и скот в Хайасу⁵⁰⁾. На требование Мурсилиса вернуть их Аннияс ответил отказом, вследствие чего хетты начали войну и осадили неприступную аццийскую крепость Ура. Однако основные военные действия развернулись в следующие годы Хеттскими войсками командовал царский брат, так как сам Мурсилис был занят войной на других границах. Хайасцы обещали было выдать пленных, но не выполнили обещания ссылаясь на то, что и хетты не выдали хайасеких пленных. Военные [95] действия затянулись, и хайасцы заняли хеттскую крепость Иститину и осадили крепость Каниувару. Хетты послали на выручку войско в 10 000 пехотинцев и 700 колесниц, но основные их силы были скованы под Каркемишем на Евфрате, которому угрожал ассирийский царь. На хайасском театре войны хеттам пришлось отступить в Тегараму, и от них отпал ряд областей долины верхнего Галиса. Само собой разумеется, что и в евфратской долине выше Тегарамы хетты утратили контроль.

Лишь на четвертый год войны (в 10-м году своего правления) Мурсилис II смог лично направиться против Ацци; хайасцы укрылись в горных крепостях, рассчитывая нападать по ночам на проходящее хеттское войско. Однако Мурсилис, оставляя большинство горных крепостей в тылу, вышел к Арипсе (вероятно, перевалив через Понтийские горы к Черному морю) и взял ее, а затем сразу же двинулся на Туккаму, которая, видимо, была центром Ацци. Жители Туккамы сдались на милость победителя, и Мурсилис зачислил 3000 аццийцев в свое войско в качестве пехотинцев и колесничих. Переговоры велись не с «царем», а с советом старейший Ацци; страна была включена в хеттское государство. Дальнейшие переговоры велись также и с неким Муттисом, правителем крепости Халимана, через которого Мурсилису удалось добиться выдачи аццийцами 1000 хеттских пленных⁵¹⁾.

Хеттам не удалось, однако, удержать Ацци и Хайасу в повиновении⁵²⁾. Очень непрочным было их влияние и в Исуве и других приевфратских «странах».

Судя по дошедшему до нас письму (царям Каркемиша и Исувы от неизвестного лица, — как полагает Э. Форрер, — от какого-то бывшего царя Митанни?)⁵³⁾, Алзи (по-видимому, речь [96] идет именно об этой стране; царь ее здесь назван

«шубарейским» — **шубриу**) продолжало наступление на Митанни в союзе с хеттами, и даже одно время царь Алзи(?) захватил митаннийский престол.

До нас дошел также текст договора неизвестного хеттского царя (Хаттусилиса III?) с царем страны Мехри, в данном случае, может быть, тождественной со страной Алзи (?). Здесь упоминаются хеттско-мехрийский поход из Нехрии, и второй хеттский поход из Алатарме в Исуве — оба, видимо, против Ассирии; царь Мехри обязуется и в дальнейшем сражаться с Ассирией на стороне хеттов⁵⁴⁾.

Из этих документов видно, что «страны» Армянского нагорья в конце XIV—XIII вв. до н.э. были в союзе с Хеттским царством, но не были включены в него.

Ассирийская агрессия в XII в. до н.э. Главной опасностью для племен Армянского нагорья с XIII в. до н.э. становится Ассирия. Укрепившись в северной Месопотамии, ассирийцы начинают теперь совершать набеги в горы с целью захвата рабов и скота. Первый крупный набег такого рода, о котором нам известно из надписей, относится к царствованию ассирийского царя Салманасара I (Шульмануашареда, около 1280—1260 гг. до н.э.) и был направлен в юго-восточные или южно-центральные районы Армянского нагорья, против племен уруатри, на которые он наложил дань, а часть пленных обратил в рабство⁵⁵⁾. Затем поход продолжался в Муцру на Большом Забе, [97] причем была разрушена крепость Аринна. Надпись Салманасара выдает весь этот поход за карательный, однако трудно сказать, следует ли это утверждение считать ложным, или же походу Салманасара действительно уже предшествовали другие ассирийские набеги в эти районы; сопровождавшиеся насильственным наложением дани на местные племена — «навек», как это обычно утверждают ассирийские надписи.

Подобно своему предку Ададнерари I, Салманасар I совершил поход также против Митанни и дошел до Каркемиша на Евфрате; по-видимому, именно ассирийская угроза заставила хеттского царя Хаттусилиса III около 1260 г. до н.э. завершить миром почти столетние войны с Египтом за обладание Сирией и Палестиной. При этом Палестина отошла к египетскому фараону Рамсесу II, а большая часть Сирии — к Хаттусилису III⁵⁶⁾.

Впоследствии Салманасар I снова ходил на Армянское нагорье, по-видимому, в более западные районы, чем в первый раз: «от границы Уруатру до Кудмухи (долины верхнего Тигра — И.Д.), в отпавшей стороне». Походы на нагорье [98] продолжал и следующий ассирийский царь Тукульти-Нинурта I (около 1260—1230 гг. до н.э.). Его надписи, как и надпись Салманасара I, очень лаконичны, но, по-видимому, в них говорится о трех или четырех походах против горцев.

По-видимому, горцы не оставались в долгу перед Ассирией, потому что одна из надписей Тукульти-Нинурты⁵⁷⁾ говорит о сражении с горцами-бабхи и укуманийцами в первый год его правления в холмистой местности Северной Месопотамии (горы Яури). Ответный удар Тукульти-Нинурты был направлен на восток и северо-восток от Ассирии (в страну кутиев), но затронул также и племя укуманийцев на Большом Забе.

Другой поход был направлен против горцев-**бабхи** «страны шубарейцев» (то есть хурритов). Сюда Тукульти-Нинурта I относит области Кадмухи, Пушшу, Мумму, Алзи, Мадани, Нихани, Алайя, Тебурзи и Пурукуззи. Кадмухи — это верхняя долина Тигра; Мадани и Нихани локализуются в горах у западных истоков р.

Тигра; Алзи нам уже знакома как важная «страна», расположенная от долины Арацани до истоков Тигра и Сасунских гор; Пурукуззи соседила с Алзи, а «Тебурци(я)» названа одним из хеттских источников⁵⁸⁾ как «город», соседний с Исувой, но, видимо, лежавший на правом берегу Евфрата. Таким образом, ассирийцы проникли в долину верхнего Евфрата, туда, где на власть претендовали и хетты.

По-видимому, в еще одном из своих походов Тукульти-Нинурта I пересек Армянский Тавр и сразился с коалицией 43 племенных вождей («царей») Наири, «страны» которых точнее не обозначены. Любопытно, что одна из надписей⁵⁹⁾ упоминает среди этих вождей не только «царей», но и «цариц» — ср. роль царицы-тавананнас у хеттов и общинных «цариц» в Аррапхе. Ассирийскому царю удалось захватить часть вождей в плен и обязать их платить дань. Здесь впервые появляется термин «Наири» как общее название Армянского нагорья в ассирийских текстах.[99]

Возможно, что Тукульти-Нинурта совершал и дальнейшие походы в горы, однако сведения его надписей здесь неясны.

Хетты и страны верхней долины Евфрата в конце XIII в. до н.э. В середине XIII в. до н.э. хетты, по-видимому, на Армянское нагорье походов не совершали. Очевидно, усилившаяся опасность со стороны Ассирии заставила племена верхнеевфратской долины соблюдать союзные отношения с Хеттским царством.

Сохранился договор Хеттского царства с Паххувой, Исувой и другими «странами» этого района⁶⁰⁾. К сожалению, имя хеттского царя, заключившего этот договор, в документе не сохранилось, но по косвенным данным можно полагать, что это был один из последних царей хеттского государства, — может быть, Арнувантас III (ок. 1220—1190 гг. до н.э.). Этот договор — важнейший источник, позволяющий судить о взаимоотношениях хеттов с Армянским нагорьем накануне падения Хеттского царства. Текст его рисует следующую картину.

Союз Ацци-Хайаса, по-видимому, распался, так как о нем в тексте не упоминается, а «города» и области Туккама, Куммаха и Паттейарикка(?), ранее подчинявшиеся хайасцам, теперь действуют самостоятельно. «Страны» Паххува и Исува связаны с Хеттским царством вассально-союзными отношениями и обязаны поставлять хеттам военные контингенты по их требованию.

Однако, когда хеттский царь совершал поход против Куммахи, Митас, царь Паххувы, связанный брачными узами с дочерью противника хеттов, не только не выполнил своих обязательств, но и укрыл враждебных хеттам беглецов и захватил людей и скот с территории союзной с хеттами Исувы. Вместе с Митасом действовал и еще один вождь, некий Калимунас. Однако успехи хеттов заставили «людей Паххувы» (народное собрание?) добиваться мира с Хеттским царством. Царь хеттов поставил условием людям Паххувы выдать ему Митаса и Калимунаса со всеми их родичами и имуществом, а также вернуть беглецов и возместить имущество Исуве. В случае [100] же, если бы люди Паххувы не выполнили этих условий, царь хеттов приказывает ее соседям добиться их выполнения силой. В числе этих соседей, зависимых от хеттов, названы Арихпицци, правитель Паттейарикки (? — или Исмерикки — название повреждено в тексте) и Аиссиас, правитель Туккамы. Одновременно, согласно тому же договору, в подданство Хеттского царства принимаются Паххува, Исува, Цухма, Мальдия, [Паттейа]рикка (или [Исме]рикка?) и еще одна страна, возможно — Хурри, то есть либо северный

остаток Митанни, либо Алзи? Причиной дружного подчинения всех этих «стран» хеттам должна, очевидно, считаться ассирийская угроза.

Договор был заключен не с «царями», а с советами старейшин этих «стран», хотя поименно перечисляются и правители отдельных крепостей — неясно, в качестве ли представителей этих «стран», или же в качестве свидетелей-гарантов договора. Большая часть этих лиц носит лувийские имена⁶¹⁾.

Армянское нагорье к 1200 г. до н.э. Таким образом, к концу XIII до н.э. на Армянском нагорье существовало множество мелких хуррито-урартских племен (в долине верхнего Евфрата — смешанных с лувийцами), находившихся на уровне последнего этапа первобытнообщинного строя — «военной демократии». Не исключено, что кое-где начало складываться классовое общество и первые государственные образования в виде городов-государств (Аринна, Кумме — Куммену в «странах» Муцру и укуманийцев на Большом Забе, может быть отдельные города верховьев Тигра?) или в виде небольших царств (Алзи?) но в то же время племенные связи были еще настолько прочны, что могли возникать обширные временные военные объединения, типа племенных конфедераций («43 царя Наири» в надписи Тукульти-Нинурты I, Уруатру и т.п.). Население занималось земледелием, скотоводством и войной; по всей вероятности, как и в более южных хурритских районах, существовали патриархальные большесемейные общины и их объединения сохранялись и пережитки архаичных обычаев первобытного общества (ср. роль «цариц», а у хайасцев — право мужа на сестер жены). Рабство было уже известно, но мало развито. [101] В районах, сохранивших традиции Митанни, была уже знакома клинообразная письменность, вследствие чего хеттско-хурритские канцелярские и анналистические традиции могли быть отсюда впоследствии восприняты и государством Урарту. Примерно к этому же периоду можно отнести и создание так называемой «урартской иероглифики», известной по знакам VIII—VII вв. до н.э. на урартской утвари и глиняных табличках, и, возможно, сложившейся под влиянием «хеттской иероглифической» (лувийской) письменности.

2. Падение Хеттского царства. Продвижение фрако-фригийских и картвельских племен

«Народы моря». Наиболее поздние документы государственного архива в столице Хеттского царства — Хаттусасе (Богаз-кёе) относятся к первому десятилетию XII в. до н.э. Город был взят врагами и погиб, а с ним вместе погибло и само Хеттское царство. Об обстоятельствах его гибели у нас имеются только косвенные данные.

С середины XIII в. до н.э. египетские источники начинают упоминать так называемые «народы моря», тревожившие средиземноморское побережье. Среди них были, видимо, жители берегов Малой Азии, а также, как предполагают многие исследователи, греки-ахейцы ('квш, 'кйвш)⁶²⁾. [102]

Характер катастрофы нашествие «народов моря» принимает в царствование Рамсеса III (начало XII в. до н.э.). В надписи этого фараона сообщается⁶³⁾: «Ни одна страна не устояла перед десницей их, начиная от Хатти; Кеде⁶⁴⁾, Каркемиш, Арцава⁶⁵⁾, Аласия⁶⁶⁾ были уничтожены. Они разбили лагерь посреди Амурру⁶⁷⁾, они погубили его людей, как если бы они (никогда) не существовали. Они надвинулись на Египет... В союзниках объединены были среди них прст, чкр,

шкрш, дйнь(?) и вшш. Они наложили руки на страны до края земли, сердца их были полны упования и говорили они: «преуспеют наши замыслы». Упоминаемые здесь **дйнь** (вар. **дйньн**), видимо, данайцы, то есть те же греки-ахейцы, а **прст** — филистимляне, которых переднеазиатская традиция считала выходцами с о. Крит (Кафтор)⁶⁸⁾, однако родиной их могли быть и различные [103] острова Эгейского моря, некоторые районы материков Греции и западная Малая Азия. Остальные неизвестны.

Рис. 16. Морская битва египтян с « народами моря », с египетского рельефа из гробницы Рамсеса III.

Как явствует из египетского источника, они уничтожили Хеттское царство, и теперь двигались по суше через Сирию и Финикию на юг с большим обозом, с женщинами и детьми; одновременно их морские отряды совершали набеги на берега Палестины и Египта, действуя в согласии с ливийцами. Таким образом, их союз охватил все берега восточной части Средиземного моря⁶⁹⁾.

Египетской армии Рамсеса III удалось остановить нашествие «народов моря»; филистимляне и **чкр** осели на побережье Палестины (в этом названии до сих пор сохраняется их племенное наименование); данайцы(?)**-дйньн**, по всей [104] вероятности, осели в Киликии (на юго-восточном побережье Малой Азии)⁷⁰⁾; судьба остальных неизвестна.

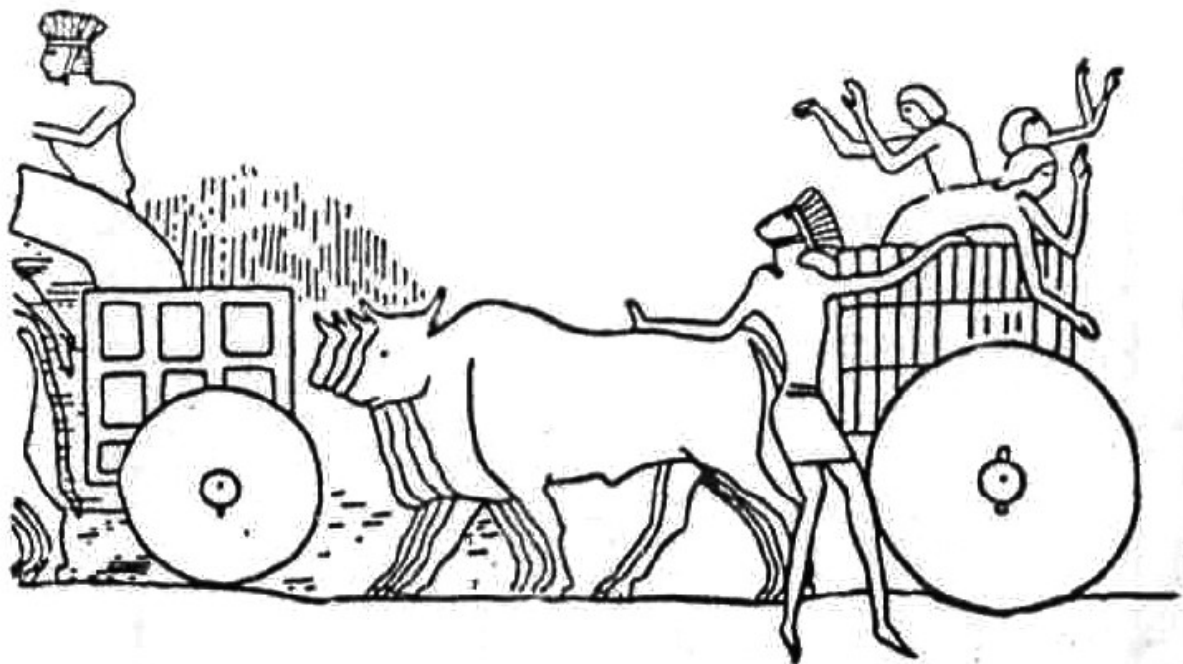

Рис. 17. Переселение «народов моря» (побежденные филистимляне). С египетского рельефа XIII в. до н.э.

Именно к этому же времени (первая четверть XII в. до н.э.) греческая эпическая традиция относит морской поход ополчений греческих городов-государств из материковой Греции на Трою (иначе Илион, в северо-западном углу Малой Азии, у входа в Геллеспонт, нынешний Дарданелльский пролив) и ее разрушение, за которым последовало расселение греков в ряде мест Малой Азии, острова Кипра⁷¹⁾ и т.д.[105]

Политическая ситуация на западе Малой Азии в XIV—XIII вв. до н.э. Чтобы хотя бы предположительно представить себе, что же произошло и каким образом погибло Хеттское царство, в течение столетий не имевшее себе равных по могуществу, надо обратиться к ситуации, сложившейся в XIV-XIII вв. до н.э. на западе полуострова. К сожалению, очень многие из географических названий, упоминаемых хеттскими источниками, до сих пор надежно не отождествляются, и по поводу их возможной локализации существуют самые противоречивые теории.

Главная роль на западе Малой Азии принадлежала группе или союзу лувийских государств — Арцаве, то представлявшей собой целостное государственное образование, то распадавшейся на четыре-пять автономных частей — Хапалла, Мира, собственно Арцава, Страна реки Сеха и Вилуса. Это были области культуры, близкой к хеттской; в частности, здесь была распространена как «хеттская» иероглифика, так и клинопись и был известен аккадский язык. Местоположение этих стран остается спорным⁷²⁾. Арцава находилась с Хеттским царством [106] иногда во враждебных, но чаще в вассально-союзных отношениях.

Лишь временно и частично хеттам удавалось подчинить себе приморскую страну Лукка, — по всей видимости, горную область ликийцев, хотя и живших в то время, как кажется, и несколько западнее позднейшей Ликии, против о. Родос (?) и вплоть до г. Милета.

Аххиява. Ахейцы и троянцы. Далее на запад крупнейшей силой было царство Аххиява (Ahhiyawa), с которым хетты сносились на основах почти равноправия⁷³⁾.

Несмотря на трудности филологического порядка⁷⁴⁾, [107] большинство исследователей согласно в том, что за этим названием скрывается древнее наименование страны греков-ахейцев (*Akhaiwía?). Однако относительно ее локализации идет спор. Одни исследователи отождествляют Аххияву с Микенским царством в Греции, или с ахейским Критом, или с Родосом, другие считают ее ахейским или ахеизированным царством в самой Малой Азии, где-то на западе полуострова, — может быть, даже Троей; наконец, третьи считают его государством где-то в Малой Азии, не имеющим отношения к ахейцам⁷⁵⁾.

Нам известно, что хетты сносились с собственно Аххиявой (если не считать сношений с принадлежавшим ей Милаватасом и периодов аххиявского наступления в Малую Азию) через Арцаву и Лукку — может быть, морским путем; что Аххиява была связана со страной Лацпас — может быть, островом Лесбос; что по археологическим данным в Малой Азии XIV—XIII вв. до н.э. было очень мало собственно ахейских поселений, кроме, по-видимому, Милета⁷⁶⁾ (правда, сильно ахеизированной по культуре была и Троя); что, в то же время, по археологическим и письменным данным нелегко представить себе существование в это время в Малой Азии государства, по могуществу приближавшегося бы к Хеттскому царству⁷⁷⁾; но что при этом дошедшие до нас имена аххиявцев трудно истолковать как греческие⁷⁸⁾. [108]

Нам все же представляется наиболее вероятным, что под Аххиявой следует понимать ахейское Микенское царство в Греции, хотя это и нельзя считать доказанным⁷⁹⁾. Среди микенцев — особенно действовавших в Малой Азии — вполне могли быть и не-греки⁸⁰⁾.

Греческая традиция считала главным соперником Микен Трою в Малой Азии; существование этого города и его тесные связи с микенской культурой давно подтверждены археологически (культура Трои VI и VIIa на современном городище Гиссарлык). Если чрезвычайно маловероятно, чтобы хетты не имели контактов с Микенами, то уже совершенно невероятно чтобы они не имели контактов с Троей. Мало того, современный событиям египетский источник прямо называет дардания (этноним жителей Трои у Гомера, по-египетски **дрднй**) среди союзников хеттов в битве при Кадеше с войском фараона Рамсеса II (начало XIII в. до н.э.)⁸¹⁾, да и в самой гомеровской [109] «Одиссее» среди союзников троянцев названы «кетейцы», которые вряд ли могут быть кем-либо иным, кроме хеттов. И тем не менее, ни имя Трои (или Илиона, или Илиоса — древнейшая форма должна была звучать **Вилиос**), ни имя дардания до сих пор не найдены в хеттских источниках. Остается полагать, что это царство обозначалось хеттами каким-то другим именем, нами еще не отождествленным. Наиболее вероятно, что этим именем является Вилуса⁸²⁾, и что именно Вилуса соответствует **дрднй** египетских текстов, хотя это отождествление оспаривается.

Нам известны по договору с хеттским царем Муватталлисом⁸³⁾ (или Мутталлисом, ок. 1306—1282 гг. до н.э.) имена двух царей Вилусы — Куккунниса и его приемного (?) сына Алаксантуса. Последнее имя со значительной долей вероятности отождествляется с греческим именем Александр⁸⁴⁾ — по гомеровскому эпосу вторым именем троянского царевича Париса, виновника Троянской войны. Сохранилась греческая легенда, согласно которой Парис-Александр, возвращаясь в Трою из Спарты, где он похитил жену царя Менелая, Елену, одно время был гостем царя Мотила (Motylos)⁸⁵⁾; полагали, что здесь реминисценция имени Муватталлиса, который принимал [110] у себя бежавшего из Вилусы Алаксантуса⁸⁶⁾. Однако нет сомнения в том, что отождествлять Алаксантуса, царя

Вилусы, с Парисом нельзя: хотя гомеровский эпос, сложившийся, видимо, в X—IX вв. до н.э., мог сохранить некоторые подлинные имена, распространенные среди троянцев XIII—XII вв., однако вряд ли к этому времени могла сохраниться память о действительных царях Трои (кроме последнего, с которым греки воевали, то есть Приама) и об их последовательности. К тому же по эпосу Парис вовсе не был царем, и жил не в начале XIII в., а в конце XIII — начале XII в. до н.э.

Так или иначе, несомненно, что Троя (по археологической номенклатуре — Троя VI, а после разрушения города в результате землетрясения около 1350 г. до н.э. — Троя VIIa) была важным центром, запиравшим вход в Геллеспонт и Черное море и связывавшим Эгейское море с севером Малой Азии, и что она была объединена теснейшими торговыми, культурными, а может быть, и политическими узами с ахейской (микенской) Грецией. Троя VI—VIIa, по археологическим данным, была городом местной, древнеанатолийской культуры, однако в течение XIV—XIII вв. подвергшимся сильнейшему влиянию культуры микенской. Несомненно, что Троя имела какие-то, возможно и политические, связи также и с Хеттским царством. [111] Троя VIIa погибла от пожара, по-видимому, незадолго до 1200 г. до н.э., то есть примерно именно в то время⁸⁷⁾, когда, по гомеровскому эпосу, микенскими греками была взята и сожжена Троя-Илион. Троянская война была для греков центральным событием их героического века, произведшим огромное впечатление на умы и воображение многих поколений, и мы не можем сомневаться в том, что такая война против Трои, ведшаяся коалицией ахейских царьков, вассалов-союзников царя Микен, действительно была.

До начала XIII в. до н.э. отношения Хеттского царства с Аххиявой (Микенами?) были мирными и даже дружественными. При Мурсилисе II и Муватталлисе Аххиява имела на малоазийском побережье опорный пункт в Миллаванте, или Милаватасе (Милете?), и, хотя между ней и хеттами случались пограничные недоразумения⁸⁸⁾, однако в целом дружеские отношения не нарушались; так, Аххиява выдала хеттам морского пирата Пийамаратуса⁸⁹⁾, грабившего западные берега полуострова. Однако в правление Тутхалияса IV (ок. 1250—1220) [112] царь Аххиявы, по-видимому, лично вторгся на побережье Малой Азии. Из сильно разрушенных анналов Тутхалияса IV⁹⁰⁾ видно, что весь запад Малой Азии в то время отпал от хеттов; анналы сообщают о трех или четырех хеттских кампаниях здесь — против Страны реки Сеха, занятой царем Аххиявы; против той же страны, Арцавы, Валлариммы (в Ликий?) и др.; и против Ассувы (по-видимому, два похода). Среди областей Ассувы — видимо мощного объединения, потому что, по словам анналов, хетты одних пленных взяли 10 000 пехотинцев и 600 колесничих — названы некоторые местности, несомненно находившиеся на севере Эгейского побережья Малой Азии⁹¹⁾, а также Вилусия (Илионское царство?) и Таруиса, в которой с меньшей вероятностью можно видеть Трою⁹²⁾.

Страна Ассува (как полагают, прототип слова «Азия»)⁹³⁾ в более ранних хеттских текстах не встречается: по-видимому, это новое(?) государственное образование, возможно, подчинившее [113] себе Трою⁹⁴⁾. Согласно гомеровскому эпосу, за несколько десятилетий до Троянской войны троянский царь Приам сражался в качестве союзника фригийцев, переправившихся из Европы в Малую Азию через Геллеспонт, с «амазонками» на берегу р. Сангария (совр. Сакария)⁹⁵⁾; а известно, что «амазонкам» позднейшие греки приписывали хеттскую культуру (ср. роль царицы у хеттов); поэтому нельзя считать невероятным предположение Дж. Гарстанга и О.Р. Гэрни о том, что в царстве Ассувы следует видеть первое государственное образование фрако-фригийцев в Малой Азии⁹⁶⁾.

По греческой традиции, около этого же времени или несколько позже (но еще перед Троянской войной) критяне [114] (критские ахейцы?) Сарпедон и Радамант вторглись в Ликию и создали там царство^[97]. О подобных же набегах аххиявца Аттариссияса, проникавшего далеко в глубь Малой Азии и нападавшего также на Кипр, сообщает и один хеттский источник времени царя Арнувантаса III (ок. 1220 — 1190 гг. до н.э.). В том же источнике упоминается, по-видимому, и Муксус, Мопс греческих легенд^[98], поход которого в Малую Азию греки относили ко времени сразу после Троянской войны.

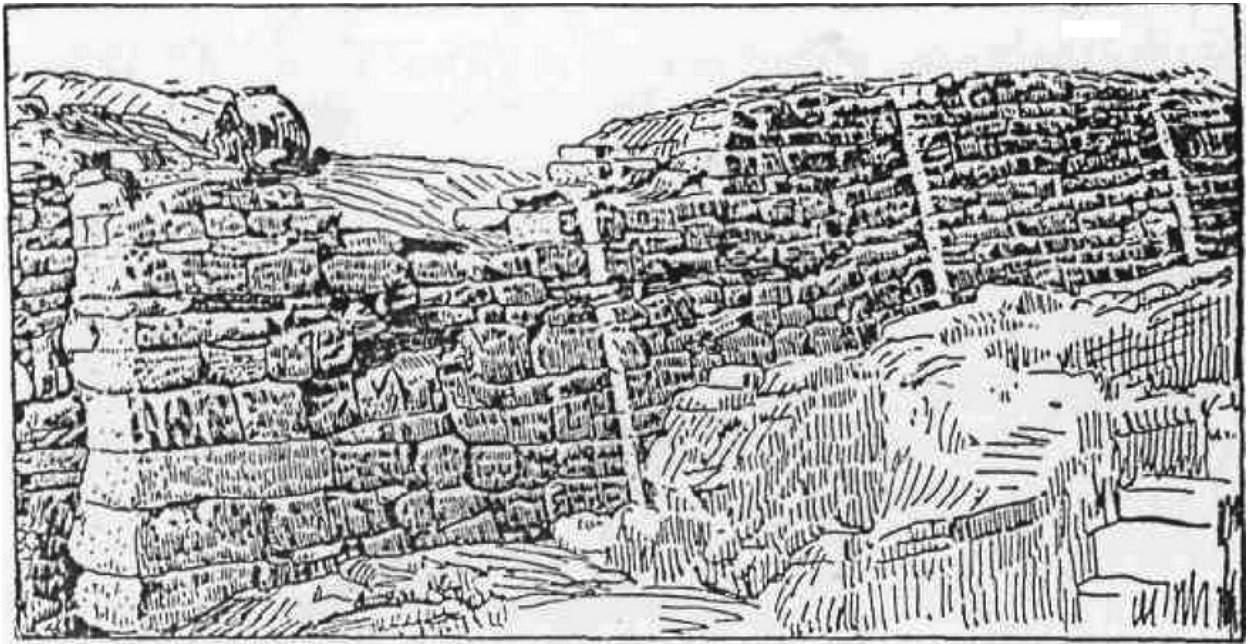

Рис. 18. Остатки стен Трои VI.

Этнические передвижения в конце XIII — начале XII в. до н.э. Троянская война. Таким образом, имеющиеся данные говорят о начавшихся с середины XIII в. до н.э. нападениях на Малую Азию и другие преедиземноморские страны; в этих нападениях участвовали ахейцы из материковой Греции и с островов Эгейского моря и, вероятно, фрако-фригийцы с Балканского полуострова. Однако в движение были приведены также и другие народы — ликийцы, филистимляне, (пеласги?) и прочие. Положение Хеттского царства затруднялось еще и тем, что с другого направления начались новые набеги касков (об этом говорят, например, анналы Тутхалияса IV в связи с походом на Ассуву). [115]

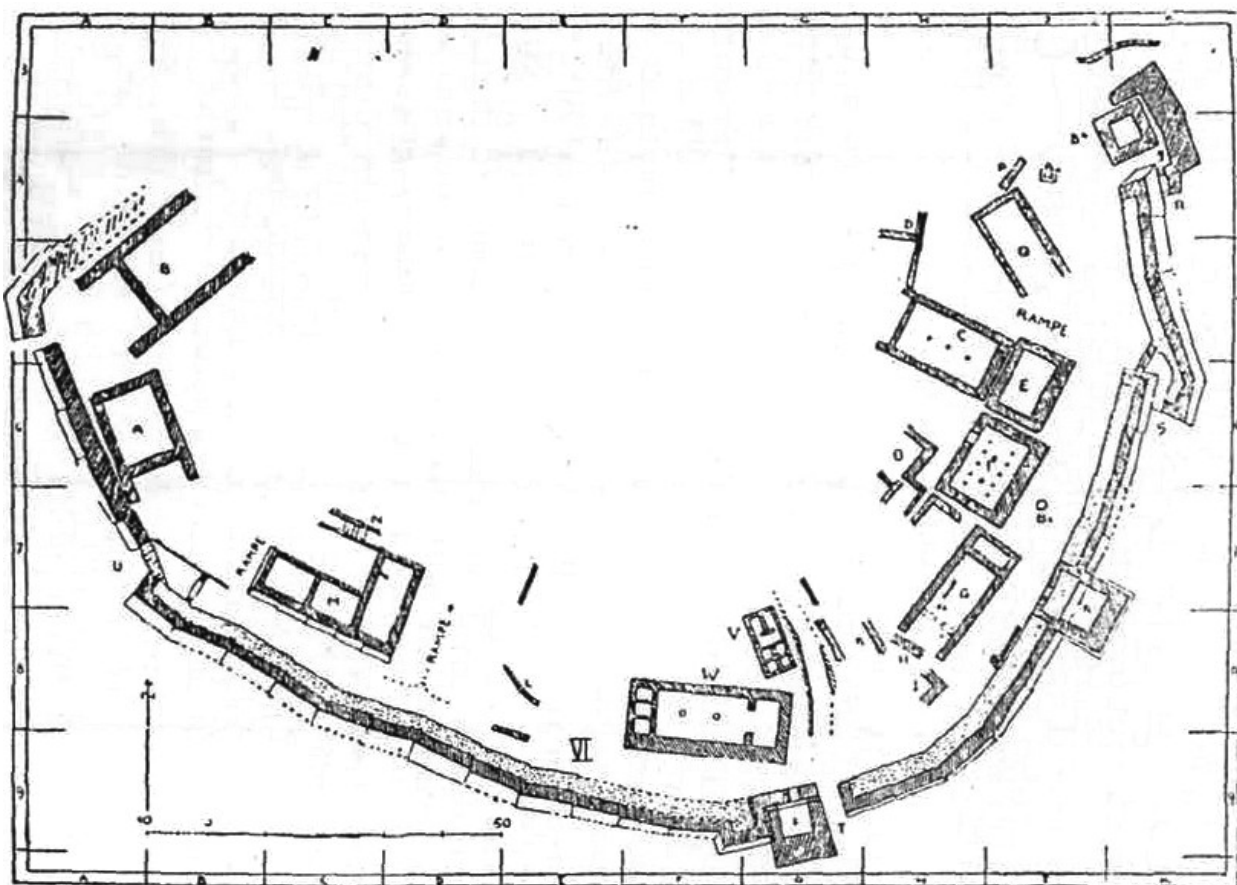

Рис. 19. Троя VI. План раскопок.[116]

Одним — быть может, наиболее важным — из эпизодов этого движения «народов моря» и была Троянская война, в которой участвовали, по традиции, все города-государства ахейской Греции в качестве союзников и вассалов Агамемнона, царя Микен, мстившего за оскорбление, нанесенное его брату, царю Спарты, Менелая, троянским царевичем Парисом. Если верить гомеровскому эпосу, на стороне троянцев в войне принял участие целый ряд царств западной Малой Азии — областей, соответствующих союзу Арцава хеттских источников, вплоть до Ликии на юго-западе полуострова^[99]; в числе союзников Трои в одном месте эпоса названы и кетейцы, — то есть, вероятно, хетты.^[100] В союзе с троянцами, по эпосу, были и некоторые племена с европейской стороны Геллеспонта и Босфора^[101].

Вторжение фрако-фригийских племен и падение Хеттского царства. Гибель Трои привела к очень важным последствиям. На развалинах Трои VIIa, после кратковременной попытки местного населения возродить свой город (Троя VIIb1), возникает поселение VIIb с совершенно иным населением, о чем свидетельствует появление здесь так называемой «шишечной керамики» (Buckelkeramik) центральноевропейского и придунайского происхождения: очевидно, не сдерживаемые более могуществом Троянского царства у Геллеспонтского пролива, из Европы в Малую Азию хлынули новые племена.

Эти племена, как мы увидим ниже, вне всякого сомнения, принадлежали к новой, ранее не засвидетельствованной на [117] Востоке ветви индоевропейских языков — фрако-фригийской, к которой, по наиболее вероятной лингвистической теории, принадлежал и протоармянский язык, о чем речь будет в главе III.

Просачивание первых фрако-фригийцев с Балкан в Малую Азию, если верить греческой традиции, началось еще до Троянской войны (вероятно, через Босфор), и именно им, быть может, обязано своим образованием царство Ассува. Но после падения Трои их вторжение стало настолько массовым, что сдвинуло со своих мест и некоторых прежних жителей Малой Азии. Под напором передовых групп фрако-фригийских племен, в обстановке беспорядочных передвижений также и анатолийских народов и набегов ахейцев на побережье, и пало в первые десятилетия XII в. до н.э. Хеттское царство. Сдвинутые со своих мест малоазийские племена мы, очевидно, и встречаем в Сирии, согласно известиям надписи Рамсеса III. При этом фрако-фригийцы, народ сухопутный, не занимали морских побережий, и сюда, в области и царства, ранее хотя и враждовавшие с Хеттским царством, но и находившиеся под защитой его мощи, устремились мореходы — ахейцы, критяне¹⁰²⁾ и [118] пеласги. Но передвижение племен на Балканском полуострове сдвинуло со своих мест и греческое племя дорийцев, населявших горные районы северной Греции и непричастных к микенской культуре; в результате их вторжения в течение XII—XI вв. до н.э. микенская культура погибла, а на Эгейском побережье западной Малой Азии стали появляться греческие колонии — сначала эолийцев на севере, а позже ионян в центре.

Еще в начале того же XII в. до н.э. фрако-фригийские племена овладели центром Малой Азии, а примерно к 1165 г. до н.э. их передовые отряды достигли долины верхнего Евфрата. Оставшиеся позади фригийцы жили среди местного населения Малой Азии и еще в течение ряда веков не пытались образовывать своих государств; от Хеттского же царства сохранялись, на его лувийских окраинах, отдельные части, которые пытались продолжать его традиции.

Появление в Малой Азии и на Армянском нагорье фрако-фригийского этноса означает, что все основные компоненты, из которых в конечном счете образовался армянский народ, были теперь уже налицо.

Передвижение картвельских племен. По-видимому, около этого же времени или несколько позже происходит встречное движение картвельских племен из Закавказья в северо-восточную Малую Азию. Уже гомеровские поэмы знают в этой области хализонов, быть может, тождественных с халибами¹⁰³⁾, жившими, по-видимому, в Понте, — которых с большой долей уверенности отождествляют с более поздними халдайцами, или [119] халдами (урартск. халиту, не путать с халдеями Вавилонии!)¹⁰⁴⁾; халды же уже вполне уверенно отождествляются с западно-грузинским народом чанов (лазов), и поныне живущим в Понте¹⁰⁵⁾. Таким образом, грузиноязычное население этого района может предполагаться засвидетельствованным примерно с IX в. до н.э. (приблизительное время написания «Илиады»), однако можно думать, что оно появилось здесь уже и раньше. Оставляя в стороне вопрос о том, существовал ли грузиноязычный или близкий к грузинскому элемент уже и в составе касков — что мыслимо, но не доказуемо, — продвижение грузинских племен на запад можно было бы связать с распадом союза Ацци-Хайаса в конце XIII в. до н.э.(?), и, возможно, именно этим продвижением было вызвано оживление каскских набегов не только на центральную Малую Азию в этот же период, но и на долину верхнего Евфрата в первой половине XII в., о чем речь пойдет ниже; отметим пока лишь, что ассирийские источники называют вторгшееся в эту долину племя то касками «хеттской страны», то абешлайцами, а, как уже отмечалось в главе I, последний этноним возможно связать с предками абхазов. Такое смещение абхазо-адыгских

племен, вполне вероятно, следует связывать именно с продвижением грузинских племен в Колхиду, а затем и в Понт¹⁰⁶⁾.

В конце XII в. до н.э. источники свидетельствуют о существовании в долине р. Чорох нового значительного царства (или племени?) — Дайаэни (урартск. Диаухи), отождествляемого с племенем таохов позднейших греческих источников. Этническая [120] принадлежность Дайаэни не вполне ясна; Г. А. Меликишвили¹⁰⁷⁾ считает их хурритским племенем, и это весьма вероятно. Но Дайаэни просуществовало до VIII в. до н.э., а следовательно, грузиноязычные халды-халибы, засвидетельствованные западнее, возможно, уже с IX в., должны были бы пройти здесь, скорее всего, раньше его образования, — по всей вероятности, в начале XII в. до н.э.

С VI в. до н.э. в Понте засвидетельствовано племя мосхов, тоже обычно признаваемое за грузиноязычное¹⁰⁸⁾. Его название, может быть, свидетельствует о его древних контактах с Фригией (как об этом подробно будет говориться в следующей главе). Возможно, что и мосхи появились здесь тоже ранее образования царства Дайаэни, если только они не просто тождественны халибам (ср. гл. III).

Греческая традиция сохранила легенду о плавании ахейских героев на корабле «Арго» в Колхиду за «золотым руном» еще за поколение до Троянской войны. Грузинская принадлежность колхов вряд ли подлежит сомнению¹⁰⁹⁾. Легенда об аргонавтах, по всей вероятности, получила популярность в эпоху проникновения греков в Черное море, то есть не ранее IX в., и сомнительно, существовала ли действительно Колхида уже в XIII в. до н.э., — в период, которым легенда датирует поход корабля «Арго»; но она несомненно существовала в IX—VIII вв. до н.э., и, как показал Г.А. Меликишвили¹¹⁰⁾, термин этот (в широком смысле) в то время охватывал не только долину р. Риони, но и восточный Понт с долиной р. Чороха. Однако продвижение в Понт колхов, а также разных других мелких племен, если и они были грузиноязычными¹¹¹⁾, — макронов, [121] мосиноиков, бизеров, может быть, и мосхов¹¹²⁾, — следует, вероятно, датировать временем уже после уничтожения в долине Чороха царства Дайаэни (Диаухи), то есть второй половиной VIII в. до н.э.¹¹³⁾

Таким образом, целый ряд данных — правда, косвенных — как будто свидетельствует о том, что одновременно с движением фрако-фригийских племен с запада на восток (с Балкан до верхнего Евфрата), происходившим с конца XIII — начала XII в. до н.э. по X—VII вв. до н.э.¹¹⁴⁾ происходило встречное движение грузиноязычных племен в Колхиду и Понт, также в течение XII(?)—VIII вв. до н.э. Во всяком случае, к тому времени, которое освещают греческие источники, то есть к середине I тыс. до н.э., географическая и этническая карта Малой Азии полностью изменилась и, в частности, в Понте засвидетельствованы уже совершенно иные племена и населенные пункты, чем в хеттское время¹¹⁵⁾. [122]

3. Армянское нагорье в эпоху ассирийских и урартских войн и завоеваний

Гибель Хеттского царства, разгром мелких государств Сирии и наступившее в этот же период по внутренним причинам ослабление Египта и Вавилонии сделало Ассирию с середины XII в. до н.э. единственной великой державой. С конца этого столетия начинаются завоевательные походы царя Тиглатпаласара I (Тукульти-

апал-Эшарра, 1115—1077 гг. до н.э.). Его анналы и надписи являются нашим основным источником по истории Армянского нагорья для периода, последовавшего за падением Хеттской державы. Они рисуют следующую картину.

Мушки, абешлайцы и урумейцы. За 50 лет до вступления Тиглатпаласара I на престол, то есть около 1165 г. до н.э., племена мушков — так ассирийцы, как мы увидим ниже, называли фрако-фригийские племена — перешли Евфрат и, углубившись в долину р. Арацани, заняли страны Алзи и Пурукуззи. Одновременно каски и урумейцы тоже продвинулись в долину верхнюю Евфрата. Как мы помним, термин «каска» носит очень общий характер, но одна из надписей Тиглатпаласара I уточняет племенное название данных «касков» — это были абешлайцы, племя, из хеттских источников, по-видимому, не известное¹¹⁶. Поэтому здесь, скорее всего, речь идет не просто о возобновлении набегов на юг тех касков, которые издавна тревожили Хеттское царство, а теперь могли воспользоваться его разгромом для расширения поля своей боевой деятельности, а скорее о вовлечении в этнические передвижки новых племен. Что касается урумейцев, то и это племя из более ранних источников нам не известно; о них речь еще будет ниже. К 1115 г. мушки возобновили свое продвижение и спустились, в числе двадцати тысяч воинов во главе с пятью вождями, в долину верхнего [123] Тигра — Кадмухи, создав серьезную угрозу ассирийским владениям. По-видимому, судя по тексту анналов, мушки были в союзе с местными жителями. Это понятно: и кадмухийцев, и алзийцев, и пурукуззийцев в первой половине XII в. ассирийцы не раз облагали тяжелой данью, и больше добычи для мушков было у ассирийцев.

Вступив на престол, Тиглатпаласар I двинулся в Кадмухи, нанес мушкам поражение и, по его утверждению, захватил 6000 пленных. Однако этим дело не ограничилось, так как кадмухийцы отказались платить дань и получили поддержку от горцев-бабхи (горных хурритов). Тиглатпаласар разбил тех и других в битве на речке Намэ (одном из притоков Тигра), причем был захвачен один из «царей» горцев, Кили-Тешуб¹¹⁷ со всем родом и родовыми богами и с золотой, серебряной и бронзовой утварью его казны и обихода. Затем Тиглатпаласар осадил хурритскую горную крепость Уррахинош в верховьях Тигра, и ее царь Шади-Тешуб, сын Хаттухи¹¹⁸, сдался ему в плен.

На следующий год (1114 до н.э.) Тиглатпаласар проник уже в более отдаленную «страну шубарейцев» (то есть хурритов) — в Алзи и Пурукуззи, также отказавшие Ассирии в дани. Как мы помним, эти области уже в течение двух поколений были заняты мушками. Во время этого похода отряд в 4000 касков-абешлайцев и урумейцев, «непокорных люден страны хеттов, которые силой своей захватили поселения Шубарту», перешел на ассирийскую службу¹¹⁹. На обратном пути была снова разорена страна Кадмухи.

Наступление ассирийцев вглубь Армянского нагорья в конце XII в. до н.э. Под третьим годом (1113 до н.э.) в анналах по-видимому, соединены сообщения о двух разных походах; в одном из них, вероятно, командовал какой-нибудь военачальник царя. Часть упоминаемых стран, [124] судя по характеру названий¹²⁰, вероятно, находилась в области кутиев, к востоку-северо-востоку от Ассирии. Отдельно названы «страны» верхней евфратской долины — Ишуа (Исува) и Дариа¹²¹, затем снова восточные области где-то за Малым Забом¹²² и, наконец, область или племенной союз Суги в Хабхи, отчасти совпадающий по названиям входивших в него «стран»¹²³ с союзом уруатри; одна из них, страна Аламун, отождествляется с долиной Большого Заба.

Наиболее важный поход на Армянское нагорье произошел в 1112 г. до н.э. Целью его были «страны далеких царей, что на берегу Верхнего моря» — то есть Черного¹²⁴⁾. По сообщению анналов Тиглатпаласара I, ассирийцы преодолели 16 перевалов с явно хуррито-урартскими названиями и переправились по наведенному мосту через Евфрат¹²⁵⁾ — очевидно, где-то верхнем течении, иначе трудно представить себе шестнадцать перевалов на их пути к этой реке¹²⁶⁾. Здесь на битву с ассирийцами вышла племенная коалиция в составе 22000 воинов (по уверению анналов) во главе с «царями» 23 «стран», перечисленных поименно¹²⁷⁾. Названия многих из этих стран, по всей [125] видимости, хуррито-урартские; среди них нет «стран» евфратской долины. Когда же Тиглатпаласар нанес поражение этой коалиции, он встретился со второй, во главе которой на этот раз стояло «60 царей Наири», не считая тех, «что пришли им на помощь». Однако и эта вторая коалиция отступила перед ассирийцами, и Тиглатпаласар сообщает, что их «я прогнал моим дротиком до Верхнего моря». По-видимому, отступление «царей Наири» происходило по долине р. Чороха в сторону совр. Батуми¹²⁸⁾. Из общей ситуации ясно, что Хайасы в это время уже не существовало.

Результат похода анналы Тиглатпаласара I характеризуют следующим образом: «Их большие города я покорил, их [126] (живой) полон, их имущество, их богатство я увел, их поселения сжег в огне, разрушил, снес, обратил в развалины... Обширные табуны коней, мулов, лошаков (?) и скот (?) их лугов без счета угнал я. Всех царей Наири живыми захватила моя рука; я их помиловал, спас им жизнь, перед (богом) Шамашем, моим владыкой, освободил их от плена и уз и заставил их принести присягу, (поклонившись) моими великими богами на будущие времена, навеки, на рабство. Сыновей, отпрысков царственности их, я забрал в заложники, наложил на них дань, — 1200 коней и 2000 голов крупного рогатого скота, — и отпустил их в их страны. Сени, царя Дайаэни... [127] пленным и связанным я увел в мой город Ашшур, но помиловал его и отпустил.....»

Двигаясь обратно в Ассирию по долине верхнего Евфрата, Тиглатпаласар I осадил по дороге также «Милидию ханигальбатскую», то есть, вероятно, Мальдию хеттских источников, совр. Малатью. Значит ли эпитет «ханигальбатская», что этот город ранее принадлежал Митанни, или что была еще другая Милидия, не ханигальбатская (например, хеттская, если считать, что «ханигальбатской» Милидией назывался ее пригород на митаннийском, то есть левом берегу Евфрата), или что в ней сидела династия митаннийского происхождения — неясно. Город сдался и не потерпел разрушения; ассирийский царь ограничился данью в 1 центнер свинца «для жертвоприношений».

Разумеется, этот поход не имел своим последствием подчинение Армянского нагорья Ассирии; фактической его целью были только устрашение горцев и грабеж.

В 1110 г. до н.э. Тиглатпаласар I совершил поход вверх по Большому Забу. Враги Ассирии здесь были те же, что и во времена Тукульти-Нинурты I — Муцру, куманийцы, Аринна и др. Противник Тиглатпаласара был достаточно сильным: так, куманийцы, по уверению ассирийских анналов, выставили двадцатитысячное войско, а их крепость Хунуса имела тройную стену из обожженного кирпича; башни из обожженного кирпича, редко применявшегося в Ассирии, были и в соседней крепости Кипшуна, «большом царском городе»¹²⁹⁾. Именно здесь, в долине Большого Заба, как показал Г. А. Меликишвили, был один из основных центров сложения будущей урартской цивилизации; не исключено, что общество куманийцев уже в конце XII в. до н.э. достигло уровня государственности.

Подытоживая результаты походов первых пяти с половиной лет своего правления (1115—1110 до н.э.), Тиглатпаласар I говорит в своих анналах: «Всего 42 страны и их правителей от той стороны Нижнего (Малого. — И. Д.) Заба, вдоль дальних гор вплоть до той стороны Евфрата и Верхнего моря [128] захода солнца¹³⁰ от начала моего царствования до 5 года моего правления рука моя покорила».

Этим серия походов на нагорье закончилась, и ассирийский царь заявляет: «Ход врагам я преградил в свою страну», из чего видно, что нападения совершали не только ассирийцы на горцев, но и горцы на Ассирию.

Рис. 20. Карта мест находки надписей в Малой Азии. 1 — клинописные II тыс. до н.э.; 2, 3 — «хеттские иероглифические»; 4, 5 — ликийские А и Б; 6 — карийские; 7 — лидийские; 8, 9 — фригийские I тыс. до н.э. и н.э.; 10, 11 — прочие; 12 — расселение греков.

Важнейшие походы Тиглатпаласара были в дальнейшем направлены в Сирию. Во время одного из них ассирийский царь, по сообщению его надписи, вышел на финикийское побережье, а на обратном пути «овладел всей страной хеттов» и наложил дань кедровыми балками на Или-Тешуба, «царя Великой страны хеттов», и занял его город Милидию (Милидэ). По-видимому, в это время именно Милидия была центром государства, продолжавшего традиции Хеттской державы. Очевидно, [129] это было царство с довольно значительной территорией, простиравшейся до кедровых гор Сирии или имевшее с ними тесные торговые связи.

Позднее, к концу своего правления, Тиглатпаласар совершил еще один поход вверх по Евфрату (упоминаются «страны» Ишуа и Сухму — Исува и Цухма хеттских источников) и, по-видимому, по Арацани до Ванского озера¹³¹.

С начала XI в. до н.э. происходит массовое проникновение новых западносемитских племен — арамеев — в Сирию и Месопотамию. Это приводит к значительному ослаблению Ассирии. Тиглатпаласар I и его преемники были теперь заняты борьбой с арамеями¹³²⁾, и в течение XI и X вв. до н.э. грабительские набеги на Армянское нагорье происходят очень редко. Это обстоятельство, счастливое для горцев, неудачно для исследователей, так как сведения об Армянском нагорье становятся скудными.

Государства и племена Малой Азии и Армянского нагорья к IX—VIII вв. до н.э. В течение XI—IX вв. до н.э. постепенно складывается та политическая ситуация, с которой пришлось иметь дело великим ассирийским и урартским завоевателям последующих веков. По-видимому, Малая Азия за это время медленно оправлялась после потрясений, связанных с падением [130] Хеттского царства, а на Армянском нагорье два столетия развития почти без внешних вторжений позволили окончательно выкристаллизоваться и государственной цивилизации.

В Малой Азии XI—X века — время упадка, от которого общество начало оправляться лишь к концу периода, в IX в. до н.э. В это время здесь поселения существуют на старых городищах, но на значительно уменьшившихся площадях; по-видимому, образуются неустойчивые и мелкие царства. Письменных памятников от этого времени не дошло, кроме отдельных печатей с «хеттскими иероглифическими» (лувийскими) надписями. К юго-западу от Галиса, в районе совр. Кони и Нигдэ, и восточнее изгиба Галиса, от Богаз-кёя до Малаты, складывается так называемая «старофригийская» культура, действительная этническая принадлежность которой, впрочем, не выяснена. Для нее типична керамика, расписанная концентрическими кругами, лучами и стилизованными силуэтами деревьев и оленей. К северо-западу от области «старофригийской керамики», в центре будущей Фригии, первоначально была распространена другая, одноцветная керамика.

Фригийская держава создавалась не ранее как через три с лишним столетия после падения Хеттского царства¹³³⁾. Нет основания видеть именно в тех фригийцах, которые основали Фригийское царство, непосредственных разрушителей Хеттской державы: она была разрушена натиском многих племенных войск, в числе которых собственно фригийцы вероятно были не передовым и не главным отрядом. А. Гётце предположительно датирует создание Фригийского царства VIII в. до н.э.; однако более вероятно, что оно восходит еще к IX в. Ассирийцы и урарты называли это царство тоже **Мушку** или **Мушки**. Столицей его был город Гордион на р. Сангарии, названный, как говорит греческая легенда, по имени своего основателя, первого царя Фригийской державы, Гордия. Легенды и исторические источники сохранили нам только два [131] имени царей Фригийской державы — Гордий и Мидас¹³⁴⁾ (ассир. Митá); предполагается, что было несколько фригийских царей, поочередно носивших эти имена¹³⁵⁾. Богатство Мидаса вошло в пословицу.

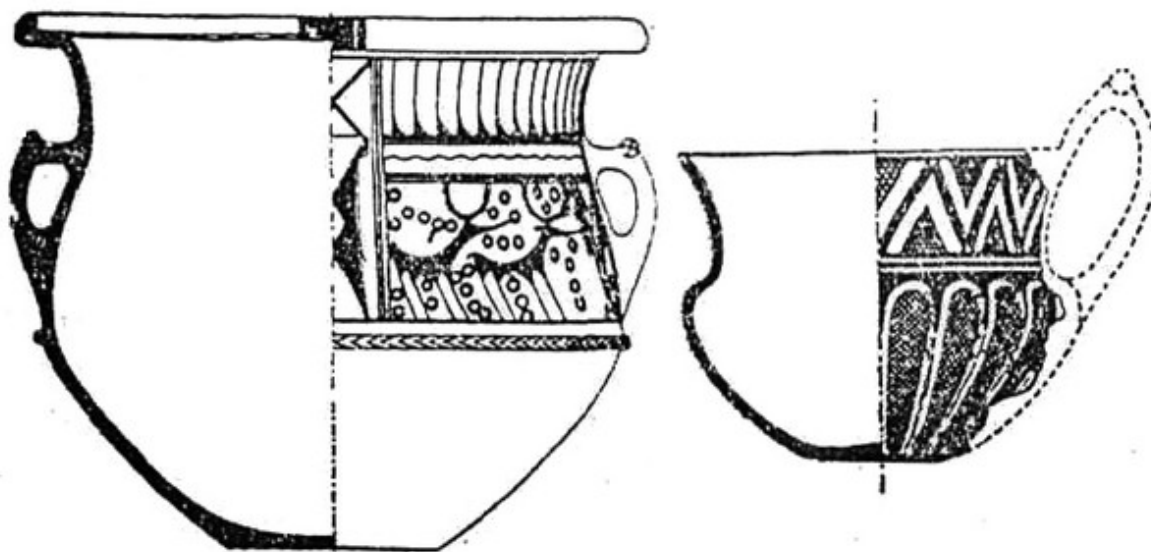

Рис. 21. Старофригийский художественный сосуд из Алишара IV.

Рис. 22. Художественный сосуд развитого фригийского стиля из Алишара.

Во второй половине VIII в. до н.э. Фригия достигла наивысшего могущества; владения ее доходили на юго-востоке до хребта Киликийского Тавра, причем Мидас делал попытки выйти и в Киликию. Фригийские надписи VIII—VII вв. встречаются не только в долине Сангария, но и в изгибе Галиса и к югу от него. На западе Фригия, по-видимому, подчинила своему влиянию Лидию и сносилась с городами-государствами материковой Греции, хотя влияние классической греческой [132] культуры на Фригию начинает ощущаться только после падения Фригийской державы. Для времени расцвета последней характерна «новофригийская» керамика, являющаяся развитием «старофригийской», расписная с геометрическим орнаментом. Эта керамика была распространена по всей территории Фригии и даже шире, вплоть до Понта и Малатьи.

Рис. 23. Богиня Кибела. С фригийского рельефа.

Для фригийцев характерны курганные погребения, а в районе истоков Сангария — скальные гробницы. Раскопки Гордиона показали также тесные связи Фригии с Урарту; на это указывает и общий обоим государствам обычай устраивать в скале культовые ниши — «двери бога», перед которыми совершалось богослужение. Важнейшим культом во Фригии был культ богини-матери Кибелы (Kybēlē, Kybēbē), — известной под именем Кубабы еще хеттско-хурритской культуре, — и ее возлюбленного, умирающего и воскресающего бога растительности Аттиса. Новым представляется обычай самооскопления жрецов Кибелы и Аттиса, хотя связанные с их культом оргиастические празднества, видимо, имеют прототипы и во II тыс. до н.э. Почитались также бог луны Ман или Мен, — культ которого, может быть, был продолжением старого малоазиатского культа бога луны Армаса, — бог Сабадий и другие. Хотя с греческим западом у Фригийской державы особо тесных [133] связей, видимо, не было¹³⁶⁾, однако в VIII в. до н.э. во Фригии было в ходу алфавитное письмо греческого происхождения, аналогичное алфавиту Лидии, Кари и Ликии и, возможно, занесенное во Фригию из греческих колоний Киликии, воспринявших его от финикийян.

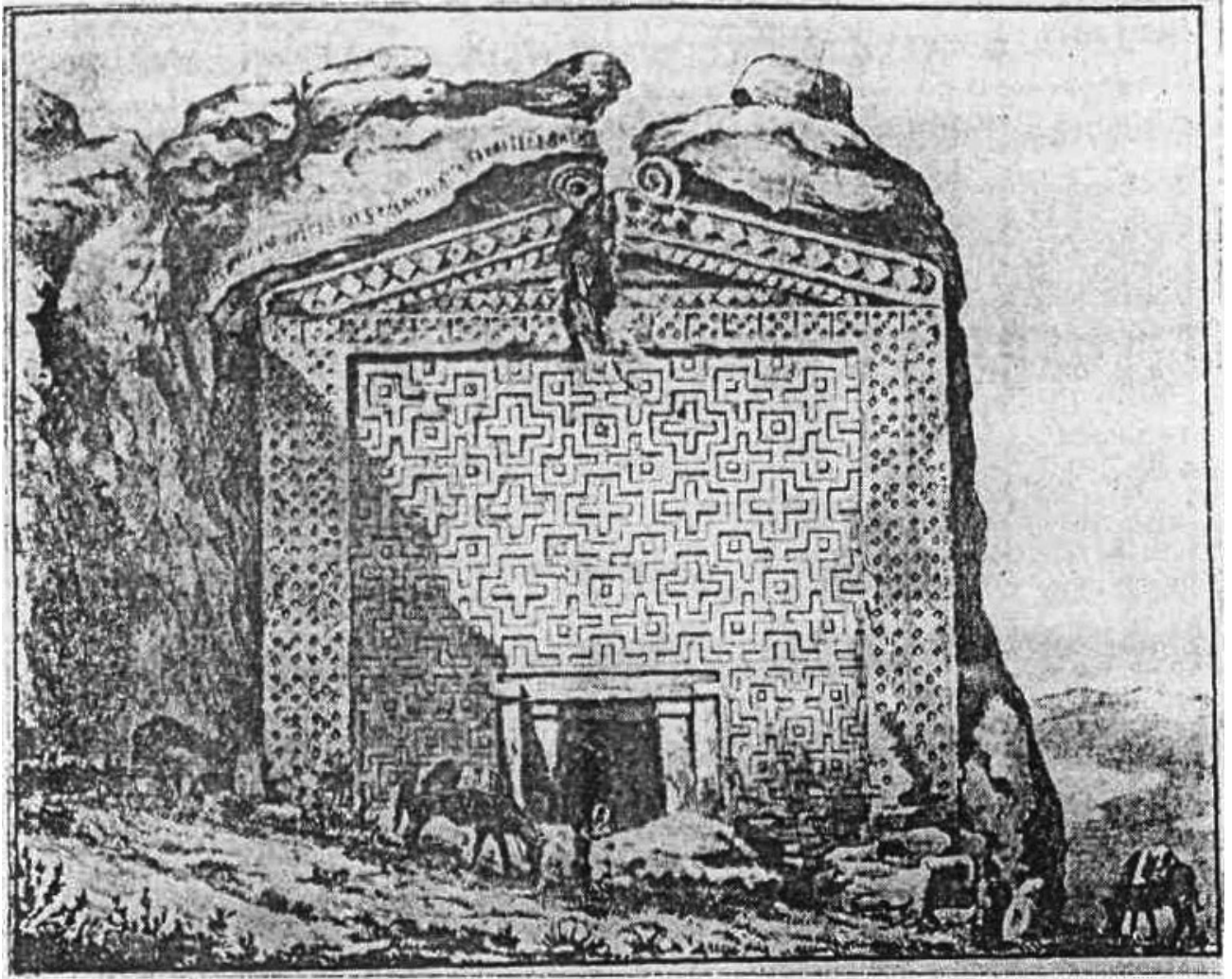

Рис. 24. Гробница Мидаса около Гордиона.

К юго-востоку от Фригии существовало несколько мелких государств с лувийскими («хеттскими иероглифическими») династиями. Важным объединением был Табал в верхней части долин рек Сейхун и Енидже-Ирмак, где в VIII в. до н.э. правила династия Барватаса (ассир. Буруташ), которой было подчинено множество мелких «царьков».

Восточнее Табала находилось царство Камману (Комана); столицей его была Мелитеа, или Мелид (Милидия, хеттск. Мальдия, совр. Малатья). Владения этого царства доходили [134] до Евфрата, а временами и за Евфрат — возможно, и до истоков Тигра.; по мнению Р.Д. Барнетта, в VIII в. до н.э. даже Каркемиш признавал царя Мелида «великим царем»¹³⁷⁾, и официально это царство, видимо, называлось «Великой страной хеттов», следовательно, претендовало на продолжение традиций Хеттского царства.

Южнее Малатьи находилось царство Куммух (Коммагена), а между Табалом и Мелидом-Камману, в долине р. Джейхан располагалось царство Гургум со столицей Маркасу (совр. Мар'аш). Плодородную низменность в низовьях рек Сейхун и Джейхан и у залива Александретта занимали маленькие царства данунийцев¹³⁸⁾ и Куэ, или Кауэ (возможно, впрочем, что царство данунийцев и Куэ — одно и то же), а западнее их находилось царство Киликия (Хилакку); все они также имели лувийские династии¹³⁹⁾. Лувийские же династии существовали и в некоторых из государств Северной Сирии (Каркемиш, тоже официально

называвшийся «царством Хатти»; Сам'аль, или Я'уди; царство Унку, или Хаттина на нижнем течении р. Оронта); другие династии были западно-семитскими (царство Арпад с династией Агусу, царство Хатарикка)¹⁴⁰. Во всех перечисленных государствах, вплоть до Хамата на верхнем Оронте, применялась «хеттская» иероглифика и лувийский язык для официальных надписей, но в некоторых применялся также финикийский или же арамейские диалекты (область данунийцев, Сам'аль, Арпад и др.) и древнесемитская алфавитная письменность. Почти все эти мелкие государства считали себя преемниками Хеттского царства¹⁴¹. Для [135] ассирийцев и урартов IX—VII вв. до н.э. «Хатти» (по-ассирийски) или «Хате» (по-урартски) — это либо обозначение всех вообще областей западнее Евфрата и их населения, независимо от этнической принадлежности¹⁴², либо специально Мелида и Каркемиша.

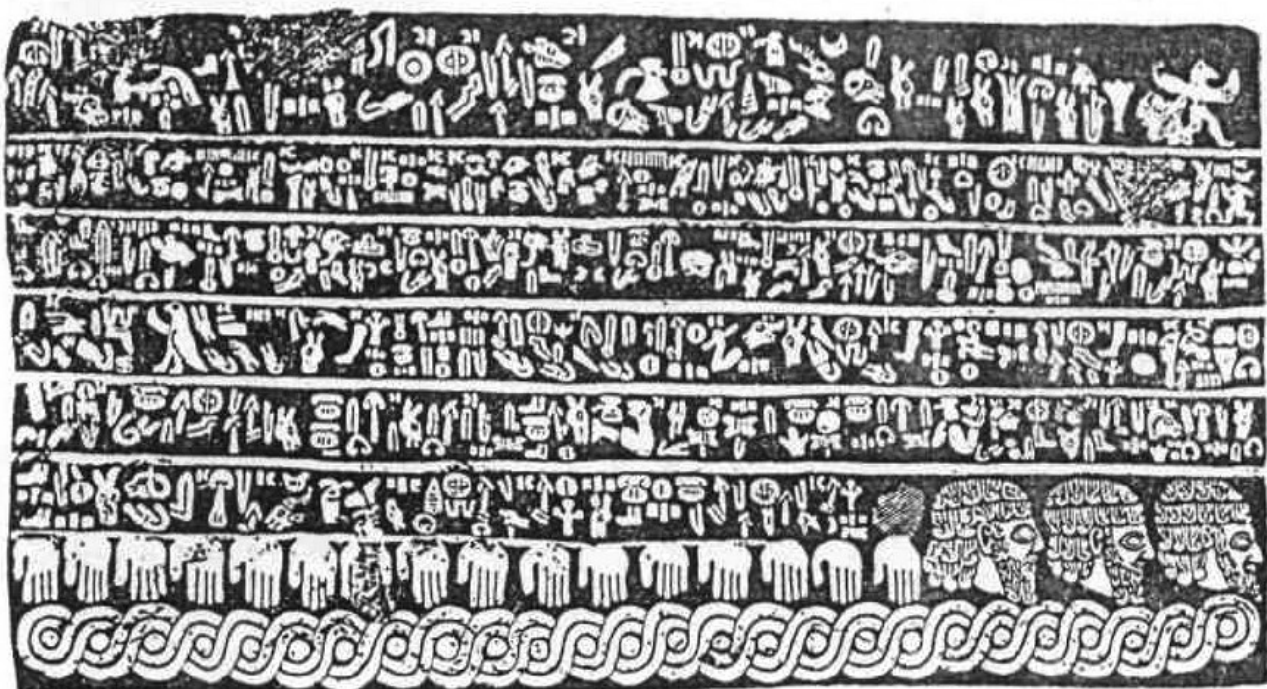

Рис. 25. Образец хеттской иероглифической надписи.

К IX в. до н.э. складывается «Северносирийский союз» государств, в который входили царства Камману-Мелид, Куммух, Гургум, Каркемиш, Арпад и Хаттина; гегемоном в этом союзе в разное время были Мелид, Каркемиш или Арпад. С ним соперничал «Южносирийский союз» во главе с Дамаском или Хаматом¹⁴³.

Севернее лувийских государств, где-то в верховьях Галиса или в долине р. Гайл-гет (Лик), существовало довольно мощное государство Каску, названное по осевшим здесь каскам. [136]

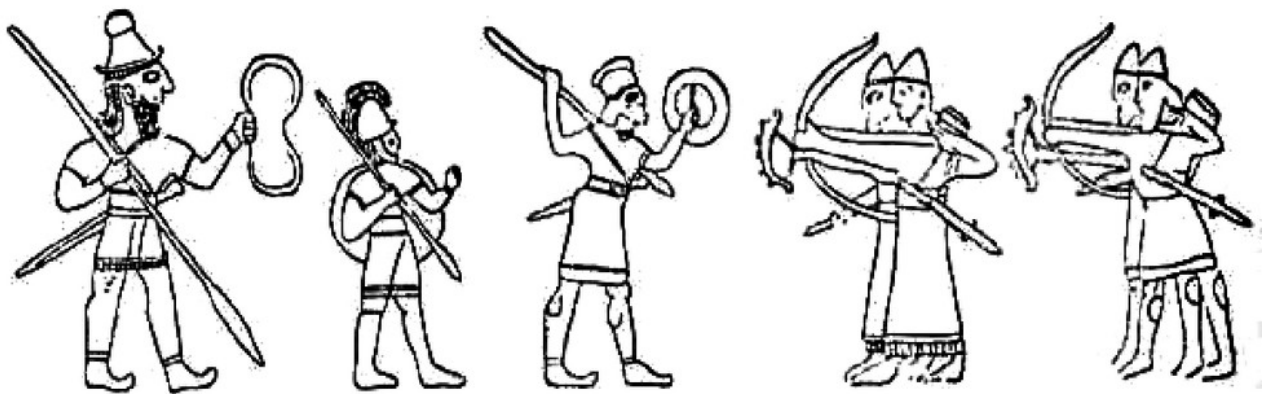

Рис. 26. Позднелувийские (1, 2), урартский (3) и ассирийские (4-7) воины.
С «хеттских иероглифических» и ассирийских рельефов IX в. до н.э.

К востоку от него и к северу от верховьев Евфрата (в долине Чороха) с XII по VIII в. до н.э. засвидетельствована «страна» Дайазни¹⁴⁴ (урартск. Диаухи), также, по всей вероятности, бывшая уже государством, хотя оно и включало территории целого ряда отдельных племен. Союз Хайаса-Ацци ранее существовавший здесь, к этому времени бесследно исчез; население здесь, видимо, было хурритским. Уже в XII в. до н.э. Сени, царь Дайазни, занимает, по данным анналов Тиглатпаласара I, ведущее место среди правителей «Наири». К VIII в. до н.э. Дайазни было одним из наиболее богатых царств нагорья. По верхнеевфратской долине и далее через перевал, ведущий в Чорохскую долину к совр. Байбурту (Баберду) и в долину Лика, проходил основной торговый путь из Месопотамии и от Средиземного моря в Причерноморье¹⁴⁵; особое значение он приобрел, очевидно, с VIII в., и особенно после возникновения на побережье Понта греческих колоний Синопы и Трапезунта, вывозивших железо и серебро¹⁴⁶. Показательно, что только в «странах», расположенных по этому пути (Куммух, Мелид, Диаухи), урартские источники отмечают золото в составе полученной дани¹⁴⁷. [137]

Северо-восточнее Дайазни — где еще Тиглатпаласар I отмечал коалицию «60 царей Наири» — во всяком случае в VIII в. до н.э., но, возможно, и ранее, существовала «страна» Кулха (точнее **Колха**^{147a}, греческая Колхида). Когда царство Дайазни было разрушено урартами, долина Чороха, вероятно, досталась Колхиде.

В долине верхнего Евфрата отчасти сохранялись прежние «страны», отчасти образовались новые. На севере, от Эрзинджанской долины до долины Арацани, отмечается страна Сухму (хеттск. Цухма), в нижней долине Арацани — Алзи, царство, которое, как мы уже видели, было занято мушками. Алзи — по-видимому, тождественное со «Страной мушковых» — было довольно значительной «страной», охватывавшей не только бывшую территорию собственно Алзи, но также и бывшую территорию Исувы (ассирийские источники употребляют термин «Ишуа», видимо, как синоним Алзи)¹⁴⁸ и, возможно, иногда и смежные с юга районы Энзите (Анзитена, средневековый Андзит) и истоков Тигра (средневековый Ангелтун). Урартские источники упоминают также страну Цупа (Софену, Цоп'к') севернее(?) Алзи; было ли это самостоятельное царство или область Сухму — не совсем ясно¹⁴⁹. Упоминаются и некоторые более мелкие «страны» на юге верхнеевфратской долины (Дирриа — урартск. Дирью, Нирбу — урартское Нириба, или Нирибаи-хуби, — Маллану, Нирдун и т.п.).

У верховьев Тигра находилось арамейское царство Амед (Амида, совр. Диярбакыр) с династией («домом») Заману. В Сасунских горах было расположено царство Шубрия с хурритской династией; отдельно от него — по-видимому, на северных [138] склонах Сасунских гор в сторону совр. Муша — ассирийскими и урартскими источниками упоминается «страна» Уруму (по-ассирийски) или Урме (по-урартски) — очевидно, место оседания урумейцев; возможно, эта страна тождественна с Арме, упоминаемой урартскими надписями в этом же районе: позже Урме и Шубрия, по-видимому, образовали единое царство¹⁵⁰

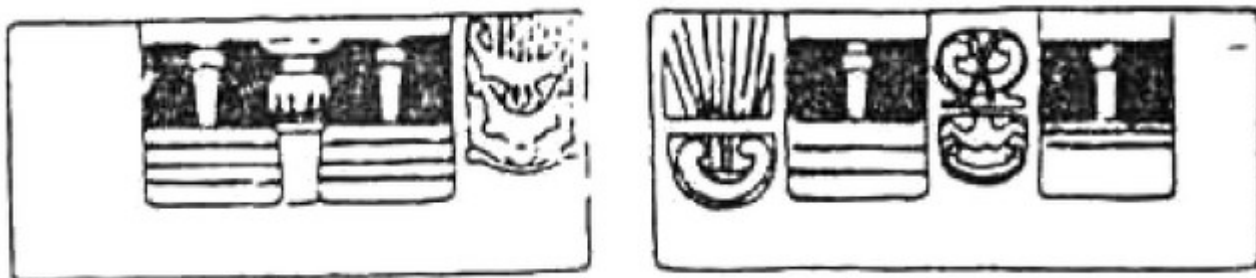

Рис. 27. Модели дома из Телль-Халафа (древней Гузаны) с трех сторон. Базальт.

Далее к востоку вплоть до конца X в. до н.э. упоминаются те же центры и племенные группы, которые известны нам еще с XIII в. до н.э.: уруатри, Хабхи, куманийцы с городом Кумме и т.д. Но в течение IX—VIII вв. здесь слагаются новые образования: в долине р. Кентрит-Бохтан, распространяясь иной раз и еще далее на восток, до водораздела с Урмийским озером, сложилось царство Хубушкиа, или, как оно официально именовалось, «царство Наири». В долине Большого Заба к VIII в. существовало царство Муцацир (урартск. Ардини); в городах этой долины были богатые храмы: в Кумену [139] (Кумме)¹⁵¹ — бога Тейшебы, а в Ардини — бога Халди; в храме Халди впоследствии короновались на царство урартские цари и хранились урартские сокровища, хотя Муцацир формально не входил в состав Урарту¹⁵². В горах, окружавших Хубушкию и Муцацир, жили разбойничьи хуррито-урартские племена — уккийцы и другие¹⁵³.

Неясно, когда образовалось в плодородной долине у восточного побережья Ванского озера царство Урарту (или, по-урартски, **Биайнели**, собственно «Биайские (страны)», откуда совр. **Ван**). В 856 г. до н.э. ассирийский царь Салманасар III уже сражался с его царем Араму, но вероятно, что Урарту как государство сложилось раньше: оно упоминается, по-видимому, как царство и в поздних надписях Ашшурнацирапала II (884—859 до н.э.); является ли «Уратру» надписи ассирийского царя Ададнерари II (911—890 до н.э.) племенным союзом уруатри или царством Урарту — решить пока нельзя¹⁵⁴.

Был ли царством Гильзан, который предположительно помещают у западного берега оз. Урмии-Резайе, сказать труд-[140]

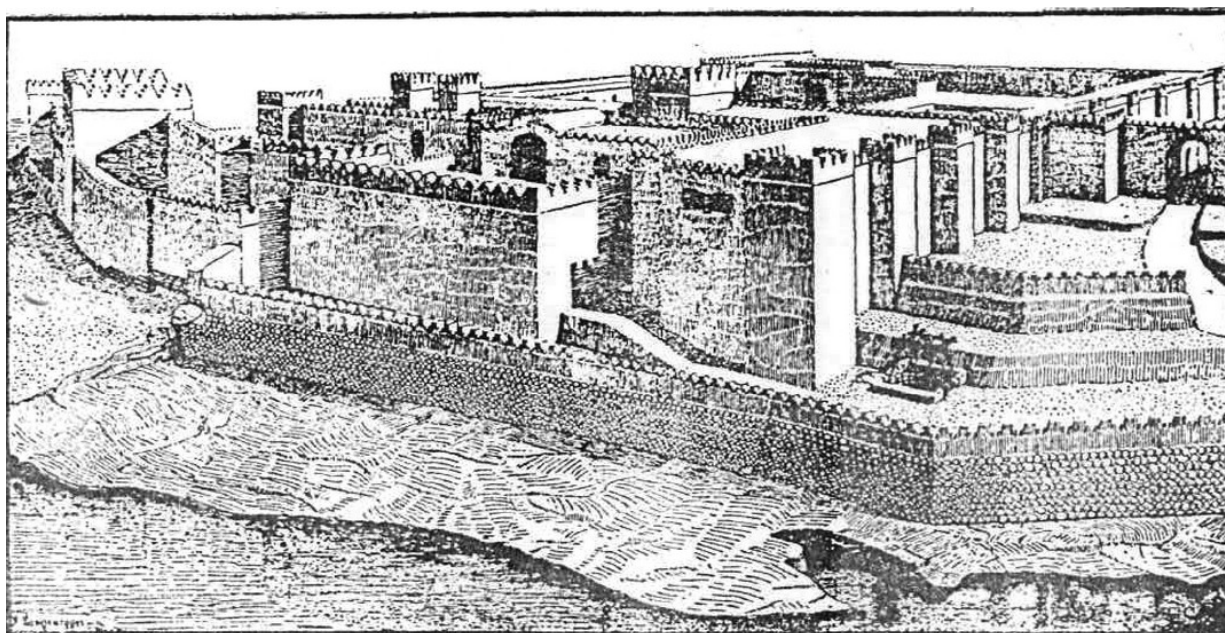
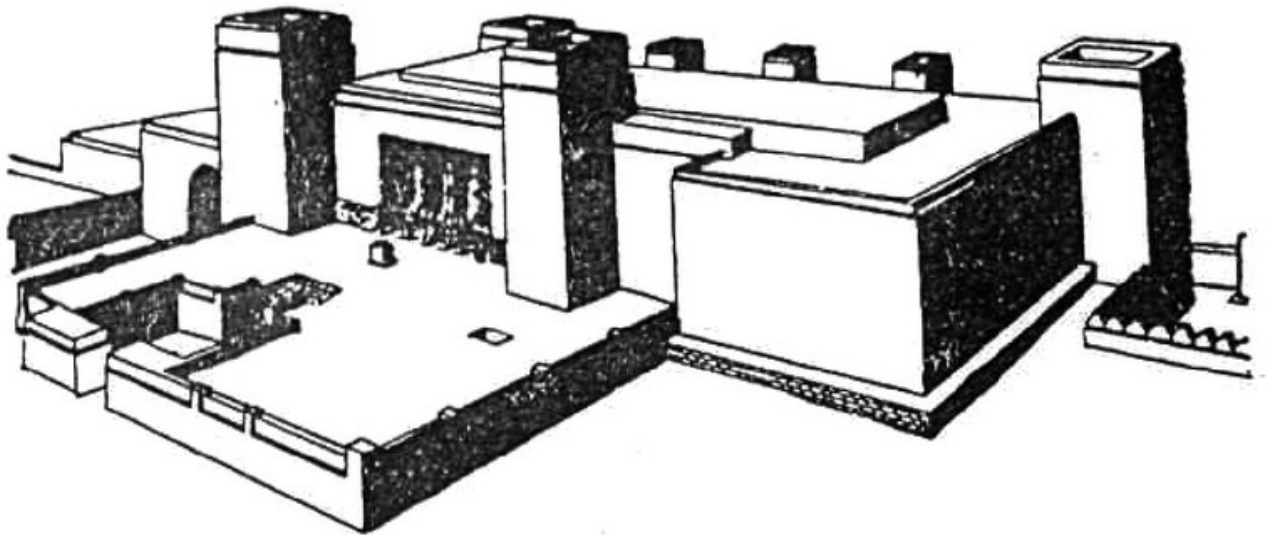

Рис. 28. Внешние укрепления Гузаны (совр. Телль-Халаф) в Ханигальбате. X–VIII вв. до н.э. Реконструкция по археологическим данным.[141]

но, хотя ассирийские надписи IX в. до н.э. и упоминают его «царей»^[155]. Позже он, очевидно, вошел в состав Урарту. Зато несомненным царством была Мана (у ассирийцев — «Страна маннеев») на равнине к югу от этого озера. Оно образовалось в конце IX в. на луллубейской территории страны «Внутренняя Замуа» в результате слияния многих цветущих городов-государств, восходивших, видимо, еще к концу II тыс. до н.э.^[156]; обладая архаичным общественно-государственным строем (самоуправление отдельных округов, участие совета старейшин в управлении),^[157] Мана, тем не менее, выросла в большую политическую силу, которая успешно соперничала с Урарту и Ассирией и была завоевана только Мидией в конце VII — начале VI в. до н.э., почти одновременно с этими двумя державами^[158].

К северу от центра образования Урартского царства, в том числе и в центральном Закавказье, государственных образований еще не было. Урартские надписи упоминают здесь множество «стран» и племен, в том числе этивцев, образывавших, по-видимому, обширный, но рыхлый племенной союз^[159], эрикуайцев, абилианцев, эрийцев и других; все [142] они занимали, в основном, территорию современной Армянской ССР и прилегающие районы к югу от Аракса. Западнее их жили племена Витеру, Луша, Катарза, Ия (Игани), Забаха, Хуша^[160] и т.д. (в верховьях Аракса и Куры и у Чалдырского озера) — вероятно, грузиноязычные, как и соседняя с ними Кулха^[161].

*Рис. 29. Храм в Гузани с портиком на скульптурных столбах.
Реконструкция по археологическим данным.*

В отношении этнической принадлежности остальных перечисленных «стран» можно сказать, что часть из них была хурритской (Дайаэни, Шубрия, может быть Гильзан и, менее вероятно, Мана), часть — урартской (Урарту, Муцацир); в долине верхнего Евфрата и нижнего Арацани население, очевидно, состояло из близких к урартам хурритских племен и было смешано с лувийцами и с новыми пришельцами — мушками и урумейцами.

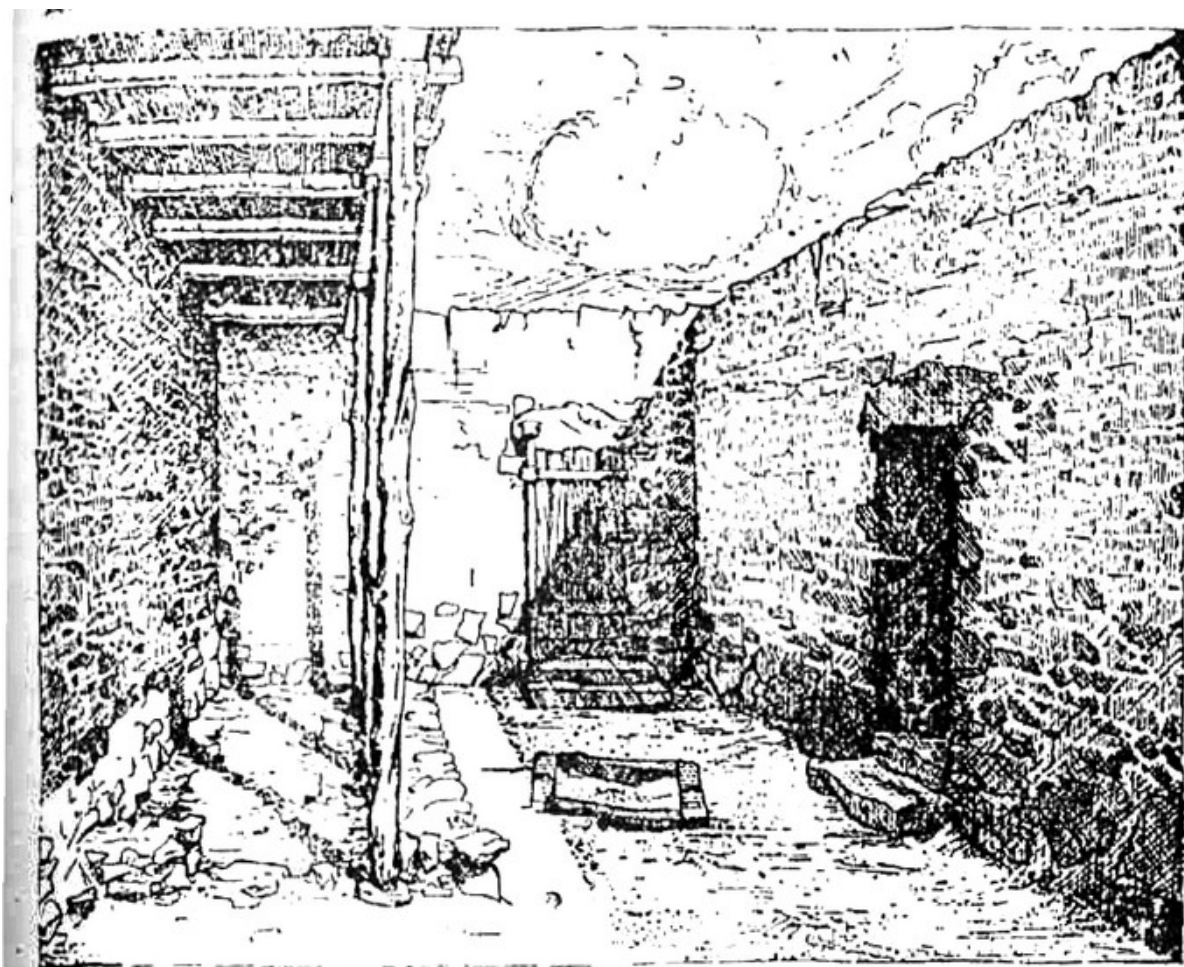
Общество Армянского нагорья в начале I тыс. до н.э. Материальная культура Армянского нагорья и Закавказья в этот период сильно шагнула вперед. Археологические культуры этого времени уже далеко не являют того единообразия, которое было характерно для конца III тыс. до н.э. Тысячелетие внутренних [143] войн привело к гораздо большей культурной изоляции отдельных районов, при сохранении, в то же время, однородности самого типа культуры. Мы не будем останавливаться на характеристике культурных областей, отсылая читателя к археологическим работам¹⁶²⁾. Обратим внимание лишь на некоторые важнейшие и общие для всей изучаемой территории черты.

В производстве здесь господствует, как указывает Б.Б. Пиотровский, полукочевое (отгонное) скотоводство, но все большее значение начинает приобретать металлургия. Конец II тыс. до н.э. и начало I тыс. — период расцвета эпохи бронзы, связанный, очевидно, с началом разработки закавказских месторождений меди и олова. К XI—IX вв. до н.э. относится и начало промышленного применения железа¹⁶³⁾. Оно добывалось преимущественно в горах Киликийского Тавра и в Понте¹⁶⁴⁾. Как показала С. М. Бациева¹⁶⁵⁾, торговля железом была монополией царьков «Северносирийского союза», приносившей им огромные богатства. По ее мнению, именно стремлением перехватить пути, по которым в Ассирию поставлялось железо, столь необходимое для вооружения ее армии, объясняется наблюдаемое в VIII в. до н.э. наступление Урарту в Северную Сирию. По сведениям греческих авторов, другими поставщиками железа были мосинойки, получавшие его от подвластных им халибов — то есть, очевидно, от грузиноязычного племени халдайцев в Понте¹⁶⁶⁾ — и сбывавшие его грекам.

Вплоть до VIII в. до н.э., когда в Урарту начинает ощущаться сильное влияние Ассирии, материальная культура и быт нагорья, в том числе одежда и вооружение, продолжают [144] носить хеттско-хурритский характер¹⁶⁷⁾; ведущими в культурном отношении остаются арамейско-лувийские районы Северной Сирии, лувийские (или смешанные) районы Киликийского Тавра и хурритские (смешанные с мушками, урумейцам и лувийцами) районы верхнеевфратской долины.

Относительно высокое развитие, которого достигли горные районы к началу I тыс. до н.э., делало их, в условиях господствовавшего преимущественно натурального хозяйства, сравнительно независимыми от ввоза изделий более развитого юга кроме предметов роскоши; они вывозят железо, но доходы от этой торговли поступают северносирийским царькам, — очевидно, диктовавшим на него высокие цены на внешнем рынке — или греческим колониям, и мало затрагивают экономику населения нагорья в целом. Между тем, развитие ремесла и сельского хозяйства в Месопотамии требовало непрерывного притока дешевого сырья — и не только железа, но и меди, леса и т.п. — из горных районов. Так как естественный обмен не налаживается, то Ассирия переходит теперь к насильственному захвату сырья и предметов ремесла (главным образом металлургического) путем завоевания периферийных областей к систематического их ограбления с помощью дани¹⁶⁸⁾. Военные походы пополняют хозяйства Месопотамии также рабочей силой.

Из областей нагорья наименее доступной врагам, а потому находившейся в наиболее благоприятных условиях для развития была область Урарту. Но для того, чтобы сохраниться рядом с могущественной и воинственной Ассирией, Урарту должно было быстро сравняться по уровню развития военной и административной техники и по мощи завоеваний с грозным южным соседом. Поэтому по отношению к периферии Урарту играло роль, аналогичную Ассирии, с той разницей, что, будучи экономически менее развитым, это царство, по-видимому, [145] уделяло больше внимания быстрому развитию собственного сельского хозяйства (особенно садоводства) путем проведения обширных ирригационных мероприятий¹⁶⁹⁾.

*Рис. 30. Двор жилого дома в Тейшебаини.
Реконструкция по археологическим данным.*

Мы очень мало знаем об обществе нагорья в начале I тыс. до н.э., но, вероятно, некоторые общие черты, которыми характеризовался социальный строй Урарту¹⁷⁰⁾ и Маны¹⁷¹⁾, о чем [146] мы имеем некоторые сведения для VIII—VII вв., были типичны и для других государственных образований Армянского нагорья. Сюда относится ведущая роль свободных общинников (урартск. **шурели** «вооруженные», также со значением «племени»), обязанных воинской и другими повинностями и живших большими общинно-родовыми поселениями¹⁷²⁾, группирующимися вокруг окруженных стенами самоуправляющихся поселений-крепостей, или «городов»; среди царских людей выделялись мари, ср. хурритск. марианна, и в особенности родичи царя.

В Мане особенно четко видно, что господство принадлежало родоплеменной олигархии. Здесь — как и в Дайазни — еще сохранилось в значительной мере племенное деление общества; наряду с царем в Мане существовал совет старейшин, состоявший из царских родичей, советников, наместников, возможно, старший отдельных поселений и племенных предводителей¹⁷³⁾. Надо полагать, что такие советы старейшин существовали и в других «странах» нагорья в доурартский период.

Лишь с конца IX в. до н.э. в среду урартской знати начинают проникать ассирийские вещи и ассирийские обычаи; так, по ассирийскому образцу организуется урартский царский двор с его тысячами евнухов¹⁷⁴⁾, однако крупных царских хозяйств на нагорье не было и при владычестве Урарту; дворец и в

столице, и в отдельных административных центрах был скорее местом, где складывалась и перерабатывалась ремесленниками дань, поступавшая с окрестного населения, чем центром полевого хозяйства. Также и святилища — как храмы, так и священные участки, где культ совершался перед «дверью», высеченной в скале или перед каменной стелой — видимо, не имели своих полевых хозяйств; основным их богатством был жертвенный скот, который цари дарили храму, а [147] жители приносили в качестве обязательных и искупительных жертв. Рядовые общинники пользовались жертвенным мясом во время жертвоприношений, а также, по-видимому, получали скот от храма путем найма или покупки¹⁷⁵⁾.

Рабство было вначале развито слабо, вероятно, слабее, чем в Хеттском царстве, чему свидетельством являются массовые убийства части мужчин-пленных при урартском владычестве, о чем постоянно говорят надписи. Когда цари Урарту уже тысячами стали приводить пленных из своих походов, те, которым была сохранена жизнь, нередко сажались на землю и даже включались в войско¹⁷⁶⁾. Мы уже упоминали любопытный факт, что клинописная гетерограмма ^LU A·SI, которая у хеттов обозначала пленных-поселенцев — **хиппарес**, в урартской клинописи применяется в значении «воин-ополченец».

Как ассирийцы, так и урарты вводили на подчинившихся им территориях централизованное управление через «областена начальников»: но в доурартское время должны были сохраняться более патриархальные порядки управления, скорее сходные с порядками в Мане, где наместники областей и племенных территорий фактически были независимыми правителями — вероятно, окруженными своими советами. Отдельные поселения — «города» и под властью Урарту, видимо, имели свое самоуправление (совет, народное собрание?). В отношении некоторых «стран» и племен урартские надписи не упоминают индивидуальных правителей, и там, вероятно, еще полностью господствовали порядки военной демократии. Но сравнительно свободные порядки, по-видимому, существовали и в некоторых «странах», уже дошедших до ступени государственности, — судя по тому, что сюда сбегались уклоняющиеся от повинностей рабы, беднейшие общинники, а также мя-[148]

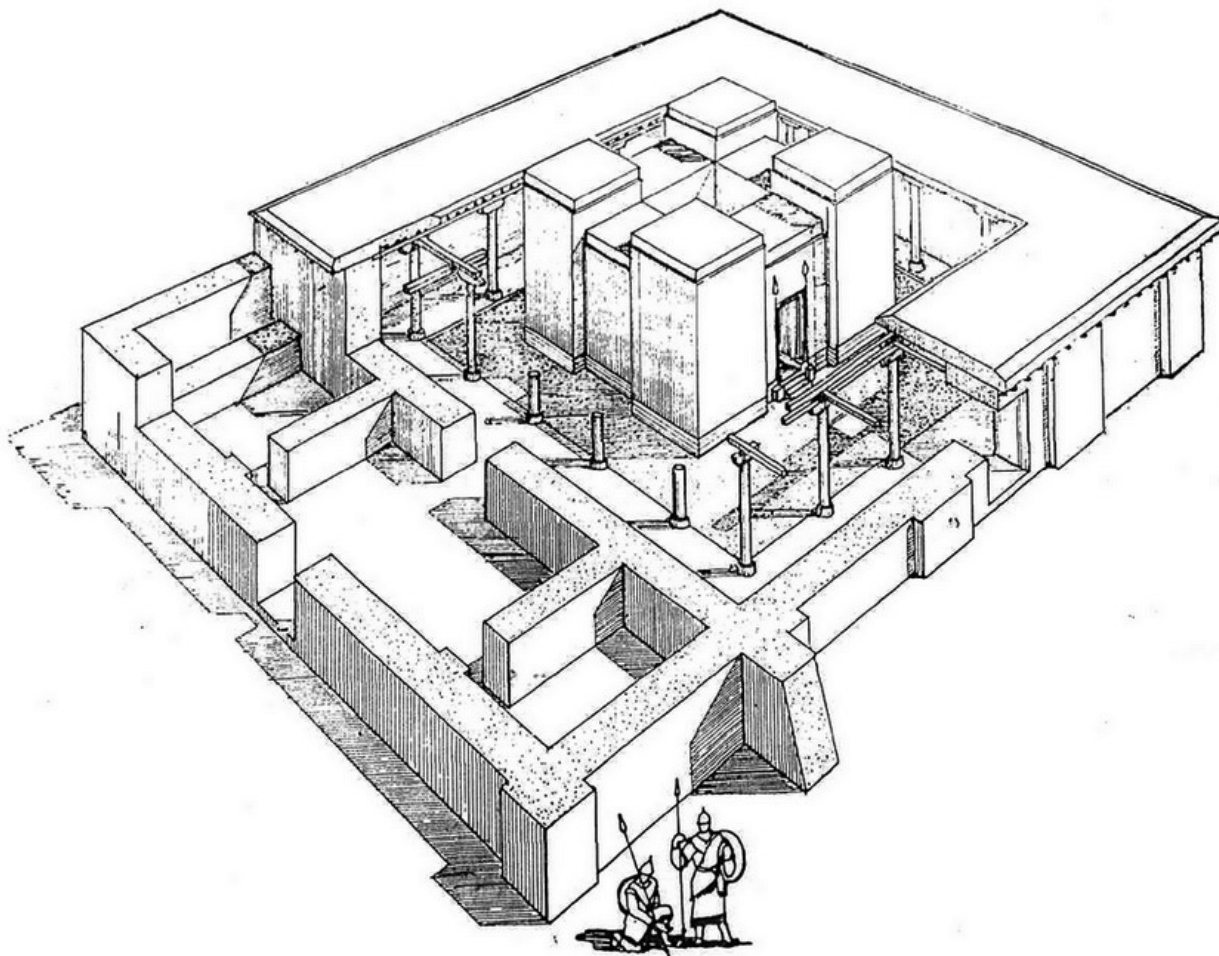

Рис. 32. Урартский храм со «священными воротами» в крепости на городище Алтын-тепе, II слой. Изометрический план по археологическим данным.[вклейка]

тежная знать. Такими областями-убежищами были Шубрия¹⁷⁷ и Мелид-Камману¹⁷⁸. Если в отношении высокогорной Шубрии это не удивительно, то такая же роль торгового Мелида, претендовавшего к тому же на великодержавную роль, представляется более странной. Возможно, это объясняется тем, что здесь в составе населения имелся значительный процент сравнительно недавно осевших пришлых племен, занесших сюда традиции племенной демократии.

Некоторое представление о жизни племен нагорья, еще стоявших на уровне первобытнообщинного строя, может дать рассказ Ксенофонта о мосинойках конца V в. до н.э., подробно анализированный М.И. Максимовой. В их среде уже сложилась родовая знать, выделявшаяся своей татуировкой и откормленным видом (они специально откармливались вареными каштанами). Жилищами мосинойкам служили многоэтажные деревянные башни. Во главе племени стояли, видимо, два вождя: культовый «царь», безвыходно живший в башне, и «архонт», который ведал собственно административными и военными делами, по-видимому, вместе с советом родовых вождей¹⁷⁹. [149]

Все, что сказано здесь об обществе Армянского нагорья, начиная от наиболее развитых его областей с прочным государственным строем (Урарту) и кончая отсталыми племенами (мосинойки), позволяет нам представить социальные условия, господствовавшие здесь и накануне урартских завоеваний VIII в. до н.э.

Ассирийская агрессия на Армянское нагорье до IX в. до н.э. Исторические события первой половины I тыс. до н.э. освещены множеством источников; их можно излагать чрезвычайно подробно. Но это уже не раз было сделано в многочисленных монографиях, посвященных истории Ассирии¹⁸⁰⁾ и Урарту¹⁸¹⁾, и мы не будем здесь загромождать изложение повторением имеющихся у нас разнообразных сведений. Мы сосредоточимся сейчас преимущественно на судьбах верхнеевфратской долины и непосредственно примыкающих к ней районов, так как единодушно считается, что армянский народ сложился именно здесь, а мы уже подошли к периоду его сложения.

Мы знаем, что ассирийский царь Ашшурбелкала ходил на нагорье в 1076 и 1074 гг. до н.э. — первый раз против союза Уруатру, а второй — против Хемму (Хеммува); в его надписи перечисляется целый ряд крепостей и «стран», частично совпадающих по названиям с упоминаемыми еще у Ададнерари I¹⁸²⁾. Следующий ассирийский поход на нагорье упоминается уже только при Ададнерари II: в 911 г. он воевал с Илуйей, царем куманийцев, и с племенами Хабхи «до стран Мехри, Салуа и Уратру», затем действовал в Кадмухи и четырежды ходил на нагорье Наири, в том числе и на Алзи, а в 895 и 894 гг. приходил на помощь городу Кумме, боровшемуся с горными племенами.¹⁸³⁾[150]

На Наири не менее двух раз ходил и Тукульти-Нинурта II (889—884 до н.э.)¹⁸⁴⁾. Основные кампании его проходили в Северной Месопотамии, которую он вновь попытался присоединить к Ассирии, отняв ее у арамейских династий; арамеи к этому времени образовали здесь ряд мелких государств, носивших традиционное название Ханигальбат (то есть Митанни). Одним из важнейших противников Ассирии в 80-х годах IX в. до н.э. был Амми-Ба'ал, царь арамейского государства с центром в г. Амеде (Амида, ныне Диярбакыр). В связи с кампаниями против Амеда Тукульти-Нинурта, по-видимому, и заходил на нагорье. Кроме того, в последнем своем походе, поднимаясь вверх по среднему Евфрату и р. Хабуру до Нацибины (Мцбин средневековых армянских источников) и Хузирины, он перевалил через горы (по-видимому, Кашияри — Масий — Тур-Абдин) и попал в страну мушков (?)¹⁸⁵⁾, где, по словам его анналов, разорил насаждения, захватил скот и наложил на жителей большую дань. Из этого можно заключить, что в это время царство восточных мушков вновь распространилось на долину Тигра. В заключении своих анналов Тукульти-Нинурта II хвастает, что «[область] высоких гор, от страны шубарейцев (то есть хурритов. — И.Д.) до стран Гильзан и Наи[ри...]...я захватил; всего 2720 коней [в] Ниневи[ю я привел]».

Могущество Ассирии было восстановлено его сыном Ашшурнацирапалом II (884/3—859 до н.э.). Как и его отец, Тукульти-Нинурта II, он совершал походы главным образом в [151]

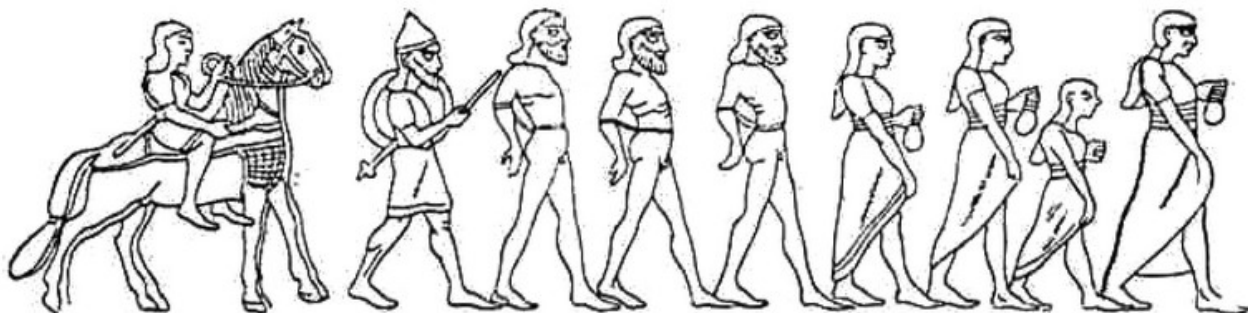

Рис. 31. Угон пленных. С ассирийского рельефа IX в. до н.э.

Северную Месопотамию и в долину верхнего Тигра (Кадмухи, Амед). При этом ассирийский царь зверски вырезал местное население, предавая его жесточайшим казням; не были пощажены и потомки здешних ассирийских поселенцев прошлых веков, потерявших к этому времени связь с Ашшуром. Целые области совершенно опустели. Походы Ашшурнацирапала затронули лишь окраины нагорья; так, в 879 и 866 гг.¹⁸⁶, с целью обойти с тыла враждебный Амед, он дважды совершал обходные марши: первый раз по левому берегу верхнего Тигра (страна Уллуба) и оттуда в междуречье между истоками Тигра и Евфрата (Дирриа, Нирбу),¹⁸⁷ а второй раз — вверх по Евфрату «к поселениям стран Ашша (Алзи? — И.Д.) и Хабхи, что напротив страны Хатте», затем через западный исток Тигра у озера Цуа (Гельджик) и горы Амадани, и опять в область Дирриа, а также в Маллану (совр. Аргана). Хотя пока ассирийские набеги не приносили большого вреда горцам, которые при появлении врагов скрывались сами и укрывали скот в неприступных горах, однако дурная слава усилившейся Ассирии заставила некоторые «страны» попытаться откупиться от [152] Ашшурнацирапала дарами; так поступили мушки, Гильзан и Хубушкиа в 883 г., во время его похода в Кадмухи, а также Шубрия, Внутреннее Уруму и ряд других областей в 882 г., во время похода примерно в этот же район. Важно отметить что в составе даров мушков, помимо скота, были бронзовые изделия и вино; это показывает, что они в промежуток между XII и началом IX в. перешли к оседлости и земледелию.

По сообщению поздних надписей Ашшурнацирапала¹⁸⁸, он покорил страны «от реки Субнат (то есть Зебенне-су, восточного истока Тигра) до Урарту», однако, по-видимому, речь идет только о грабеже в окраинных горах и получении даров от перечисленных выше стран.

Следующий ассирийский царь, Салманасар III (859—821 до н.э.)¹⁸⁹, ко времени которого почти вся Северная Месопотамия была уже прочно покорена, совершил ряд серьезных вторжений в глубь Армянского нагорья. В 859 г. он напал на Хубушкию с востока, а затем столкнулся с войсками Араму, царя Урарту, и дошел до Ванского озера¹⁹⁰. В 856 г. он совершил большой поход вверх по Евфрату, через «страны» Амед, Исува-Алзи (область восточных мушков) и Сухму, где он занял крепость Уашталь и захватил правителя области по имени Суа; затем он перевалил в долину Чороха и совершил набег на царство Дайазни. На обратном пути он пересек нагорье до тогдашней урартской территории; разбив войско Араму (причем, по ассирийским утверждениям, пало 3400 урартских воинов), он захватил урартскую крепость и административный центр Арзашкун и вышел к Ванскому озеру кружным путем, с востока, через область Арамале (Армарили). Затем, через Гильзан, Хубушкию и долину Большого Заба Салманасар вернулся в Ассирию¹⁹¹. Результатом этого похода было включение всей верхнеевфратской

долины, включая Алзи и Сухму, [153] в ассирийскую провинцию Наири с центром в Амеде.¹⁹² Как обычно, неприступные Сасунские горы позволили Шубрии остаться независимой; попытка Салманасара III в 854 г. осадить Анхитте, царя Шубрии, в его крепости Уппуму окончилась компромиссом — шубрийский царь уплатил единовременный умиловительный дар, а ассирийцы сняли осаду и ушли¹⁹³.

В 845 г., пользуясь плацдармом в верхнеевфратской долине, ассирийцы нанесли удар по Мелиду¹⁹⁴ и по стране Сухму¹⁹⁵, видимо, еще не очень надежно покоренной, а также предприняли новую кампанию против Араму урартского, причем сообщается, что урартские владения доходили в это время уже до истока Евфрата (Кара-су); у этого места к ассирийскому царю явился Асия, царь Дайаэзии, с изъявлением покорности¹⁹⁶. В 832 г. до н.э. Дайан-Ашшур, полководец стареющего Салманасара, совершил еще один поход вдоль правого берега Арацани против урартского царя, — на этот раз Сардури I¹⁹⁷. Помимо этого при Салманасаре III были и еще ассирийские походы — против Хабхи, Хубушкии, Муцацира (задевший и окраину Урарту), а также Гильзана¹⁹⁸.

Салманасар III пытался покорить Сирию и области к западу от Евфрата; так, в 858 г. он разбил коалицию Северно-сирийского союза, а в 854 г. получил с него дань, но потерпев в том же году поражение от Южносирийского союза под Каркаром¹⁹⁹, вынужден был отступить за Евфрат. Вскоре он вновь начал почти ежегодные походы на запад, как в Сирию, [154] так и в юго-восточную Малую Азию (Мелид, Табал, Гургум — Пакархабуна, Куэ)²⁰⁰, однако прочно присоединить эти области к Ассирии ему не удалось.

Начиная с 827 г. в Ассирии начинаются периодические смуты, сильно ограничившие ее агрессивные возможности. Кроме нескольких случайных походов (в 805 и 759 гг. до н. э. — против Арпада, в 801 и 795 гг. до н.э. — против Хубушкии)²⁰¹, больших нападений ни на запад, ни на север Ассирия не предпринимала до второй половины VIII в. до н.э.

Создание Урартской великой державы. Урарты в долине верхнего Евфрата. Между тем начинается период экспансии Урарту. Мы видели, что уже при Араму (ок. 865—845 до н.э.) и Сардури I (ок. 835—825 до н.э.)²⁰² территория Урартского царства охватила не только бассейн озера Ван, но и верховья Арацани и даже Евфрата. При Ишпуини (ок. 825—810 до н.э.)²⁰³ Урарту захватило территории между озерами Ван и Урмия²⁰⁴, Муцацар был поставлен в зависимость от Урарту²⁰⁵, и урартские войска через Ману и районы южнее Маны²⁰⁶ вышли во фланг Ассирии²⁰⁷.

К сожалению, хронология большинства урартских походов VIII в. до н.э. либо вовсе не установлена (для правления [155] Минуи), либо установлена ненадежно (для правления Сардури II). Более или менее надежна лишь хронология походов Аргишти I.

Начало решительного наступления против Ассирии урартского царя Минуи (около 810 — 786 или 780 до н.э.) следует, по-видимому, датировать 800—790-ми годами. Насколько можно понять из фрагментов анналов этого урартского царя²⁰⁸, наступление шло по двум направлениям: на правом фланге урарты перевалили через горы Марма (Армянский Тавр) из района совр. Битлиса и прошли через Хулмеру (Кулимери в Шубрии?), Улибу (Уллубу) и Дирью (Диррию), спустились в Месопотамию западнее истоков Тигра и вторглись в Ишалу (ассир. Ицалла, между Коммагеной и верховьями реки Хабур). На левом фланге они

продвинулись по долине Большого Заба до границ Ассирии в собственном смысле слева, к югу от г. Кумену (Кумме).

Несколько позже, во время очередного вторжения Минуи в Ману, другой отряд его войска совершает еще один поход — в долину верхнего Евфрата²⁰⁹. Этот поход, по-видимому, завершился переходом Алзи и других окрестных областей под власть Урарту²¹⁰. Как полагает Г.А. Меликишвили, поставленный здесь Минуей «областенаачальник» Титиа был фактически автономным правителем²¹¹, так что положение Алзи должно было улучшиться по сравнению с временами ассирийской власти. Сильно разрушенные надписи Минуи из Мушской [156] долины²¹², повествовавшие о каком-то из его походов в горы Армянского Тавра (упомянуты страна Урме, город Кулмери) также могут быть истолкованы в том смысле, что царь этой области (то есть Урме—Арме—Шубрии?) не был смещен урартским завоевателем²¹³. О дальнейших успехах Минуи повествует его надпись из Палу²¹⁴. Из нее видно, что он завоевал страну Цупа (вероятно, часть Сухму или Алзи) и дошел до «Хеттской страны» (здесь — царство Мелид-Камману), причем получил дань с царя г. Мелитеа (Мелид).

Таким образом, левобережье верхнего Евфрата было поставлено под власть Урарту. Дальше к северу Минуа доходил до Диаухи (Дайазни) и обложил данью дайазнского царя Утупурши²¹⁵, а также расширил урартские владения за гору Масис-Арагат, до реки Аракса²¹⁶.

Однако для прочного подчинения долины верхнего Евфрата потребовались еще походы. Так, следующий урартский царь Аргишти I в 783 г. (по Г.А. Меликишвили) или в 777 г. (по И.М. Дьяконову)²¹⁷ вновь совершает поход на «Страну [157] хеттов» с городом Мелитеа²¹⁸, где правила династия Туате²¹⁹ и далее на страну Нириба (Нирбу) и вниз по Евфрату²²⁰. Всего тут было захвачено и уведено почти 30 000 жителей обоего пола, и при этом 6600 «бойцов страны хеттов и Цупы» были переселены и поставлены гарнизоном в новом городе Эребуни, построенном Аргишти I в следующем году на месте современного Еревана, в недавно завоеванной им Айратарской долине²²¹. В 773 (767) г. войска Аргишти громили страну Урме, из чего видно, что она по-прежнему не подчинялась Урарту.

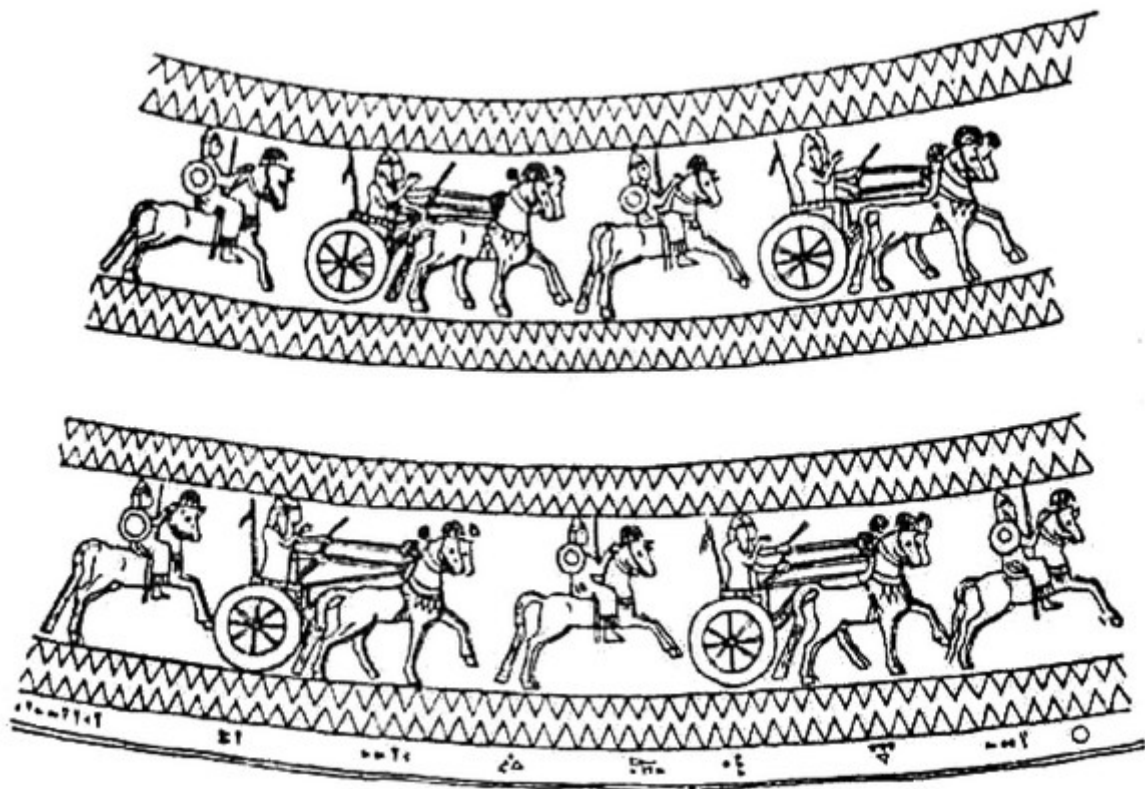

Рис. 33. Урартские воины. Изображение на шлеме Сардури II. [158]

По крайней мере дважды Аргишти I ходил на Дияухи (Дайаэни). В первый поход 785 (779) г.^[222] он нанес этому царству тяжелое поражение: около 30 000 жителей было захвачено в плен и выселено, обширные районы были превращены в урартские наместничества, а на оставшуюся часть царства Дайаэни была наложена очень тяжелая дань. Впоследствии (по Г. А. Меликишвили — в 768 [762] г.: датировка ненадежная) Утупурши, царь Дайаэни восстал против Урарту в третий раз^[223]; судьба царства неясна, так как текст летописи Аргишти I здесь разрушен; но царство Дайаэни с этих пор исчезает из истории^[224]. Во всяком случае несомненно, что его уже не существовало после киммерийского вторжения во второй половине VIII в. до н.э. (о котором смотри ниже).

На востоке Аргишти I продолжал обход Ассирии с фланга, причем добрался почти до границ Вавилонии^[225].

Ко времени правления Сардури II (около 760 г. до н.э.?) западной границей Урартской державы уже бесспорно признавался верхний Евфрат^[226], и урарты энергично пытались пробиться в Сирию. Еще в начале своего правления^[227] Сардури II нанес поражение Хиларундасу, царю Мелида, до этого момента, вероятно, бывшего гегемоном в Северносирийском союзе-[159]

Рис. 34. Фригийско-урартская прическа и деталь одежды. С бронзовой подвески из Гордиона.

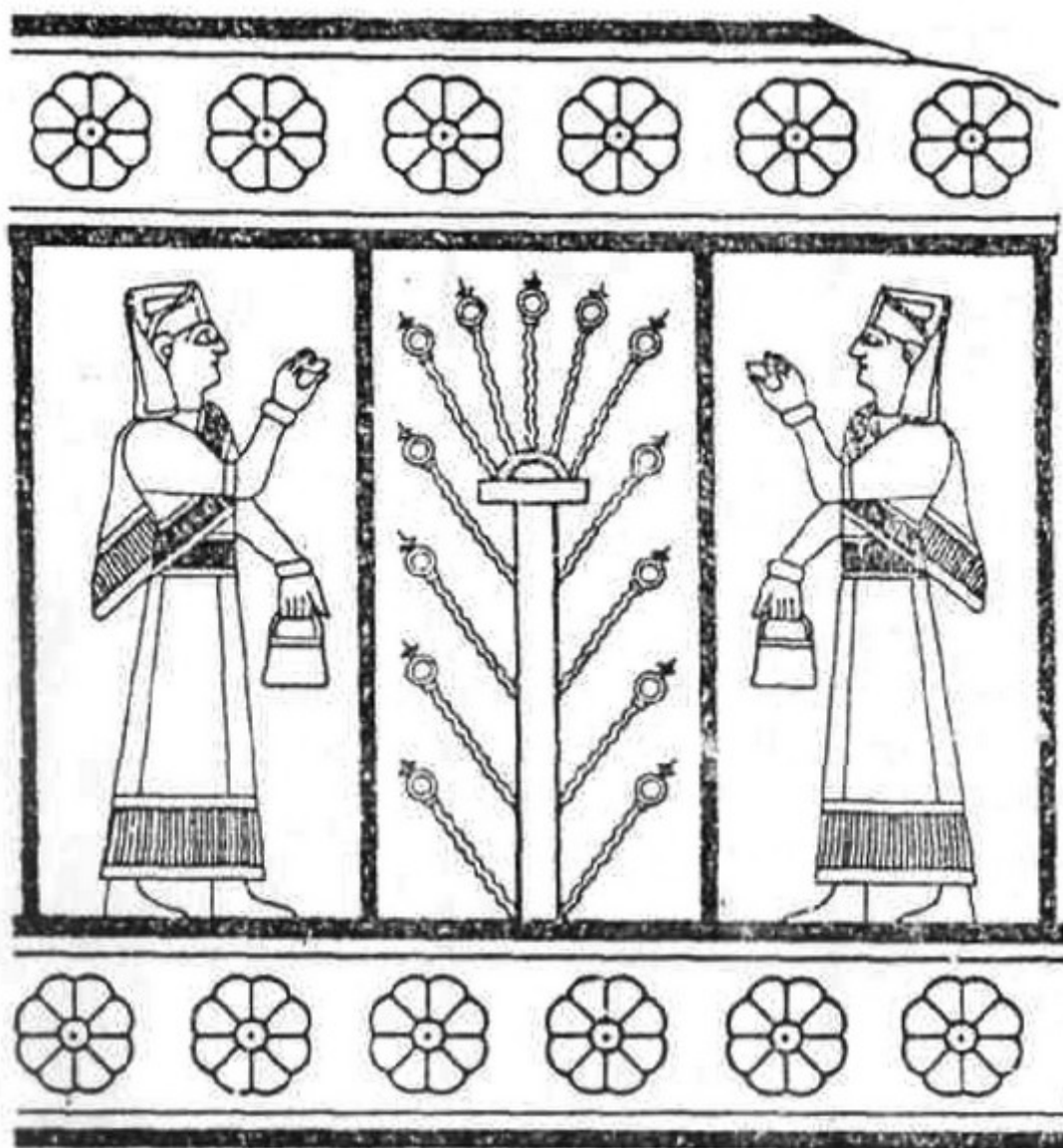

Рис. 35. Урартские жрецы. Роспись из Алтын-тепé. [160]

зе и, по-видимому, отобрал у него крепости на левобережье Евфрата²²⁸⁾.

Около 745 г. Сардури II вторгся в Коммагену²²⁹⁾ (воспользовавшись было поражением своего соседа — Мелида, чтобы захватить часть его территории)²³⁰⁾ и заставил подчиниться себе его царя Кушташпили²³¹⁾.

Таким образом, Северносирийскому союзу теперь противостоял не один только мощный враг — Ассирия, а целых два, хотя и соперничающих, но равно опасных. К этому добавлялась уже и угроза Фригии с запада. Такая опасность [161] заставила Маттиэля, царя Арпада, к которому в это время перешла гегемония внутри союза, попытаться найти независимую силу, на которую можно было бы опереться. Еще в 754 г. до н.э., после поражения, нанесенного урартами Мелиду, Маттиэль был вынужден принести присягу Ашшурнерари IV, царю Ассирии²³²⁾. Но видя, что Ассирия, охваченная междоусобицей, не в силах действовать, арпадский царь от имени всего Северносирийского союза обратился к Баргайе, царю страны Каску²³³⁾. Однако и он оказался, очевидно, ненадежной или недостаточно мощной поддержкой, и после вторжения урартов в Коммагену Маттиэль и весь Северносирийский союз²³⁴⁾ сочли за благо подчиниться Сардури

II и стать его «союзниками»; по-видимому, с Урарту связался и Южносирийский союз.

К этому моменту Урарту едва ли не превзошло Ассирию по могуществу. Урартская административная система была настолько совершенной, что, возможно, послужила образцом для соответственной реформы в Ассирии²³⁵; урартское войско еще со времен Минуа было вооружено по-ассирийски. В начале своего правления Сардури II счел возможным пойти на значительное сокращение повинности ополчения в своем царстве, очевидно, полагаясь теперь уже более на постоянное войско, содержащееся за счет богатой царской казны, которая [162] пополнялась путем сбора податей и дани²³⁶. Все Армянское нагорье, за исключением царств Арме-Шубрия и Хубушкиа, и значительная часть центрального и западного Закавказья были покорены урартами; на правом берегу верхнеевфратской долины урарты не успели еще укрепиться, однако были уже признаны в качестве «покровителей» Северносирийским союзом.

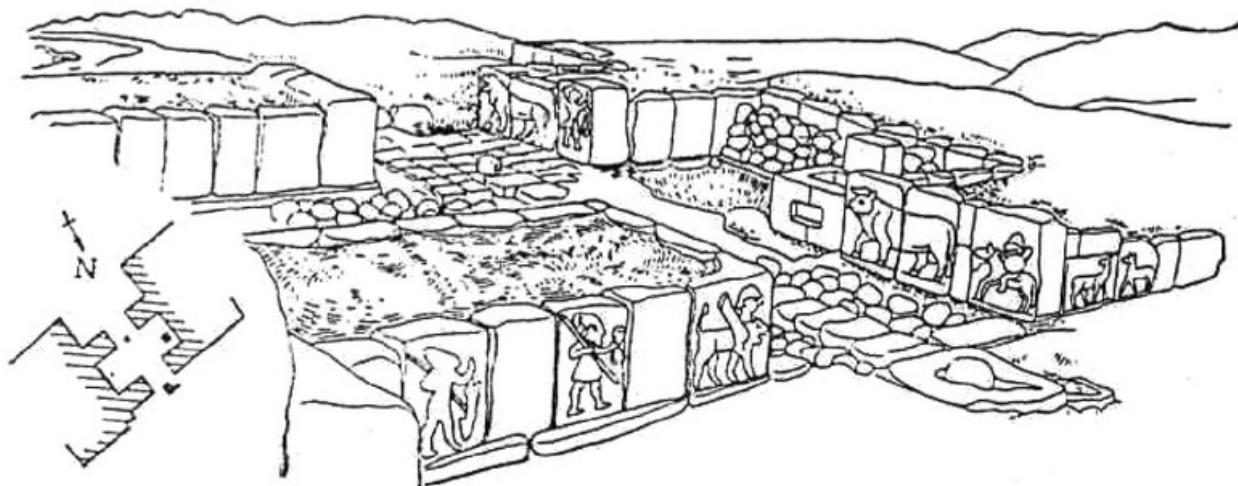

Рис. 36. Остатки северных ворот цитадели г. Сам'ала (совр. Зенджирли, Северная Сирия).

Новый период ассирийского наступления (с середины VIII в. до середины VII в. до н.э.) Тем временем, в результате реформ Тиглатпаласара III (745—727 до н.э.), в корне перестроившего государственную и военную организацию Ассирии²³⁷, эта держава вновь окрепла и опять смогла приступить к завоеваниям. В 743 г. Тиглатпаласар III наголову разбил в Коммагене коалицию Урарту, Мелида, Куммуха, Гургума и Арпада. Не только Северносирийский, но и Южносирийский союз во главе с Дамаском были вынуждены признать главенство Ассирии. Область левобережья верхнего Тигра (Уллуба, крепость Бенза на окраине Шубрии и др.) перешла к Ассирии, хотя ассирийцы благоразумно не вступали в долину верхнего Евфрата²³⁸. Впоследствии [163] (дата этого события неясна) Тиглатпаласар III вторгся и в глубь Урарту, вплоть до самой его столицы Тушпы (совр. Ван), но не смог удержать территорий к северу от Армянского Тавра²³⁹.

*Рис. 37. Мелидский царь и царица совершают жертвенное возлияние.
С рельефов из Малатьи.*

С этого времени начинается постепенное завоевание ассирийцами Сирии и Палестины, завершившееся при Саргоне II в 717 г. до н.э. взятием Каркемиша (в наказание за интриги с Фригией). Этот город долго был независимым островком среди ассирийских провинций.

История взаимоотношений урартского царя Русы I (около 735—713 до н.э.) и ассирийского царя Саргона II (Шаррукина, 722—705 до н.э.), поражения Русы I в 714 г. в битве на горе Уауш восточнее Урмийского озера, похода Саргона II через Урарту и разгрома Муцацира ассирийцами с его последствиями подробно разработана в многочисленных монографиях и специальных статьях²⁴⁰. Здесь отметим лишь, что [164] граница Урарту по верхнему Евфрату, так же как независимость Урме-Шубрии, Хубушкии и горных племен вокруг верховьев Большого Заба, остались неприкосновенными²⁴¹.

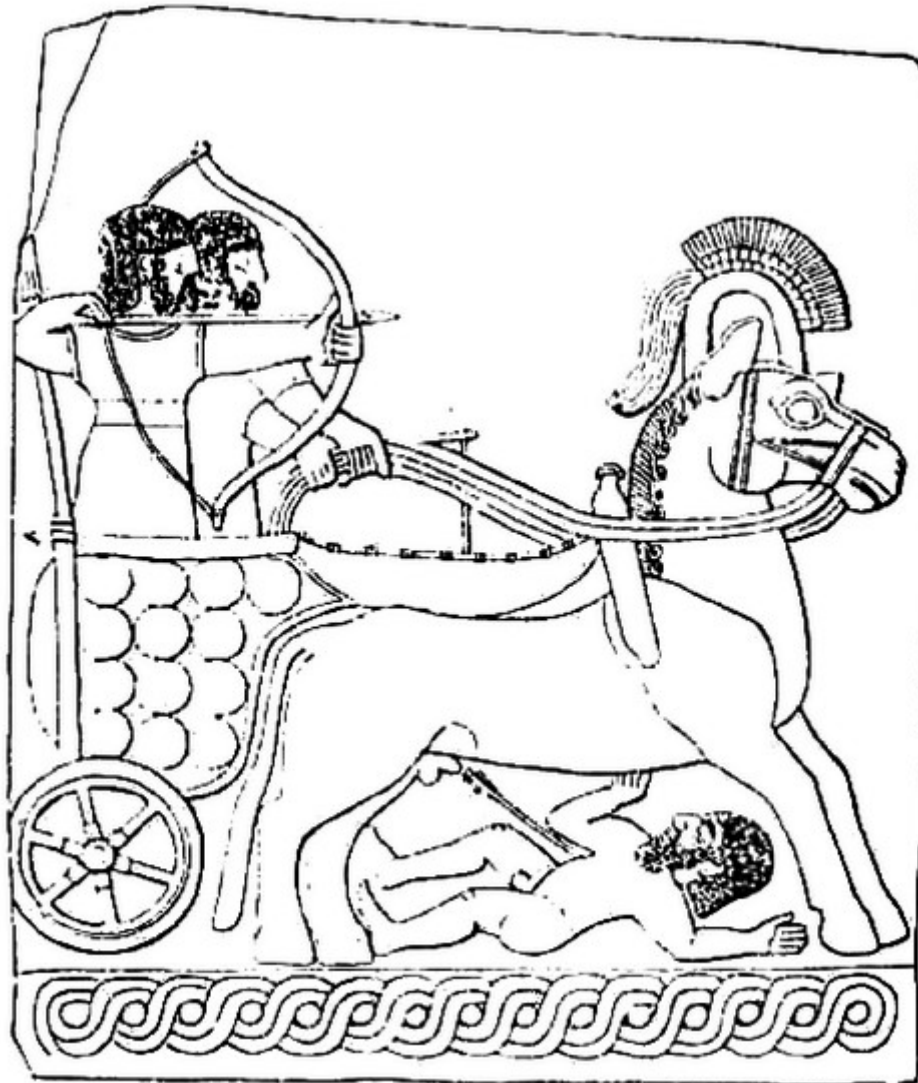

Рис. 38. Позднелувийские воины на колеснице. С рельефа из Мар'аша.

Правобережье верхнеевфратской долины тоже осталось в течение некоторого времени независимым. Однако Саргон II [165] пытается теперь вбить клин между Урарту и Фригией (Мушку) царь которой Мидас (Митá) стал союзником Русы I и, по-видимому, его преемника Аргишти II. Создание такого клина в горах Киликийского Тавра и на правобережье верхнего Евфрата было необходимо Ассирии для безопасности ассирийских владений в Сирии и бесперебойной доставки в Ассирию железа и другого сырья из Малой Азии. Поэтому Саргон решил предпринять ряд походов в эту область. Они начались с 718 г. до н.э.,^{[242](#)} а в 715 г. Саргон II столкнулся в Куэ с войсками Мидаса, царя Фригии (Миты, царя Мушку), — очевидно предпринявшего встречное наступление^{[243](#)}.

Рис. 39. Позднеассирийская заупокойная трапеза. С рельефа из Мар'аша.

Саргон попытался создать себе верного союзника в Табале; для этого он посадил здесь на престол своего человека — Хулли, расширив его территорию за счет соседней горной Киликии (Хилакку), а его сыну Амбарису дал в жены свою дочь. Однако вскоре Амбарис, так же как и другие окрестные правители^{[244](#)}, вступил в [166] союз с Фригией и Урарту и отложился от Саргона. В результате ассирийского похода 713 г. до н.э. Амбарис был взят в плен, а Табал был превращен в ассирийскую провинцию.

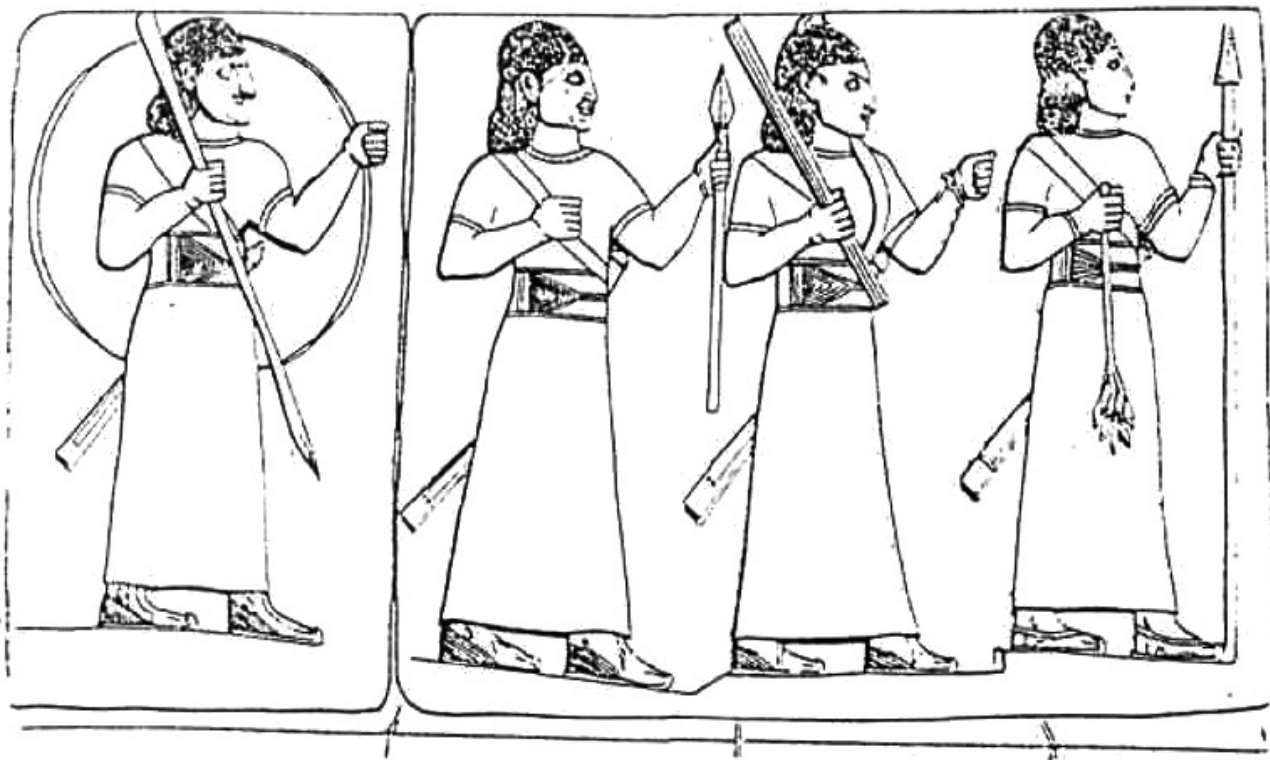

Рис. 40. Каркемишские воины и придворные. С рельефа VIII в. до н.э.

Так же действовал Саргон и в соседних областях. В Мелиде-Камману он в 713 г. низложил царя Гунзинану и возвел на престол его сына Тархунасиса: когда же и этот оказался ненадежным, то ассирийский царь послал в 712 г. против него свои войска; они захватили города Мелид и Тиль-Гаримму (совр. Гёрюн?) и превратили Мелидское царство в ассирийскую провинцию²⁴⁵⁾. Одновременно Саргон продвинулся и севернее, вплоть до страны Каску, и занял ряд крепостей как на границе Урарту, так и на границе Фригии. В следующем 711 г. та же судьба постигла Муталлу, царя Гургума²⁴⁶⁾, а в 708 г. — Куммух (Коммагену), царь которого, тоже Муталлу, убив своего отца, сторонника Ассирии, вступил было в союз с Аргишти II, царем Урарту²⁴⁷⁾.

Однако завоевания Саргона II на правобережье верхнего Евфрата оказались непрочными — может быть, в связи с тем, что в эти и последующие годы вся Малая Азия жила в большом страхе перед набегами киммерийцев^{246a)}, чем перед ассирийскими завоеваниями.

Рис. 41. Женщина с ребенком. С рельефа из Кара-тепе. IX в. до н.э.

Уже при сыне Саргона II, Синаххерибе (705—681 до н.э.), потребовались новые ассирийские походы в этот район. Поход 689 г. до н.э. был направлен против жителей горной Киликии (Хилакку), которые успели захватить Ингиру (Анхиалу?) и Тарсус и угрожали ассирийским владениям у залива Александретта²⁴⁸; второй поход, в 685 г. до н.э., был вызван тем, что некое лицо с фригийским именем Гурди (Гордий)²⁴⁹ захватило власть в Тиль-Гаримму (на территории потерявшего независимость царства Мелид). Город был взят ассирийцами, а его жители зачислены в ассирийское войско²⁵⁰. [168]

Рис. 42. Угон пленных ассирийцами. С ассирийского рельефа VIII в. до н.э.

Киммерийское вторжение. Киммерийцы вторглись из степей Северного Причерноморья в Закавказье не позже второй половины VIII в. до н.э. Обосновавшись первоначально, по-видимому, в современной Грузии²⁵¹, они нанесли урартам тяжелое поражение²⁵². Но затем урарты отбросили киммерийских конников на запад, и они обрушились на Малую Азию. Отсюда в 679 г. до н.э. киммерийцы отважились напасть на ассирийские территории, но были отбиты²⁵³. Это вызвало [169] ответный поход ассирийского царя Асархаддона (Ашшурахиддин, 680—669 до н.э.) на Табал и Хилакку; он даже перевалил через Тавр и нанес поражение киммерийцам под Хубушной (хеттская Хупесна, античная Кибистра), причем погиб их вождь Теушпа²⁵⁴. Некоторая часть

киммерийцев была захвачена и зачислена в ассирийскую армию²⁵⁵⁾, а с остальными, по-видимому, был заключен мир.

Рис. 43. Киммерийские воины. С росписи этрусской вазы (копия греческой росписи из Малой Азии?).

Как полагает Г. А. Меликишвили²⁵⁶⁾, в 676—675 г. до н.э. урартский царь Руса II, находившийся в дружеских отношениях со своим ассирийским соседом²⁵⁷⁾, заключил союз с киммерийцами, возглавленными Лигдамисом (ассирийск. Тугдамме)²⁵⁸⁾ и вместе с ними совершил большой поход в Малую [170] Азию, за Евфрат, — на «Мушки, Хате и Халиту»²⁵⁹⁾, то есть, во-первых, на Фригию, во-вторых, вероятно, на Мелид, и, в-третьих, на племена халибов-халдайцев (**Хаг'тик'** средневековых армянских текстов). Действительно, Мелид вернул себе независимость — на это определенно указывают данные ассирийских текстов, в том числе запросы Асархаддона к оракулу, где встречаются упоминания о военных действиях против киликийцев, табальцев, Мелида и «Митты» — Мидаса, последнего царя Фригии²⁶⁰⁾. Не исключено, что и Ассирия была причастна к урартско-киммерийскому(?) походу 675(?) г. до н.э.²⁶¹⁾ [171]

Видимо, именно этот поход привел к гибели Фригийское царство, о чем еще спустя долгое время помнили и в Греции²⁶²⁾, и в далекой Палестине²⁶³⁾. На некоторое время в Малой Азии наступил произвол киммерийцев; лишь поколением спустя они были разгромлены скифами, а остатки их осели в северо-восточной части полуострова, и гегемония в Малой Азии перешла к Лидии на крайнем ее западе.

Падение Шубрии. Между тем все еще независимая Шубрия была бельмом в глазу у ассирийцев; искусно лавируя в своей политике между Урарту и Ассирией, она давала в своих неприступных горах приют уклонявшимся от повинностей общинникам, а также рабам, бежавшим и из той, и из другой державы, а иногда и мятежникам из знати. Желая прекратить это положение²⁶⁴⁾ и пользуясь миром, установившимся с киммерийцами и Урарту, Асархаддон предпринял сюда в 673 г. до н.э. решительный поход, очень живо изображенный его придворным писцом в подробной реляции — «Письме к богу Ашшуру»²⁶⁵⁾. Напрасно осажденные в [172] г. Уппуму шубрийцы пытались сжечь ассирийские осадные сооружения горячей

нефтью — ассирийский царь взял, наконец, Уппуму, Куллимери и другие шубрийские крепости. Царь Шубрии был низложен, старой хурритской династии положен конец²⁶⁶⁾, а сама страна была превращена в две ассирийские провинции (Уппуму и Куллимери). Часть жителей Асархаддон зачислил в свое войско, других обратил в рабство, раздав их своим дворцовым хозяйствам, храмам и гражданам привилегированных городов, а беглых ассирийцев и урартов вернул хозяевам, предварительно искалечив.

С этих пор Шубрия считалась владением Ассирии, но власть ассирийцев оставалась здесь слабой; уже в 664 г. до н.э. жители Куллимери, судя по ассирийским анналам, оказываются довольно независимыми: они самостоятельно, без участия ассирийской администрации или войск и, по-видимому, не возглавляемые и каким-либо местным царьком, отражают набег урартского военачальника Андари; но все же, убив его, они посылают его голову в Ниневию в знак формальной покорности ассирийскому царю²⁶⁷⁾.

Вторжение скифов. В начале VII в. до н.э., вслед за киммерийцами, в Закавказье появились — на этот раз через Дагестан — новые кочевники из степей Северного Причерноморья — скифы²⁶⁸⁾. Образовав свое [173] «царство», по-видимому, на территории современного Азербайджана, скифы совершали набеги на Урарту и на северо-восточные ассирийские владения²⁶⁹⁾, их вождь Партатута, — память о котором, как полагают некоторые исследователи, сохранилась в древнеармянской легендарной традиции в образе первого армянского царя Паруйра, сына Скайдори («потомка сака», то есть скифа),²⁷⁰⁾ — принял участие в восстании мидян против ассирийского владычества в 674—672 гг. до н.э. Позже он перешел на сторону Ассирии. Его сын Мадий, по-видимому, принял участие на стороне Ассирии в большой войне царя Ашшурбанапала (669—635? гг. до н.э.)²⁷¹⁾. Мадий либо пересек со своими скифами урартские владения, либо прошел севернее их через Закавказье и вторгся в Малую Азию, где положил конец киммерийскому владычеству²⁷²⁾. Урарту было настолько ослаблено скифским нашествием, что его царь Сардури III в 643 или 639 г. до н.э. признал ассирийского царя «отцом» и, таким образом Урарту впервые [174] отказалось от положения равноправия с Ассирийской державой, которое до сих пор признавали и сами ассирийцы²⁷³⁾.

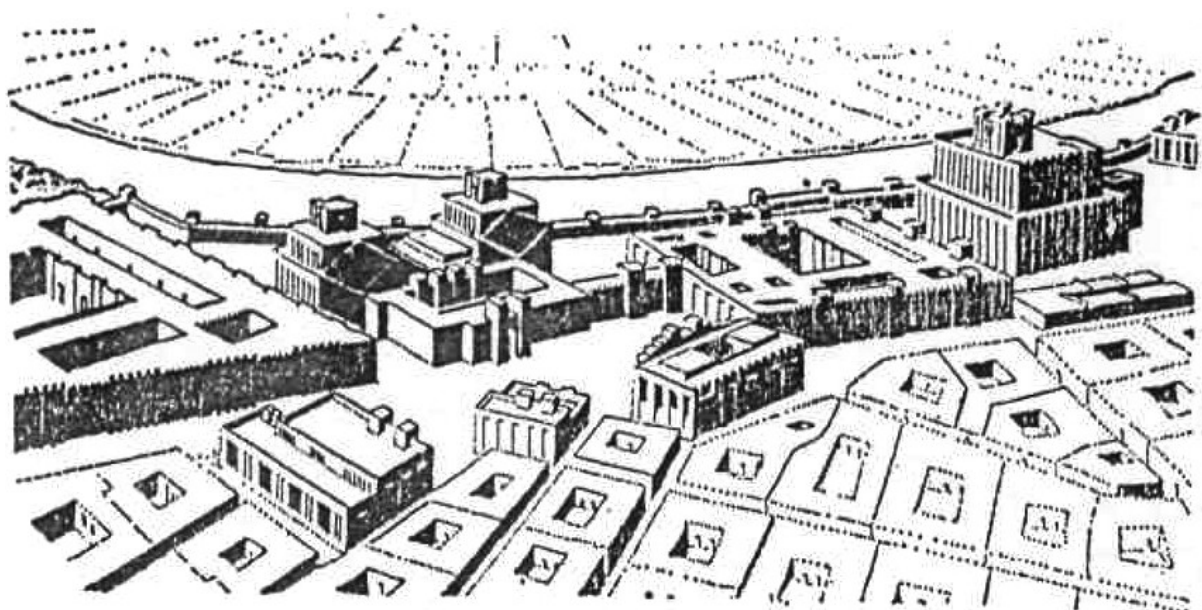
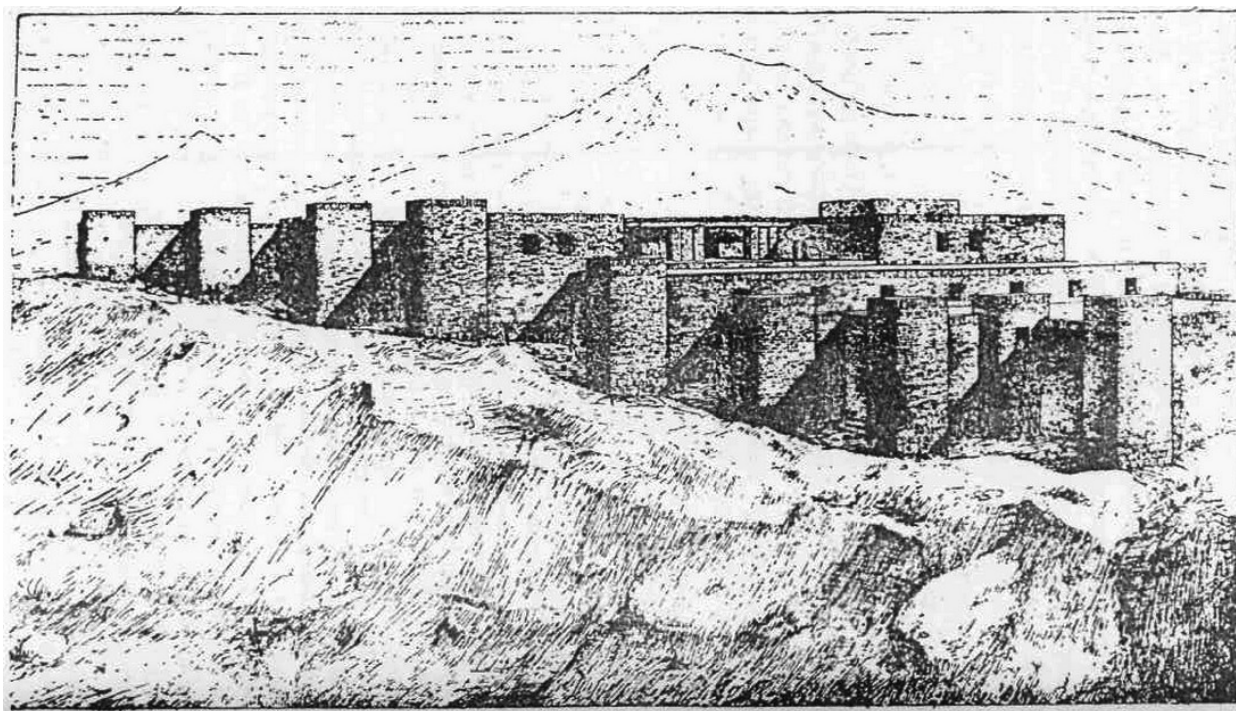

Рис. 44. Северная часть города Ашшура, VII в. до н.э.
Реконструкция по археологическим данным.

Из нашего изложения истории Армянского нагорья с начала ассирийского и урартского наступлений IX в. до н.э. видно, что несмотря на могущество и Ассирии, и Урарту, а также и Фригии, между ними все время сохранялись независимые буферные государства, которые эти державы либо вовсе не могли покорить, либо покоряли лишь на короткий срок и не могли прочно удержать в своем подчинении. Это были Табал в горах Киликийского Тавра, Мелид-Камману на правом берегу верхнеевфратской долины, Арме-(или Урме-)Шубрия в Сасунских горах и Хубушкиа в долине р. Кентрита-Бохтана²⁷⁴⁾. Эти области, и в особенности Мелид-Камману и Арме-Шубрия, несомненно, сыграли большую роль в возникновении позднейшей армянской государственности.[175]

Падение Ассирии и Урарту. «Дом Тогармы». Начиная примерно с 635 г. до н.э. наши источники по древневосточной истории временно иссякают: в Ассирии началась гражданская война²⁷⁵⁾; скифы продолжали свои набеги уже на ассирийской территории, — как полагают, до границ Египта²⁷⁶⁾. В этот период периферийные области отпали и от Ассирии²⁷⁷⁾ и, очевидно, от Урарту²⁷⁸⁾, и в наступившей обстановке всеобщих мятежей, вполне вероятно — как это уверяет Моисей Хоренский²⁷⁹⁾ и принимают многие современные исследователи²⁸⁰⁾, — что в событиях, приведших к гибели Ассирию и Урарту, сыграл свою роль и армянский народ.

В результате совместных действий Набопаласара, царя Вавилонии, и Киаксара, царя Мидии (участие скифов здесь вероятно, хотя о нем ничего не известно)²⁸¹⁾, в течение 616—[176]

*Рис. 45. Крепость Тейшебаини, Урарту VII – начала VI вв. до н.э.
Реконструкция по археологическим данным.[177]*

Рис. 46. Мидяне в одежде VIII в. до н.э. (справа) и в одежде VI в. до н.э. (слева).
С рельефов из Дур-Шаррукина и Персеполя.

605 гг. до н.э. была сокрушена Ассирийская держава²⁸²⁾. В ходе войны мидяне получили господство также над Маной и Урарту. Судьбы Урартской державы в эти последние годы ее существования неясны; известно лишь, что в 609 г. был совершен поход на Урарту (скорее мидянами, чем вавилонянами, так как при разделе Ассирии последним досталась южная доля, и в северных районах они вряд ли были заинтересованы), а в 608 г. — еще один поход в эти районы на страну династии Хануния — «область Урарту». Урартская крепость Тейшебайни (совр. Кармир-блур около Еревана), давшая в результате раскопок Б.Б.Пиотровского столько сведений о культуре Урарту, пала, по определению этого исследователя, в 590-х гг. до н.э.²⁸³⁾ Если «Арарат» Книги Иеремии²⁸⁴⁾ — это Урарту, а не новое, Армянское царство, то Урарту, наряду с Маной и Царством скифов, еще существовало в 593 г. до н.э. в качестве вассала Мидии. Но в 590 г. — когда началась война между Мидией и Лидией²⁸⁵⁾ за обладание Малой Азией, — Урарту, очевидно, перестало существовать. Поводом для мидийско-лидийской войны Геродот выставляет уничтожение мидянами скифов (очевидно, Скифского царства; при этом, часть скифов ушла обратно в Северное Причерноморье); но надо полагать, что мидяне не могли оставить в своем тылу и Урарту, начиная войну к западу от него.

Некоторое представление о ходе войны дают известия Иезекиила, иудейского писателя, жившего в Вавилонии в начале VI в. до н.э.²⁸⁶⁾ Согласно данным, почерпнутым из его книги²⁸⁷⁾, Лидия возглавила бывшие территории Фригии (Мешек) и Табала (Тубал); в союзе с ней выступали Египет²⁸⁸⁾, остатки киммерийцев (Гомер) и «Дом Тогармы», — государство, о котором мы скажем ниже подробнее²⁸⁹⁾. [179]

Рис. 47. Лидийские всадники. С барельефа из Бии-тепе.

Война между Мидией и Лидией окончилась миром 585 г. до н.э. Посредниками, по Геродоту, были царь Вавилонии и Сиеннесий, царь Киликии-Хилакку (превратившейся за это время в крупное государство, которое, судя по более поздним данным времен Ахеменидской державы, включило и бывшие территории Табала, Куэ и т.п.). Границей между обоими соперничавшими царствами была признана река Галис, так что восточная часть Малой Азии отошла к Мидии²⁹⁰.

Царство Мелид и вопрос о первом Армянском царстве. Относительно «Дома Тогармы» и его судьбы можно высказать некоторые предположения. Древнееврейское **Тогарма** соответствует хеттскому **Тегарама**; высказывалось предположение о тождестве Тегарама с Тиль-Гаримму ассирийских источников, городом на территории царства Мелид-Камману, предположительно отождествляемым с античной Гаураэной и современным городом Гёрюн. Это предположение топографически возможно, хотя и очень натянуто с лингвистической точки зрения²⁹¹. Однако, во всяком случае, нет никакого сомнения в том, что район, в котором [180] была расположена Тегарама II тыс. до н.э., в начале I тыс. до н.э. находился на территории царства Мелид-Камману.

Подытожим вкратце историю этого царства. Бесспорно, что именно через территорию Мелида должны были пройти в долину Арацани и в прилежащие районы мушки, а также, вероятно, урумейцы и каски-абешлайцы, после разрушения Хеттской державы в начале XII в. до н.э. Однако вскоре после этого события, на грани XII и XI вв. до н.э., мы встречаем царя «Милидэ», или «Милидии» в качестве «царя Великой страны хеттов»; таким образом, в этот период всеобщей разрухи на территории Малой Азии Мелид стал центром важного государства, претендовавшего на продолжение традиций хеттской государственности. В то же время, несмотря на сохранение этих традиций, представляется в высшей степени вероятным, что часть мушков осела не только на левобережье Евфрата, но и на правобережье, а значит, и в Мелиде, как показывает факт их проникновения в Каркемиш и другие обстоятельства, частью упоминавшиеся выше, а частью отмеченные ниже при рассмотрении этногенетических вопросов. Может быть, именно оседание здесь мушков и придало силы молодому Мелидскому царству.

В дальнейшем, в течение XI—IX вв. до н.э., в горах Малоазийского Тавра возникает еще целый ряд небольших царств — Куммух, Гургум, Табал и другие,

еще более мелкие образования. Однако традиции Хеттского царства продолжают поддерживаться в Мелиде, и когда урартские источники говорят о «царстве Хате (Хатти)», обычно они (а иногда и ассирийские источники), как мы видели выше, имеют в виду именно Мелид-Камману. Вместе с Дайазни и Алзи (страной мушков), новое «царство Хатти» вплоть до возвышения Урарту было одним из важнейших культурных и политических центров нагорья. Мы знаем ряд царей Мелида как IX—VIII вв. (Лалла, Сулумел, Тунге, Хиларундас, Гунзинану, Тархунасис и др.), так и более ранних. С образованием Северносирийского союза Мелид сохраняет в нем гегемонию, а его царь — титул «великого царя», и лишь после тяжелого поражения, нанесенного около 760 г. Хиларундасу, царю Мелида, Сардури II урартским, роль гегемона в союзе переходит к Арпаду, а затем и к [181] Каркемишу, цари которого также титулуют себя «царями Хатти». Торговля металлами приносила Мелиду, как и другим царствам на большой верхнеевфратской дороге, весьма значительные богатства; в то же время были какие-то особые общественные условия, которые позволяли Мелиду, наряду с горной и труднодоступной Шубрией, быть страной-убежищем для лиц, бежавших из соседних государств от социального гнета; мы высказали предположение, не объяснялось ли это наличием в составе населения Мелида значительных новых для данного района племенных масс, влиявших на местное общество в направлении его некоторой демократизации.

Мелид был временно завоеван в 712 г. до н.э. ассирийским царем Саргоном II, поставившим здесь своего наместника; однако уже в 685 г. была предпринята попытка освободить по крайней мере г. Тиль-Гаримму от ассирийской власти, во главе восстания стоял некто Хиди́, или, может быть, Гурди́ (если верно последнее чтение, то это — фригийское имя Гордий). Хотя крепость Тиль-Гаримму и была взята Синаххерибом, однако Мелид все же вернул себе независимость, так как около 675 г. мы встречаем «Хате» в союзе с Фригией и халдайцами в качестве объекта нападения Русы II урартского и киммерийцев, а возможно, также и ассирийцев. Однако, хотя в результате этого похода погибла Фригия, «Хеттское царство» Мелида не погибло; так, если в 70-х годах VII в. ассирийцы презрительно именуют враждебного им мелидского правителя Мугаллу «беглым», то между 669 и 652 гг. Мелид уже признается ими за самостоятельное царство, а в 650-х годах Мелид расширяет свои пределы за счет Ассирии, так как Мугаллу возможно, стал уже и царем Табала (который с 713 г. был ассирийской провинцией) и ведет переговоры с Ассирией — по-видимому, о помощи против киммерийцев, владычеству которых в Малой Азии вскоре действительно был положен конец с помощью союзников Ассирии — скифов.

Таким образом, к моменту войны Вавилонии и Мидии против ассирийцев (626—605 гг. до н.э.), которая привела к гибели Ассирию, а затем Ману и Урарту, царство Мелид не только существовало, но значительно усилилось. При этом [182] весьма возможно, что новая династия Мелида происходила из Тогармы-Тегарамы^{291a)}.

Население района современной Малатии было смешанным уже во времена Хеттской державы; основную часть его составляли в то время лувийцы, однако и хурритский элемент был, видимо, достаточно силен²⁹²⁾. Официальная, придворная культура в Мелиде, как и в других «позднихеттских» царствах восточной Малой Азии и Северной Сирии, была лувийской; несомненно лувийскими являются такие царские имена, как Хиларундас и Тархунасис из династии Туате. Дошли из Мелида и «хеттские иероглифические» (лувийские) надписи. Но раннее наличие здесь памятников «старофригийской»

археологической культуры, а также, возможно, и часть царских имен Мелида (Гурди?) говорит о проникновении сюда также и фрако-фригийского элемента; фрако-фригийской, если возводить ее к Гурди(?), должна была быть и мелидская династия после восстановления государства в VII в. до н.э.

В контексте этой истории Мелидского царства следует рассматривать и свидетельство Иезекиила о «Доме (династии) Тогармы», как о важном участнике лидийско-мидийской войны 590—585 гг. до н.э. С этим известием можно связать и некоторые сведения более поздних писателей.

Греческий писатель конца V — начала IV в. до н.э. Ксенофонт в своем дидактическом романе «Киропедия» упоминает о существовании в VI в. до н.э. особого Армянского царства, зависимого от Мидии, но достаточно самостоятельного²⁹³. Несмотря на недостоверный характер источника, следует отметить, что в Армении Ксенофонт побывал сам и мог получить здесь кое-какие относительно достоверные сведения по истории страны, хотя нужно помнить, что армянского языка он не знал, проходил через Армению с враждебным вооруженным отрядом и вел ли при этом какие-либо записи — сомнительно. По рассказу Ксенофонта, армянский царь, которого он не называет по имени, отказался платить дань и поставлять воинские [183] контингенты царю Мидии Киаксару²⁹⁴. Заставить армянского царя подчиниться взялся Кир персидский, в то время находившийся на службе у мидийского царя. Проникнув на армянскую территорию под предлогом охоты. Кир послал к армянскому царю гонца с требованием покорности. Тот попытался укрыться в горах, но при этом его семья и имущество попали в руки Кира; очутившись, в конце концов, в безвыходном положении, армянский царь сдался и признал, что когда был побежден еще отцом нынешнего мидийского царя, то взял на себя обязательство платить дань и выставлять воинские контингенты. Но благодаря заступничеству Тиграна²⁹⁵, сына армянского царя и друга Кира, дело закончилось примирением, и Кир ограничился лишь занятием некоторых опорных крепостей в Армении. Затем Кир помог армянам в их войне с халдайцами, добился прочного мира между ними и благодаря этому смог получить от обоих народов более крупные воинские контингенты для нужд Мидийской державы, чем предполагалось вначале.

Конечно, этот рассказ, имеющий дидактическую цель и составляющий часть художественного произведения, не следует принимать как безусловно исторический; однако он все же заслуживает внимания, так как перекликается с известием [184] Иезекиила о «Доме Тогармы», существовавшем в мидийскую эпоху, а также с легендарным повествованием Моисея Хоренского.

Моисей Хоренский, раннесредневековый армянский историк, пользуясь неизвестным нам сирийским писателем Мар Абас Катиной, рассказывает древнейшую историю Армении, стараясь согласовать библейские легенды, известия ранневизантийских историков и армянские, а отчасти и иранские предания сасанидского времени. При этом канву его повествования дают главным образом византийские авторы. Существование Урарту ему осталось неизвестным, и древнейшая история Армении складывается у него из легендарных генеалогий, искусственно связанных с генеалогиями мифических библейских патриархов, с легендами о героях иранской мифологии и с именами ассирийских и мидийских правителей, по большей части вымышленных греческими авторами²⁹⁶. Параллельно к [185] (ошибочному) списку мидийских царей, восходящему к византийскому историку Евсевию, Моисей Хоренский дает список легендарных царей древнейшего Армянского царства, также недостоверный (I, 22).

Однако в эту искусственную и совершенно неверную канву Моисей Хоренский вплетает (конечно, произвольно приурочивая их к определенным периодам истории) и данные, почерпнутые им из недошедшего до нас армянского эпоса, и здесь содержатся крупницы возможного. Сюда относится и версия о деяниях Тиграна I, царя Армении, очевидно идентичного с царевичем Тиграном Ксенофонта (I, 24-30). Некоторые детали повествования Моисея Хоренского²⁹⁷⁾ позволяют допустить, что еще в его времена у армян сохранялись эпические сказания, во-первых, о союзе армянских царей в период создания первого Армянского царства с какими-то иноземцами, которых Моисей Хоренский более или менее правильно отождествил с мидянами греческих историков, во-вторых, о борьбе героя с чудовищем-Аждахаком (чисто мифологический сюжет, взятый из зороастрийской мифологии)²⁹⁸⁾, и, в-третьих, о древних мидийских поселениях в долине Аракса²⁹⁹⁾. [186]

В целом, кажется вероятным, что в Армении VI в. до н.э. действительно существовала не мидийская сатрапия, а свое, самостоятельное царство, хотя и зависевшее от Мидии³⁰⁰⁾. Это вполне согласуется и с тем, что сообщает нам Геродот о характере структуры Мидийской державы³⁰¹⁾. Создание Армянского царства на месте Урартского можно поставить в связь с деятельностью Киаксара, царя мидян (625—585 до н.э.). В разрушении Урарту мог принять участие тот создатель Армянского царства, выступавший то в союзе с Мидией, то против нее, о котором — правда, неизвестно на основании каких источников — говорит Ксенофонт и которого имеет в виду Иезекиил, говоря о «Доме Тогармы». Если легенда о Паруйре, сыне Скайорди, имеет историческую основу, то это мог бы быть, как полагает Б. Б. Пиотровский, армянский вождь скифского происхождения. С другой стороны, термин «Дом Тогармы» и та историческая роль, которую в VI—V вв. до н.э. играл г. Мелид, заставляют скорее думать об исторической связи этого гипотетического Армянского царства с древним царством Мелид-Камману, которое после восстановления его независимости в начале VII в. до н.э., управлялось новой, «тогармской» (или «торгомской» по терминологии Моисея Хоренского) династией, уже не обязательно лувийской по своей этнической принадлежности, а, возможно, связанной по происхождению с какими-либо лицами иного, — местного, протоармяноязычного населения. Во всяком случае, царство Мелид (Тогарма), как и Хилакку (Киликия), пережило Ассирию и Урарту. При падении Урарту это царство могло расшириться на восток, включив в себя и Арме-Шубрию, а затем и урартские области.

Это царство, быть может, было уничтожено Киром, первым из ахеменидских царей Персидской державы, сменившей [187] Мидийскую (553—529 до н.э.)³⁰²⁾, а затем Дарий I (522—485 до н.э.), по-видимому, создал в Армении две сатрапии³⁰³⁾; при этом характерно, что одно из названий так называемой XIII, собственно армянской сатрапии было Мелид — вероятно, этот город был ее столицей³⁰⁴⁾. В то же время не исключена возможность, что во второй (XVIII, урартской) сатрапии сидела при Ахеменидах сатрапская династия, состоявшая в родстве с царями первого Армянского царства³⁰⁵⁾.

Таким образом, в период падения прежних великих держав Востока, — в конце VII и в VI в. до н.э. — по-видимому, существовало государство, которое прямо называется Армянским и, конечно, существовал уже и древнеармянский народ³⁰⁶⁾. [188]

Но где и когда он возник и сложился, — это из источников, по которым мы излагали историю предшествующего периода, непосредственно не явствует.

Очевидно, в наших сведениях имеются какие-то пробелы, или предки армянского народа скрываются в наших источниках под какими-то неотожествленными обозначениями; анализу имеющихся данных, с целью ответить на поставленный здесь вопрос, будет посвящена следующая глава.[189]

¹⁾ Это вытекает из хеттских анналов, документов из Алалаха и других источников.

²⁾ Из Ниневии царь Душратта присылал статую богини для исцеления заболевшего фараона; в Ашшуре были митаннийские наместники — «послы», — W. Andrae, *Die Stelenreihen von Assur*, Leipzig. 1913, №129. В архиве хурритского царевича Шильва-Тешуба, жившего в Нузе (Аррапха), была найдена печать царя Митании на одном из писем. См. Н.Б. Янковская, Хурритская Аррапха, «Вестник древней истории». 1957. № 1, стр. 18-19.

³⁾ См. его письма в телль-амариском архиве фараонов. J.A. Knudtzon, *Die El-Amarna-Tafeln*. Leipzig, 1915; S. A. B. Mercer, *The Tell-el-Amarnah Tablets*, Toronto, 1939.

⁴⁾ См., например, анналы Ашшурнацирапала и других ассирийских царей (ср. подсчеты в кн.: И. М. Дьяконов, Развитие земельных отношений в Ассирии, Л., 1949, стр. 86). В надписях урартских царей выражение «одних (пленных. — И. Д.) я убил, других живыми увел» является стандартной формулой. Об ослеплении пленных ассирийцами в XIII в. до н.э. см. выше, стр. 67, [прим. 113](#).

⁵⁾ Б. Б. Пиотровский, Урартские надписи из раскопок Кармир-блур, в кн.: И. М. Дьяконов, Урартские письма и документы М.-Л., 1963, стр. 11-12.

⁶⁾ Там же. Последняя публикация: Н. Д. Флиттнер, Сиро-хеттские памятники Эрмитажа, «Труды отдела культуры и искусства Востока Госуд. Эрмитажа», I, 1939, стр. 21-43.

⁷⁾ Термин *ewri* в форме *шрѣшр*, *прѣшр* сохранился и в древнеармянском в значении «муж, полноправный мужчина», см. Г. Аветикян, Х. Сюрмелян, М. Авгерян, Новый словарь армянского языка, Венеция, 1836 s.v. (на армянском языке). Ср. также *шлѣ* из хуррито-урартского *a(l)leḫə “хозяйство” и *шлѣлѣ* из *a(l)laeḫinə “принадлежащая к хозяйству” (от хурр. *allae*, *alle* “хозяйка”, урарт. *alae* «хозяин»).

⁸⁾ И. М. Дьяконов, К вопросу о судьбе пленных в Ассирии и Урарту, «Вестник древней истории», 1952, № 1. стр. 98, прим.2. Из истории общин Ассирии, Аррапхи, Вавилонии и т.д. видно, что богатые родовые общины распадаются раньше бедных, так как в них происходит большая имущественная дифференциация и раньше складываются индивидуальные хозяйства.

⁹⁾ Так постоянно в анналах хеттских царей. Следует заметить, что если хеттские источники называют касков «свинопасами и ткачами», то это ничего не говорит об их действительных занятиях; обе эти профессии были рабскими, и хеттский писец хотел просто сказать, что враждебные хеттам каски — люди рабской природы. Однако, во всяком случае, на территории касков существовали и постоянные

крепости и, надо думать, им было не чуждо земледелие. Вероятно, все же основным их занятием было полукочевое скотоводство.

¹⁰⁾ H.G. Güterbrock, *The Deeds of Suppiluliuma as Told by His son, Mursilis II*, «*Journal of Cuneiform Studies*», X, 1 стр. 65-67 (fragm. 13, 6; 14, 16).

¹¹⁾ В клинообразной письменности детерминативами называются непроизносимые знаки, определяющие категорию понятий, к которой относится детерминируемое слово (люди, боги, страны, города, профессии, деревянные предметы и т.п.).

¹²⁾ Однако следует заметить, что при таких обобщающих названиях, как «Наири» и «Этиуни», всегда ставится только детерминатив страны. Очевидно, это более географические, чем этнические обозначения.

¹³⁾ Большим недостатком многих исторических карт является именно то обстоятельство, что древние «страны» размещаются на них поперек горных хребтов.

¹⁴⁾ Так, известна руническая письменность, применявшаяся для магических целей германцами задолго до сложения у них государства; с другой стороны, многие несомненные государства Африки письменности не имели. В значительной мере дело часто определяется наличием или отсутствием соседних государств, уже выработавших письменность, и знакомством или незнанием с самим фактом существования письменности у соседних народов. В условиях древней Передней Азии представить себе государство, которое не пользовалось бы письменностью, или первобытное племя, которое бы им пользовалось, — трудно. Хотя древний Шумер выработал у себя примитивную письменность еще в конце IV тыс. до н.э., однако последние исследования А. А. Ваймана делают вероятным, что наше обычное представление о сложении здесь классового общества и государства лишь во второй четверти III тыс. до н.э., возможно, ошибочно, и его нужно датировать более ранним временем. Во всяком случае, в доклассовом обществе, даже при соседстве с «грамотными» цивилизациями, возможна только примитивная письменность, используемая для магических и, может быть, простейших хозяйственных целей, но не для развитого хозяйственного учета, для повествовательных текстов и т.п. Поэтому тот факт, что существовали какие-то центры Армянского нагорья, передавшие письменные традиции хеттов и Митанни XIV—XIII вв. урартскому государству IX в. (см. стр. 72. [прим. 130](#)), должен считаться свидетельством того, что это были центры классовой цивилизации.

¹⁵⁾ Сводки данных о Хайасе см. E. Forrer, *Hajasa-Azzi*, «*Caucasia*», 9, 1931; Г.А. Капанцян, *Хайаса — колыбель армян*, Ереван, 1948. Обе сводки нуждаются в значительных уточнениях в свете современных данных.

¹⁶⁾ Искать Арипсу на берегу Ванского озера, как предлагал Э. Форрер, невозможно — это противоречит всему контексту источника; весьма маловероятны и альтернативные предложения Г. А. Капанцяна (озеро Гельджик у истоков р. Тигра, или какое-либо маленькое, ныне высохшее озерко). О.Р. Гэрни и Дж. Гарстанг (J. Garstang and O.R. Gurney. *The Geography of the Hittite Empire*, London, 1959) думают о Черном море и отождествляют Арипсу с Гиресуном. Недалеко от Арипсы стояла другая аццийская крепость — Туккама, расположенная, в то же время, достаточно близко от долины Евфрата, чтобы ее царь мог вести войну с Паххувой, находившейся, видимо, западнее совр. Ани-Камах, около Зимарры. Поэтому Туккаму следует искать севернее Паххувы, вероятно, в долине Лика или

на перевалах между долинами Лика и Харшита. При своем наступлении на Хеттское царство люди Ацци и Хайасы проникли в «Верхнюю Страну» (то есть область в верховьях р. Галис) и «сделали своей границей Самуху». С. Алп (S. Alp, Die Lage von Šamuḫa, «Anatolia», I, 1956, 77-80) ищет Самуху на Евфрате выше впадения р. Арацани, однако это означало бы, что «Верхняя Страна» включала и евфратскую долину, что маловероятно. Помимо этого, известно, что путь из Каниша (около Кайсери) на Самуху шел не на северо-восток, а на север, через Куссар, который следует искать в треугольнике Кайсери—Амасья—Анкара (на городище Аладжа-хюк?). Известно также (Keilschrifturkunden aus Boghazköi [KUB] XXXIII, 79), что Самуха имела речное сообщение на лодках с соседними областями, — в частности с Паттейариккой, тоже одно время входившей в состав Хайасы и которую С. Алп отождествляет с совр. Пертек. Однако верхний Евфрат судоходен для лодок только местами, поэтому надо скорее думать о р. Лик (Гайл-гет — Келькит) или, менее вероятно, о р. Галис (Кызыл-Ирмак). Совершенно невозможно отождествление третьей аццийской (пограничной) крепости Ингалава с позднейшим г. Ангел в верховьях р. Тигра, как это делают Э. Форрер и С. Т. Еремян («Атлас Армянской ССР», Ереван — Москва, 1951, карта 102), так как между этим районом и Хайасой-Ацци при любой ее локализации должно было находиться множество других «стран». Наконец, в анналах Суппилиумаса I говорится о г. Куммаха (совр. Ани-Камах), как принадлежавшем Хайасе. Речь идет о периоде экспансии Хайасы, поэтому нет необходимости искать *центр* этой страны именно в районе Камаха на Евфрате. По всем этим соображениям, нам представляется наиболее убедительной локализация Ацци по долине р. Харшит до Фарнакии (Гиресуна) на Черном море, а Хайасы — по долине р. Чороха с центром около совр. Байбурта и предположить экспансию ацци-хайассцев в долину Лика и через перевал в верхнюю часть долины Евфрата (выше Цухмы) {Предложение несогласовано в книге. *НФ*}. Что касается локализаций, предложенных Я.А. Манандяном (к северу и западу от оз. Ван, см. Я.А. Манандян, О некоторых спорных проблемах истории древней Армении, Ереван, 1965, раздел «Сообщения хеттских, ассирийских, урартских и древнеармянских источников о Хайаса-Аззи») и Г. Б. Джаукяна (G. B. Jahukyan. The Ḫayaša Language..., «Archiv Orientalni» XXIX, 3, 1961, стр. 356-361), то они основаны только на сходстве некоторых топонимов и плохо вяжутся с данными источников.

¹⁷⁾ Во всяком случае, ареал хурритского языка доходил до границ Хайасы. Несомненно хурритским является имя Арихпицци, правителя, по-видимому, Паттейарикки, зависевшей одно время от Хайасы. В соседней с Хайасой Самухе был один из основных центров культа хурритской богини Шавушки.

¹⁸⁾ В своей книге «Хайаса — колыбель армян» (Ереван, 1947) Г.А. Капанцян этимологизирует большинство хайасских собственных имен из хурритского, но в заключении к книге говорит о хайасском языке как смешанном из протохеттских, хеттских, палайских, лувийских и даже грузинских элементов (стр. 247) и при этом считает этот гипотетический язык предком армянского. Следует, однако, заметить, во-первых, что, по данным современной лингвистики, язык, правда, может включать большие пласты слов, заимствованных из других языков, но по своему основному словарю и грамматике может принадлежать только к одной какой-либо языковой семье, а не сразу к нескольким; и, во-вторых, что даже если допустить подобную языковую смесь, армянского языка из нее не получится.

¹⁹⁾ G.B. Jahukyan, The Ḫayaša Language and its Relation to Indo-European Languages, Archiv Orientalni, XXIX, 3, 1961, стр. 353-405.

²⁰⁾ Г.А. Меликишвили, Наири-Урарту, Тбилиси, 1954, стр. 83-85. Ср. особенно название Арипса, относящееся к типу абхазо-адыгской топонимики.

²¹⁾ На исторической карте 102 в «Атласе Армянской ССР» (Ереван-Москва, 1961), Сухму помещена слишком далеко к югу. Ее следует передвинуть на место, помеченное «Мусру», так как в настоящее время доказано, что Мусру (Муцру) находилось не здесь, а в долине Большого Заба. См. Н. Tadmor, Que and Musri, «Israel Exploration Journal», II, 3, 1961, стр. 145-150.

²²⁾ Термин «Торгом», сохраненный древнеармянскими авторами, вероятно, не восходит непосредственно к хеттск. Тегарама, а скорее заимствован из Библии и переосмыслен; в Библии же он, действительно, соответствует Тегараме.

²³⁾ На карте 102 в «Атласе Армянской ССР» различаются две страны Мелиду, и вторая помещена между верховьями р. Арацани и Ванским озером. С нашей точки зрения, для этого нет оснований — все древние источники, упоминающие Мелид, Мелиду, Мальдию, Мелитеа и т.п., могут быть без труда объяснены исходя из отождествления этих названий с совр. Малатией.

²⁴⁾ Здесь, в позднейшей Коммагене, были, по-видимому, расположены Каласма, Исмерикка, Араванна, Урусса (Уршу). Эти области были подчинены то Митанни, то Киццватне (в последнем случае они в конечном счете подчинялись Хеттскому царству).

²⁵⁾ По крайней мере, в договоре хеттского царя Арнувантаса с Исмериккой (R. Ránoszek, Traktat króla hetyskiego Arnuwandasa z krajem Isirairikka “Comptes rendus des séances de la Société des sciences et des lettres de Varsovie”, 32, 1939. Classe I, 25-30), — насколько можно понять лаконичный и разрушенный контекст, — даже столица Митанни, город Вашшуганне, отнесен к Киццватне. Большинство исследователей отождествляет этого Арнувантаса с Арнувантасом III (около 1220—1190 гг. до н.э.), однако некоторые — с Арнувантасом I (XV в. до н.э.). См. A. Goetze, Kizzuwatna and the Problem of Hittite Geography. “Yale Oriental Series”, Res., 22, New York, 1940, стр. 45-46; J. Garstang and O.R. Gurney, The Geography of the Hittite Empire стр. 54 и сл.

²⁶⁾ Это спорно. Некоторые исследователи, напротив, отождествляют «страну Хурри» источников именно с этими областями.

²⁷⁾ См. B. Landsberger, «Assyrische Königsliste und «Dunkles Zeitalter», «Journal of Cuneiform Studies», VIII, 2, 1951, стр. 50-51.

²⁸⁾ Единичные названия этого типа (Амкува, Ассува) встречаются и в более западных областях, однако в них это окончание, вероятно, иного происхождения, так как параллельных форм без **-ува** здесь, как кажется, не встречается. Совершенно аналогично именам на **-(у)ва** образованы многие древнеанатолийские топонимические названия, а именно от притяжательного прилагательного на **-(а)ссас**, заменявшего в лувийском родительный падеж: **Таттасса(с), Питасса(с), Тастарисса(с), Пиккайнаресса(с), Цаццисса(с), Ненасса(с)** и т.п. К этому типу имен, однако, не может быть отнесена Хайаса, так как древнеанатолийский языковой элемент в ней маловероятен.

²⁹⁾ Предлагавшееся мной ранее отождествление термина **Исува – Ишуа** с хеттск. **Цуппа**, урарт. **Цупа** (Цоп'к', Софена) ошибочно, так как не выдерживает критики с

точки зрения хурритской фонетики, хотя географически эти области, по крайней мере частично, совпадают.

³⁰⁾ Так, жители Исмерики в упомянутом выше договоре носят хурритские имена; но около того же времени лица из долины верхнего Евфрата, упомянутые в договоре с Паххувой, носят лувийские (может быть, палайские) имена. Несколько позже (XI в. до н.э.) некоего «царя Великой страны Хатти» с хурритским именем Или-Тешуб упоминают в этом же районе анналы Тиглатпаласара I (O. Schroeder, Keilschrifttexte aus Assur historischen Inhalts [КАН], II, Leipzig, 1922, № 71-71a; И. М. Дьяконов, Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту [АВИИУ I], «Вестник Древней истории», 1951, 2, стр. 278, [№ 11](#)). В ассирийских надписях XIII вв. до н.э. вся эта область неоднократно называется «шубарейской», то есть хурритской. В ряде областей Малой Азии, как показал Б. Ландсбергер, ук. соч., стр. 47 и сл., в течение периода, предшествовавшего возвышению Новохеттского царства, возобладала династия с именами, в которых содержится элемент **-мува**, по мнению большинства исследователей, принадлежавший лувийскому языку. Нечто аналогичное могло произойти и в «странах» верхнеевфратской долины при сохранении, однако, также и хурритских династий и, несомненно, хурритской массы населения.

К этому можно прибавить, что, и еще одна страна второго списка, Тумни (у Г. А. Меликишвили — Нимни) — это, очевидно, Тумме. Одна «страна» под этим названием находилась недалеко от Урмийского озера, а другая, по-видимому, где-то недалеко от верховьев Евфрата. Все же возможно допустить, что союз Уруатри (или Суги, как он назван в более позднем списке) мог включать области и к востоку, и к западу от озера Ван, и что Хем(м)е и Салуа обоих списков — это те же Хеммува и Сала хеттских источников.

³¹⁾ Если форму Альция (Альзия), параллельную к Алзи, можно объяснять по аналогии с формами Хеммува, Салуа, параллельными к Хемме, Сала, то возможно, что здесь мы вступаем уже в ареал урартского языка, — в котором окончание родительного падежа **-ие** соответствует хурритскому **-ве**, — или же в ареал переходного диалекта. Однако ассирийцы, по-видимому, относили Алзи и соседние с ним (с севера?) области Тебурзи (Тебурция) и Пурукуззи к «шубарейским», то есть хурритским странам.

³²⁾ Г.А. Меликишвили, Наири-Урарту, ..., стр. 150 и сл. Главным аргументом Г.А. Меликишвили является то обстоятельство, что во втором, аналогичном списке областей несколько более позднего времени и страна Хеме, и (также упоминаемая в первом списке вместе с Хемме) страна Луха (Лухи) названы вместе со страной Аламун, довольно уверенно локализуемой на Большом Забе.

³³⁾ См. Г.А. Меликишвили, Наири-Урарту; Тбилиси, 1954, стр. 165 и сл. Существовал и второй одноименный центр почитания Тешуба — Кумме(?) или Куммани в Кицватне.

³⁴⁾ Г.А. Меликишвили, Наири-Урарту... 1954, стр. 22 и сл. Возможно, что этот термин надо понимать еще шире.

³⁵⁾ A. Goetze, Die Annalen des Muršiliš, "Mitteilungen des Vorderasiatisch-Aegyptischen Gesellschaft", 38, Leipzig, 1933, стр. 87 и сл.

³⁶⁾ Ср. выше о письменных традициях, передававшихся от хеттов и Митанни к Урарту.

³⁷⁾ A. Goetze, Hattušiliš, "Mitteilungen des Vorderasiatisch-Aegyptischen Gesellschaft", 29, Leipzig, 1925; A. Goetze, Neue Bruchstücke zum grossen Text des Hattušiliš, ibid., 34, Leipzig, 1930.

³⁸⁾ H.G. Güterbock, The Deeds of Suppiluluma as Told by His Son, Mursilis II, "Journal of Cuneiform Studies", X, 2-4.

³⁹⁾ Э. Форрер, весьма предположительно, относит к этому времени фрагмент договора хеттов с хайасцами, музейный номер Bo. 966 (в известных мне изданиях не опубликован).

⁴⁰⁾ J. Friedrich, Staatsverträge des Hatti-Reiches, 2. Teil, „Mitteilungen des Vorderasiatisch-Aegyptischen Gesellschaft", 34, 1, Leipzig, 1930, стр. 103 и сл. См. также KUB, XXVI, 37 и 38. Неясно, к какому договору принадлежит фрагмент KUB, XXVI, 39 (музейные номера Bo 866+3793+ 4747) с перечислением божеств; нет полной уверенности, что это договор с Хайасой, хотя в тексте один из богов назван ^[d]U.GUR ŠA Ға-ја-ta — описка вместо Ға-ја-ša?

⁴¹⁾ Однако, вероятно, его родич.

⁴²⁾ По устному разъяснению Д. А. Ольдерогге, здесь нет необходимости видеть особо древние пережитки кровнородственной семьи и материнского рода; у ряда патриархальных племен (например, в Конго) засвидетельствован обычай, согласно которому муж имеет право на младших сестер своей жены в случае бездетности последней. Тем не менее, обычай этот, конечно, весьма архаичен.

⁴³⁾ Впоследствии Марияс, по-видимому, был правителем Хайасы; ему наследовал Аннияс. См. L.W. King, Hittite Texts in the Cuneiform Characters from Tablets in the British Museum, London, 1920, № 85.

⁴⁴⁾ Это имя обычно читалось «Маттиваза», однако такое чтение очень сомнительно. По Б. Ландсбергеру, его надо читать «Шаттиваза», по Х.Г.Гютербоку — «Куртиваза». Это последнее чтение кажется нам наиболее вероятным. См. H.G. Güterbock, The Deeds of Suppiluliuma., "Journal of Cuneiform Studies". X, 4, 1956, стр. 121, прим. 18.

⁴⁵⁾ По отождествлению Э. Форрера, совр. Кунмар в 18 км от Палу (не тождествен ассирийск. Куллимери в Шубрии!).

⁴⁶⁾ E.F. Weidner, Politische Dokumente aus Kleinasien, I, „Boghazköi-Studien", ed. O. Weber, VIII, Leipzig, 1923, № 1, ср. № 4.

⁴⁷⁾ Там же.

⁴⁸⁾ Reallexikon der Assyriologie, I, ed. E. Ebeling und B. Meissner, Berlin, 1928, стр. 261 и сл.

⁴⁹⁾ A. Goetze, Die Annalen des Muršiliš, стр. 89, Об. III, 73-75.

⁵⁰⁾ Там же, стр. 95-97. Об. III. 2-9.

⁵¹⁾ К этому времени, видимо, относится фрагмент договора хеттов с хайасцами Bo. 3281 (в известных мне изданиях не опубликован).

⁵²⁾ Сохранился текст инструкции хеттскому наместнику, по-видимому, конца XIII в. до н.э., где Ацци наряду со страной касков и Луккой (Ликий в юго-западной Малой Азии?) названы в числе зарубежных, враждебных стран. См. E. von Schöler, *Hethitische Dienstanweisungen*, Graz, 1957, стр. 24.

⁵³⁾ Keilschrifttexte aus Boghazköi, I, № 20; Reallexikon der Assyriologie, I, ed. E. Ebeling und B. Meissner, Berlin, 1928, стр. 258 (E. Forrer).

⁵⁴⁾ Keilschrifttexte aus Boghazköi, IV, № 14; Reallexikon der Assyriologie, I, стр. 263 (E. Forrer).

⁵⁵⁾ Текст надписи Салманасар (L. Messerschmidt, Keilschrift) texte aus Assur historischen Inhalts [KAM], I, Leipzig, 1922, № 13, ср. E. Ebeling, B. Meissner, E.F. Weidner, *Die Inschriften der altassyrischen Könige*, Leipzig, 1926, стр. 114 и сл., № 1; И. М. Дьяконов, *Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту [АВВИУ I]* «Вестник древней истории», 1951, № 2, стр. 266, [№ 2](#)) гласит: «...возмутились против меня уруатри... к хребтам (?) гор их могучих я поднялся, Химме, Уаткун, Баргун (или Машгун), Салуа, Халила, Луха, Нилипахри и Зингун — 8 стран и их ополчения я победил, 51 их поселение разрушил сжег, похитил их полон, их имущество: всех уруатри я склонил к ногам бога Ашшура, моего владыки, в три дня (т. е. в трех сражениях — И. Д.); я выбрал их потомство, захватил (?) и забрал себе для службы и работы: тяжкую подать гор я наложил на них навеки. Город Арину, укрепленное место, горный хребет (?), который прежде возмутился... — этот город... я победил, разрушил... В то время страну Муцру я склонил к ногам Ашшура, моего владыки». Отождествление большинства указанных в тексте «стран» ненадежно (Химме = Химуа или одноименное племя к востоку от оз. Ван? Салуа = Сала? Луха = Элухат у верховьев Тигра или Лухи к востоку от оз. Ван? Зингун = урартск. Зикуни, совр. Адыльджеваз на западном берегу оз. Ван? Уаткун Э. Форрер помещает в долине р. Кентрит-Бохтан, и т.п.). Лишь Муцру и Аринна (**Аринна**; хеттск. — из хурритского? — «источник»; по крайней мере два города этого названия известны и в Малой Азии) довольно надежно локализуются по соседству с областью укуманийцев, в долине Большого Заба, возможно — в районе позднейшего г. Муцацира (урартск. Ардини; отдаленное сходство названий, вероятно, случайное).

⁵⁶⁾ Перевод договора (Дж. Уильсона и А. Гётце), а также литературу, в кн.: J.B. Pritchard, *Ancient Near Eastern Texts Relating to the Old Testament*, 2nd ed., Princeton, 1955. Важное дополнение (фрагмент более полной версии) см. в работе В.К. Шилейко. Фрагмент из Богазкёя в собрании Лихачева, «Записки Восточного отделения Российского археологического общества», XXV, 1921, стр. 77-82.

⁵⁷⁾ КАН II, 1922, № 60; [АВВИУ № 60](#) (ср. с № 3-5, КАН II, № 58; КАН I, № 66 и 17).

⁵⁸⁾ E.F. Weidner, *Politische Dokumente aus Kleinasien*, I, стр. 5-7.

⁵⁹⁾ КАН II, № 61: [АВВИУ, I, № 7](#).

⁶⁰⁾ Keilschrifturkunden aus Boghazköi [KUB] XXIII, № 72; O. R. Gurney, Mita of Paḫḫuwa, „Annals of Archaeology and Anthropology, University of Liverpool”, XXVIII, 1948, стр. 32-47.

⁶¹⁾ См. выше, стр. 27, прим. 38 и стр. 86, прим. 27 и 30.

⁶²⁾ Приводимые здесь и ниже египетские названия — неогласованные. Как известно, египетская письменность не воспроизводила гласных. Правда, для иноязычных названий египтяне применяли особую систему. В ней вместо обычных знаков, обозначающих один или два согласных с произвольным гласным, применялись по принципу ребуса иероглифы для целых значимых слов, которые по-египетски, конечно, имели вполне определенную огласовку, и это подсказывало древнеегипетскому читателю действительное произношение записанных таким способом названий. Но, к сожалению, нам огласовка этих слов остается неизвестной, и поэтому мы вынуждены приводить упоминаемые в египетских текстах иноязычные названия только в виде их согласного скелета, в котором, к тому же, не различаются **р** и **л**. Первое упоминание одного из «народов моря» встречается в надписи Рамсеса II (первая половина XIII в. до н.э., J.H. Breasted, Ancient Records of Egypt [ARE], Chicago. 1927, III, § 307) — это **шрдн**, служившие наемниками в египетском войске. Во время войны фараона Мернептаха с ливийцами (конец XIII в. до н.э.) в числе союзников последних были племена **шрдн**, **шкрш**, **'квш**, **рк** и **трш** (ARE III, §§ 574, 579, 588). Из них **рк** довольно надежно отождествляются с хеттск. Лукка (лилийцами?); **'квш** или **'кйвш** предлагают отождествить с греками-ахейцами (их древнейшее название было, по-видимому, Akhaiwoi, где kh — это армянское **ք**, русское **к** с придыханием, а не армянское **լ**, русское **х**). Однако некоторое сомнение вызывает тот факт, что, судя по египетскому источнику, **'кйвш** практиковали обряд обрезания, между тем как нам не известна подобная практика у позднейших греков. Остальным названиям давались различные объяснения. Одним из наиболее распространенных было в свое время отождествление **шрдн** с сардами (жителями о. Сардиния), **шкрш** — с сикулами (жителями о. Сицилия), и **трш** — с тирсенами, предками этрусков, которых античная легенда считала переселенцами в Италию из западной Малой Азии. Но можно заметить, что в гомеровском эпосе даже Сицилия (? — Тринакрия) — сказочная страна, с которой у ахейцев нет постоянных связей. Были попытки отождествить эти названия и с позднейшими населенными пунктами и историческими областями Малой Азии (**шрдн** — с Сардами в Лидии, лидийск. **Сфарт**, **шкрш** — с Сагалассом в Писидии, и т.п.), однако в хеттских источниках ни эти, ни другие подходящие топонимы еще не упоминаются, и все эти отождествления остаются сомнительными.

⁶³⁾ ARE, IV, §§ 39-44; ср. §§ 77, 81, 403.

⁶⁴⁾ По-видимому, Киццватна.

⁶⁵⁾ В западной Малой Азии, см. ниже.

⁶⁶⁾ Остров Кипр.

⁶⁷⁾ Сирии.

⁶⁸⁾ Кн. Иеремии., 47, 4; Кн. Амаса, 9, 7; Кн. Софонии, 2, 5 и др. Отождествление Кафтора с Критом можно теперь считать бесспорным. Часть филистимлян,

живших на юге их области, так и называлась **крэти**; ср. также **крэти** и **плэти** (херефеи и фелефен) — наименование филистимлянских наемников в Израиле (2 Кн. Самуила [2 Царств], 8, 18; 15, 18; 20, 7, 23; 1 Кн. Царей [3 Царств], 1, 38, 44 и др.). Филистимлянская керамика в Палестине идентична позднемикенской керамике Кипра (ПМ III C1b), сходной с позднемикенской керамикой Аргоса. Ряд исследователей с большой долей вероятности отождествляет филистимлян с пеласгами греческой традиции, которые, между прочим, жили и на Крите, а также в ряде мест Греции и малоазиатского побережья. См. W.F. Albright, *The Archaeology of Palestine*, Penguin Books. 1954, стр. 115 и 185.

⁶⁹⁾ А может быть и западной, если верить отождествлению **шрдн** с сардами, а **шкрш** — с сикулами.

⁷⁰⁾ По греческой традиции, здесь после Троянской войны поселился греческий герой Мопс, принявший, вместе с Амфилохом и другими, участие в походе сушей через Малую Азию и построивший здесь ряд городов. До нас дошла из Килики двуязычная («хеттская иероглифическая» и финикийская) надпись IX в. до н.э., принадлежащая правителю «данунийцев» с лувийским именем Аситаваддас, причисляющему себя к династии «дом Мопша», или, в иероглифической версии, «дом Муксаса». См. Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft, Neue Bearbeitung v. G. Wissowa und W. Kroll, Halbb. XXXI, Stuttgart, 1933, s. vv. Mopsos, Mopsu(h)estia, Mopsukrene; И.Н. Винников, Новые финикийские надписи из Киликии, «Вестник древней истории», 1950; № 3, стр. 86-97; его же: Вновь найденные финикийские надписи, «Эпиграфика Востока», V, 1951, стр. 121-133; R. D. Barnett, Mopsos, «Journal of Hellenic Studies», 73, 1953, стр. 140 и сл; Б. В. Казанский, Историческое значение хеттского (иероглифического) и финикийского текстов надписи Кара-Тепе, «Древний мир. Академику В. В. Струве», М., 1962, стр. 273-280.

⁷¹⁾ В действительности ахейское заселение о. Кипра началось раньше.

⁷²⁾ Например, А. Гётце считает, что эти страны следует искать в юго-западной части полуострова, отождествляя Миру с позднейшей Писидией, Вилусу — с Ликией, реку Сеха — с р. Меандром (Мендерес) и т.д. Дж. Гарстанг и О.Р. Гэрни помещают Миру несколько далее к северо-западу, чем А. Гётце, Арцаву — в позднейшей Лидии, на р. Герм (Гедиз), Страну р. Сеха — в долине р. Каика (Бакыр-чай), а Вилусу — в северо-западном углу полуострова; существуют и другие теории. Так, Г.Г. Гиоргадзе локализует Хапаллу в Исаурии-Ликаонии (район совр. Кони), Арцаву — в горной Киликии, в центре южного побережья полуострова Малая Азия, Миру — западнее Арцавы, в восточной Ликии и Писидии, Вилусу — севернее Ликии; реку Сеха он отождествляет с р. Меандром — Мендерес, а Ассуву помещает в Троаде. Аргументация Г.Г. Гиоргадзе отличается стройностью, но его теория «оголяет» почти всю территорию северо-западной Малой Азии, включая позднейшие Лидию, Мисию и Фригию, между тем эти места также должны были быть объектами военной и дипломатической деятельности Хеттского царства, и в хеттских документах до нас должны были бы прийти соответствующие топонимы. К тому же маловероятно, чтобы такое значительное в политическом и культурном отношении объединение как союз Арцава было почти целиком расположено в горных и малоплодородных районах. Мы склонны согласиться с теорией Дж. Гарстанга и О.Р. Гэрни, с известными модификациями, — исходя из того, что Манапа-Таттас, правитель Страны реки Сеха, в дошедшем до нас письме жалуется на нападения морских пиратов на свою территорию и территорию страны Лацпас (остров Лесбос?) и на подчинение

Атпасу, известному нам как аххиявский представитель в приморском городе Миллаванта или Милаватас. Если отождествлять Аххияву с государством ахейцев, то Милаватас, видимо, Милет, поскольку других ахейских городов в Малой Азии этого времени не было. Наиболее вероятным кажется нам отождествление собственно Арцавы с позднейшей Карией и, может быть, районами восточнее истоков Меандра (столицей ее был г. Апасас — по Дж. Гарстангу и О. Р. Гэрни классический Эфес вблизи устья Меандра), области р. Сеха — с позднейшей Лидией, Вилусы — с Троадой, Миры — с Писидией, а Хапаллы — с районом совр. Конин. См. литературу в статье Г.Г. Гиоргадзе, Несколько замечаний о локализации стран Арцавы, «Восточный сборник», I, Тбилиси, 1960, стр. 5-28, по-грузински с русским и английским резюме, а также J. Garstang and O. R. Gurney, *The Geography of the Hittite Empire*, London, 1959.

⁷³⁾ Это видно из тона и содержания ряда источников; упоминания Аххиявы как места ссылки кого-то из родичей Суппилиумаса I (его жены?), из привоза «бога Аххиявы» и «бога Лацпаса» для исцеления больного Мурсилиса II, из письма Мурсилиса II или Муватталлиса к царю Аххиявы, и из упоминания Аххиявы в числе великих держав (правда, затем стертого писцом) в договоре хеттского царя Тутхалияса IV с царем Амурру (в Сирии). Все документы, упоминающие Аххияву, собраны и проанализированы в кн. F. Sommer, *Die Ahhijava-Urkunden*, „Abh. der Bayrischen Akademie der Wissenschaften, Ph.-Hist. Abt.“, Neue Folge, 6, München, 1932.

⁷⁴⁾ Трудность заключается в том, что греч. kh должно было бы быть передано по-хеттски скорее как k, чем как ḫḫ (см., однако, В. В. Иванов, *Хеттский язык*, М., 1963, стр.87), а также и явном несоответствии огласовки. Но довод В.Г. Боруховича, Ахейцы в Малой Азии, «Вестник древней истории», 1964, № 3, стр. 102, о том, что хеттское ḫḫ передает общеиндоевропейскую ларингальную фонему, которая в ахейском греческом давала ноль звука, не доказателен, так как вопрос не в том, как общеиндоевропейская фонема развилась в хеттском и как — в ахейско-греческом, а в том, как *звучало* ḫḫ уже в самом хеттском, и вследствие этого какой иноязычный звук это ḫḫ могло передавать в то *время*.

⁷⁵⁾ Такова точка зрения Ф.Зоммера, ук. соч.; см. также В.Г. Борухович, ук. соч., стр. 98-106.

⁷⁶⁾ Известны также микенские поселения около Галикарнасса и, может быть, Колофона.

⁷⁷⁾ Замечание В. Г. Боруховича (ук. соч., стр. 104): «Трудно предположить, чтобы хетты в этот период, распространяя свое владычество вплоть до Египта, допустили существование в непосредственной близости от себя державы, созданной пришельцами», — говорит против его же мнения, что Аххияву следует искать в Малой Азии, так как очевидно, что хетты не допустили бы существования в Малой Азии *никакой* соперничающей державы, кем бы она ни была создана, хотя бы и родственной: вряд ли язык соперников мог иметь значение! Впрочем, никаких данных о родстве аххиявцев с хеттами нет

⁷⁸⁾ Нам, по-видимому, известно четыре имени лиц, которые могут довольно бесспорно считаться аххиявцами: это Тавакалавас, родич царя Аххиявы; Аттарсияс, или Аттариссияс, «человек Аххии»; Аваянас и его брат Атпас. Этимология для первого из них, предложенная Э. Форрером (греч. **Этевоклеас**),

не невероятно, хотя, конечно, отождествление его с легендарным Этеоклом, царем Орхомена (в Беотии, в материковой Греции), неприемлемо. Филологически совершенно не убедительно отождествление Э. Форрером Аттарсияса с Атреем, отцом Агамемнона, царя Микен времен Троянской войны, хотя хронологически в этом не было бы ничего невозможного. (По другому предположению, Аттариссияс отождествляется с героем Троянской войны Тиресием — столь же произвольное сопоставление) {К тому же ошибочное, поскольку мифический Тиресий в Троянской войне не участвовал. Разве что имеется в виду не собственно мифологический персонаж, а имя "Тиресий". *HF*}. Лахурцис, названный в источнике «братом» Тавакалаваса, — вероятно, не родной его брат, а — в согласии с обычным древневосточным словоупотреблением — просто лицо одинакового с ним положения (его примерное поведение противопоставляется нелояльности Тавакалаваса).

⁷⁹⁾ Необоснованные частные положения, выдвинутые Э. Форрером, впервые предложившим это отождествление, и его чрезмерные увлечения, естественно, привели к чрезмерному скептицизму со стороны его критиков. В особенности это сказывается в цитированной выше работе Ф. Зоммера, впервые давшего строгий научный анализ памятников, связанных с проблемой Аххиявы. Конечно, вопрос остается нерешенным, и абсолютных доказательств у нас нет, но предположение Э. Форрера, с коррективами, которые вносят новые работы по археологии и географии Малой Азии хеттского времени, все же не противоречит той общей картине, которая сейчас вырисовывается перед нами.

⁸⁰⁾ Заметим, что и по греческой традиции последняя династия царей Микен была не ахейского (греческого), а западномалоазиатского происхождения (от Тантала и Пелопса).

⁸¹⁾ ARE. III. § 306, ср. § 309 и § 349.

⁸²⁾ В таком случае, это название следует понимать как притяжательную форму от *Wilus, греч. *Wilos, имя легендарного основателя троянского царства Ила, отсюда Wilu(s)sa(s) — «Илова (страна)», что совершенно соответствует греч. (W)ilios «Илов (город)». Так образуются и другие аналогичные названия стран в Малой Азии, например Tattassa(s) — «страна (бога) Таттаса». Согласно договору Муватталлиса с Алаксантусом вероятными противниками Вилусы и, стало быть, ее соседями, являлись Варсиялла, Лукка, Маса и Каркиса. Ср. перечень союзников Хеттского царства в битве при Кадеше (ARE, III, § 306), где перечислены подряд Арцава, Питасса, **дрднй**, Маса и Каркиса.

⁸³⁾ J. Friedrich, Staatsverträge des Hatti-Reiches, 2. Teil, стр. 42 и сл.

⁸⁴⁾ Речь идет не обязательно о тождестве этих имен, а о том, что если это имя действительно было троянским, то греки естественно могли бы его передать, в силу сходства, греческим именем Александр.

⁸⁵⁾ Сопоставление принадлежит П. Кречмеру. Однако у Стефана Византийского, передающего эту легенду, Мотил назван царем г. Самилии в Карию (на юго-западе Малой Азии), что плохо вяжется с отождествлением его с хеттским царем.

⁸⁶⁾ Согласно историческому введению к договору, Вилуса (как и Арцава) была завоевана еще Лапарнасом, но впоследствии не подчинялась ни одному из хеттских царей, хотя и находилась в союзных отношениях с Тутхалиясом III и

Суппилиумасом I. Вместе с Мирой-Кувалией, собственно Арцовой, Хапаллой и Страной р. Сеха Вилуса составляла часть союза Арцавы. По-видимому, Алаксантус был приемным сыном Куккунниса, однако по смерти последнего не был признан населением и бежал к хеттам, которые и посадили его на престол. Если отождествлять его с троянцами греческой легенды, то уж скорее с отцом Приама, дедом Париса; последний мог быть назван по деду: обычай называть внука именем умершего деда был широко распространен в древности. Греческая легенда называет отца Приама Лаомедоном, но ведь и сам Парис носит два имени — Парис и Александр, — и то же могло иметь место и в отношении его деда. Впрочем, имя Лаомедон — греческое и, вероятно, придумано греческим эпическим поэтом. Генеалогия троянских царей в греческой традиции явно недостоверна (согласно ей, отцом последнего троянского царя Приама был Лаомедон, сын Троса, основателя Трои, и внук Ила, эпонима Илиона, правнук Дардана, прародителя дарданян; при Лаомедоне Троя впервые была занята врагами и временно разрушена).

⁸⁷⁾ Вернее, несколько раньше. Согласно греческим легендарным генеалогиям, Троя была разрушена около 1190—1185 г. до н.э., а по археологическим данным гибель Трои VIIa датируется концом XII в. до н.э. Но Мопс, которого греческая традиция считает младшим современником троянских героев, возможно, был реальным современником хеттского царя Арнувантаса III, что также означало бы падение Трои не в начале XII в., а около 1200 г. до н.э. или десятилетием раньше.

⁸⁸⁾ Так, царь Арцавы Уххачитис в 3 году правления Мурсилиса II пытался, по-видимому, опереться на Аххияву — и, в частности, на ее опорный пункт в Миллаванте — в своей борьбе против хеттов; когда войска Арцавы были разбиты Мурсилисом, Уххачитис бежал «за море» — вероятно, в Аххияву. Несколько позже страна Лукка поочередно прибегала к защите как Тавакалаваса, родича царя Аххиявы, так и хеттского царя против пиратов. Позже Тавакалавас предложил хеттскому царю, что он вступит в число хеттских союзников-вассалов, но обиженный, по его мнению, недостаточно почтительным обращением со стороны хеттов, начал против них военные действия, а потерпев неудачу, по-видимому, вернулся в Аххияву.

⁸⁹⁾ Пийамаратус упоминается в письме Манапа-Таттаса, царя Страны р. Сеха, и в письме хеттского царя к царю Аххиявы. Факт его выдачи вытекает из ссылки хеттов на прецедент Пийамаратуса в письме-договоре, адресованном правителю Милаватаса. См. F. Sommer, *Die Aḫḫijava-Urkunden*; ср. O. R. Gurney, *The Hittites*, Penguin Books, 2nd. ed. 1954, стр. 50.

⁹⁰⁾ R. Ránoszek, *Kroulka króla hetyckiego Tuthaljasa (IV)*, «*Rocznik Orientalistyczny*», 9, 1933, стр. 43-112.

⁹¹⁾ Сюда относится Каракиса, по другим данным соседившая со Страной р. Сеха (с севера? Возможно отождествление с племенем киликов, живших, согласно Илиаде, в г. Тебе — Thebe недалеко от совр. г. Эдремнт), и Варсия, вероятно, тождественная с Варсияллой, которая, наряду с Луккой, Масой и Каракисой, названа и в качестве вероятных врагов Вилусы в договоре Муватталлиса с Алаксандусом. Нельзя ли страну Париста, не известную из других источников, кроме списка областей Ассувы, отождествить с прародиной филистимлян? В этих районах Гомер упоминает и пеласгов.

⁹²⁾ При этом название Taruis(s)a(s) необходимо было бы рассматривать как притяжательную форму от *T(a)ruja-«*троянцы(?)». Многие исследователи не признают тождества Вилусии и Вилусы (ср., однако, варианты хеттск. Marassanta- и Marassantija- «р. Галис» и мн. др.). Тем более у многих хеттологов вызывает сомнение тождество Таруисы и Трои, в особенности имея в виду, что в перечне областей Ассувы названы вместе и Вилусия и Таруиса.

⁹³⁾ Название «Азия» (греч. **Ἀσία**) у греков уже очень рано противопоставляется как часть света Европе и «Ливии» (Африке), причем обычно имелась в виду, конечно, ближайшая часть Азии, то есть прежде всего Малая Азия; позже появляется обозначение более отдаленных областей Азии как «Верхней Азии», или «Великой Азии», или «Азии за Галисом», отсюда «собственно» Азия стала обозначаться как «Азия по сю сторону Тавра», «Малая Азия». Однако несомненно, что за этим наименованием лежит очень древнее обозначение более конкретной области. Предполагаемую «первоначальную» область Азии поздние античные авторы видели в районе обитания лидийской филы Асиев — около горы Тмола или в долине р. Каистра (Малый Мендерес). Однако это сопоставление похоже на позднюю искусственную этимологию; по всей вероятности, под древнейшей «Асией» надо понимать какую-то достаточно обширную территорию, — может быть, фригийский племенной союз или Фригийскую державу.

⁹⁴⁾ Возможно, это новое царство было связано с царством Вилусы, так как противником Тутхалияса, погибшим во втором походе против Ассувы, был ассувский (?) царевич и бывший ставленник хеттского царя Куккуллис — видимо, то же имя, что Куккуннис, которого мы встречали как царя Вилусы. Куккуллис (Куккуннис II?), возможно, был потомком Куккунниса I. Но имя Ассувы древнее; уже в колонии Каниш было имя-этноним Ассуван.

⁹⁵⁾ II., II. 187, сл. По легенде, вождями фригийцев в этом сражении были Отрей и Мигдон (видимо, эпоним мигдонцев, карийской филы?), сын Акмона; Акмону, по-видимому, приписывался привод первых фригийских отрядов в Малую Азию, см. J. Garstang and O.R. Gurney, *The Geography of the Hittite Empire*, стр. 107. По преданию, Приам был тесно связан брачными союзами как с фригийцами, так и с фракийцами.

⁹⁶⁾ По мнению О.Р. Гэрни и Дж. Гарстанга, фригийский этнический элемент проник в Малую Азию даже раньше. Однако это мнение, основанное только на сопоставлении имени Митаса, царя Паххувы, с именем позднейшего Мидаса, царя Фригии, представляется неубедительным, так как трудно предстаешь себе поход фригийцев с запада до самой долины Евфрата через еще не разрушенное Хеттское царство. Видимо, сходство этих двух имен — либо результат простого совпадения, либо фригийский царь Мидас носил не фригийское, а более древнее анатолийское имя, подобно тому как и среди хеттов были распространены более древние хаттские имена. См. O. R. Gurney, *Mitas of Paḫḫuwa*.

⁹⁷⁾ *Paulys Real-Encyclopädie*, s. v. Sarpedon, стр. 41.

⁹⁸⁾ A. Götze, *Madduwattaš*, "Mitteilungen der Vorderasiatisch-Agyptischen Gesellschaft", 32, 1, Leipzig, 1928, Rs. 75; R. D. Barnett, Mopsos, «*Journal of Hellenic Studies*», 73, 1953, стр. 140 и сл.

⁹⁹⁾ II., II, 786-877

¹⁰⁰⁾ Od., XI, 521. Правда, эпос помещает их гораздо ближе к Трое.

¹⁰¹⁾ По-видимому, если автор гомеровского эпоса имел хорошее представление о городах-государствах, существовавших в Греции за 200-300 лет до его времени (так как базировался на сохранявшихся в памяти из поколения в поколение родовых генеалогиях), то о политическом положении в Малой Азии XIII—XII вв. он не имел и не мог иметь определенных сведений. Поэтому список союзников Трои в «Илиаде» (II, 786-877) недостоверен. Помимо собственно дардадян и жителей различных местностей самой Трои, пеласгов и т.п., упоминаются фракийцы, кикконы и пеоны из племен на запад от Геллеспонта, пафлагоняне, хализоны (халибы), мисы, фригийцы, мёоняне (лидяне), кары и ликийцы в Малой Азии. Однако все эти народы, кроме ликийцев (Лукка) и, под большим сомнением, каров (Каркиса??), хеттским источникам не известны.

¹⁰²⁾ С XII в. в западной Малой Азии (Лидия, Кария) появляется так называемая «субмикенская» керамика, указывающая на усиление ахейско-критского элемента. В XI в. на эгейском побережье была основана греческая колония Смирна. Критское происхождение греческая традиция приписывала карам, населявшим в I тыс. до н.э. юго-западную часть Малой Азии к югу от лидян и к северо-западу от ликийцев, и говорившим, как и они, по всей видимости, на одном из анатолийских языков. Ликийцы тоже иногда считались у греков критскими выходцами (Геродот, I, 173; ср. выше о Сарпедоне; возможно, что как в случае каров, так и ликийцев речь идет только о наслоении островного элемента на местный анатолийский). Более древнее население Карики обозначалось как **лелеги**, что, вероятно, соответствует хеттскому (из хурритского) **лулаххи** «чужеземцы». В хеттских источниках кары не отождествлены, если только не видеть страну каров в области Каркиса (ср. др.-перс. Карка, позднеавил. **Карса** «Кария»), однако, хотя ее локализация твердо не установлена, вряд ли Каркису можно поместить в Карию. С Крита древнееврейская традиция выводила филистимлян (критские пеласги?), а **чкр** надписи Рамсеса III некоторые исследователи, — впрочем, без веских доказательств, — отождествляют с карами. Об ахейской (?) династии Мопса в Киликии см. стр. 105. Западнее, в Памфилии, местные греки и впоследствии говорили на диалекте, близком ахейскому, однако микенских археологических памятников здесь не найдено.

¹⁰³⁾ II., II, 856 (Halizones из города Alybe, «где добывают серебро»; местоположение неясно); у более поздних авторов Chalybes, Chalyboi, несомненно в Понте; на тождество их с Chaldaioi Ксенофонта впервые указывал Н.Я. Марр, Надпись Русы II из Маку, «Записки Восточного Отделения Российского археологического общества», XXV, 1921, стр. 41; ср. Б.Б. Пиотровский, Ванское царство, М., 1959, стр. 120. По устному сообщению С.Т. Еремина, Alybe может быть локализовано между Никополем и Зимаррой.

¹⁰⁴⁾ Совершенно ошибочно также принимаемое некоторыми исследователями (К.Ф. Леманн-Хаупт, Ф.В. Кениг) отождествление халдов с урартами; см. Б.Б. Пиотровский, Ванское царство, стр. 120 (и его более ранние работы), а также западную литературу, цитированную у A. Goetze, Kleinasien, 2. Ausg., стр. 191, прим. 6.

¹⁰⁵⁾ Г.А. Меликишвили, К истории древней Грузии, Тбилиси, 1959, стр. 70-72; Б. Б. Пиотровский, Ванское царство, стр. 120.

¹⁰⁶⁾ В конце II — начале I тыс. до н.э. западногрузинский этнос можно вполне определенно связать с колхидской археологической культурой, занимавшей ареал от западно-центральной Грузии до Котиоры (совр. Орду) в Понте. Северный, кобанский, вариант той же культуры, очевидно, принадлежит абхазо-адыгским племенам.

¹⁰⁷⁾ Г.А. Меликишвили, Наири-Урарту, стр. 111 и сл.

¹⁰⁸⁾ Г.А. Меликишвили, К истории древней Грузии, стр. 111 и сл. Ср. сообщение Гекатея: «Мосхи, колхский народ, соседний с матиенами», *Fragmenta Historicorum Graecorum*, 1, 1, fragm. 228.

¹⁰⁹⁾ Г.А. Меликишвили, там же, стр. 66.

¹¹⁰⁾ Г.А. Меликишвили, там же, стр. 62 и сл.

¹¹¹⁾ Там же, стр. 79-81. Имя макронов Г. А. Меликишвили сопоставляет с именем мегрелов (то есть жителей Эгриси) с чанским суффиксом **-он**, имя мосинойков — с термином **сан-** (**=чан**) с грузинским префиксом **м-** и суффиксом **-иг**, засвидетельствованным в названии древнего (видимо, абхазо-адыгского, — И. Д.) племени санигов; бизеров он, следуя за П.Н. Ушаковым и Г.А. Капанцян, отождествляет с более восточным племенем **вигеру**, известным из урартских источников, которое по историко-географическим соображениям можно считать грузиноязычным. Доводы Г. А. Меликишвили не бесспорны. Действительно, 1) **м-егр-ел** — не племенное название, а связанное с определенной территорией (Эгриси), не имеющей отношения к территории, где жили макроны; 2) мы не имеем основания сомневаться в сообщении Страбона (XII, 3, 18), говорящего о не местном происхождении имени мосинойков (*mosynoikoi*, «живущие в башнях», где *mosyn*, возможно, не греческое, а первоначально *фригийское* слово «башня»); передача имени чанов как **сан-** обусловлена греческой фонетикой, но не видно, почему **а** здесь должно перейти в **у**. Примесь фрако-фригийских племен к картвельским в западном Понте I тыс. до н.э. вполне возможна; быть может, все последние иногда включались в число «халибов».

¹¹²⁾ Если они не тождественны халибам.

¹¹³⁾ См. об этом также ниже.

¹¹⁴⁾ VIII—VII вв. до н.э. датируется, по Арриану (*Fragmenta Historicorum Graecorum*, III, 593), приход в Малую Азию последнего фрако-фригийского народа — битинов (вифинов), хотя Геродот (VII, 75) датирует это событие раньше Троянской войны, — вероятно, смешивая его с первыми походами фрако-фригийцев, — а хроника Евсевия — 972 г. до н.э.

¹¹⁵⁾ Исключение, возможно, составляют тибарены, название которых могло бы считаться идентичным названию каскского племени Типия (или Тибия; хеттское письмо не различает **п** и **б**). Если для Хайасы принять нашу локализацию, то Тибия окажется точно в том же месте, где впоследствии засвидетельствованы тибарены.

¹¹⁶⁾ АВИИУ I, [№ 10](#). В дальнейшем ассирийские надписи цитируются по русскому переводу: [И. М. Дьяконов, Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту](#), «Вестник древней истории», 1951, № 2 (АВИИУ I); 1951, № 3 (АВИИУ II), или по

английскому переводу: D.D. Luckenbill, *Ancient Records of Assyria and Babylonia*. Chicago, 1926—27 (ARAB I-II). Издания подлинников см. в библиографических справках к этим сборникам.

[117](#)) Этот вождь горцев с хурритским именем Кили-Тешуб, сын Кали-Тешуба, носил еще второе имя Иррупи. Оно толковалось как хурр. *Ewrif «мой господин», но вероятнее, что оно лувийское.

[118](#)) **Хаттухи** по-хурритски значит «хетт». Такие имена-прозвища, данные по этническим наименованиям, встречались довольно часто.

[119](#)) Текст позднейшей надписи Тиглатпаласара I (АВИИУ I, [№ 12](#)) сообщает, что он переселил их, но не указывает куда и всех ли.

[120](#)) Хариа вместе со страной **бабхи**, Адауш, Сарауш, Аммауш.

[121](#)) Дария (по-видимому, то же что Дирриа, урартск. Дирью, Dirgu) лежала южнее Исувы.

[122](#)) Муратташ и Сарадауш.

[123](#)) В том числе Химе и Луха.

[124](#)) Не Ванского озера, так как маршрут похода проходил, видимо, в стороне от него.

[125](#)) Как справедливо замечает Г. А. Меликишвили, Ассирия и «страны Наири» на рубеже XII—XI вв. до н.э., «Вестник древней истории», 1963, № 2, стр. 117, это не может быть река Арацани (Мурад-су), так как эта река в древности никогда не называлась Евфратом.

[126](#)) Только один из них, Амадана, отождествляется. Он вел к озеру Гёльджик и к западному истоку Тигра.

[127](#)) Анналы перечисляют следующие 23 страны: Тумме, Тунубе, Туали, Киндари, Узула, Унзамуни, Андиабе, Пилакинни, Атургини, Кулибарзини, Шинибирни, Химуа, Паитери, Уирам, Шурури, Абазни, Адаэни, Кирины, Альбайа, Угина, Назабиа, Абарсиуни и Дайазни. Это перечисление, очевидно, дано в определенном порядке, так как на первом месте стоит Тумме, а на последнем Дайазни, а в других надписях весь список заменен формулой: «страны Наири от Тумме до Дайазни» (АВИИУ I, [№ 11](#), [12](#)), или «страны Наири от Тумме до Дайазни и Верхнего моря» (АВИИУ I, [№ 13](#)); Тумме и Дайазни, таким образом, представляют крайние точки. Так как Дайазни надежно локализуется в долине р. Чороха, и нам известна страна Тумме где-то между Большим Забом и Урмийским озером, то естественно было бы считать, что коалиция охватила все Армянское нагорье от юго-востока до северо-запада — тем более, что и Химуа, по-видимому, надо искать где-то восточнее евфратской долины. Однако надпись АВИИУ I, [№ 28](#), [35](#) и сл. называет Тумме между Дайазни и Урарту. К сожалению, остальные страны из других источников не известны; маловероятно отождествление Туали с долиной Туарацни в верховьях Арацани и Тунубе — с горами Тунибуни северных истоков Тигра, так как в обоих случаях в этих названиях не совпадают первые фонемы (Tuall, Tunube, но Tuaraşi, Tunibuni). В надписи АВИИУ I, [№ 11](#) все страны

этого списка, кроме Тумме и Дайазни, обозначены как «Химуа, Паитери и Хабхи». Г.А. Меликишвили в указанной выше работе отождествляет Тумме с хеттской Тумманной, лежавшей, по-видимому, восточнее верхнего Галиса и, соответственно, помещает все 23 «страны Наири» между Галисом и Чорохом. Трудность тут в том, что в этом случае по крайней мере часть названий «23 стран», вероятно, сохранилась бы в хеттских источниках. Разумеется, участие Тумманны в коалиции не обязательно означало бы, что ассирийский царь сам вторгнулся в эту страну.

¹²⁸⁾ Известие об этом походе Тиглатпаласара I вызывает большие споры. Для меня представляется несомненным 1) что «Евфрат» этого текста — не Арацани (Мурад-су), а северный Евфрат (Кара-су); 2) что битва с «23 Царями» не происходила около Юнджалу в районе Мелазгерта, как некоторые заключали из того факта, что в этом месте была найдена надпись Тиглатпаласара I, упоминающая этот поход; эта надпись свидетельствует лишь о том, что Тиглатпаласар побывал в Юнджалу *либо* в этот, *либо* в один из следующих походов; 3) что под «Верхним морем» анналы имеют в виду не Ванское озеро, которое так в аккадских текстах обычно не обозначается, а Черное море. Последнее ассирийцы, видимо, не отличали от Средиземного, которое собственно и называлось «Верхним морем» или «Морем захода солнца», в отличие от «Нижнего моря» — Персидского залива и Индийского океана. (Есть случаи, когда и Каспийское море называется в ассирийских текстах тем же термином, что и Средиземное — очевидно, предполагалось, что все три моря сообщаются); 4) что выражение «прогнал моим дротиком до Верхнего моря» означает, что и сам Тиглатпаласар вышел к морю. Г.А. Меликишвили полагает, что «60 царей» принадлежали к «стране Кильхи», которую он отождествляет с Колхидой. Что это были племенные вожди колхов — вполне вероятно. Но для меня представляется несомненным, 5) что «страны Кильхи» в ассирийских источниках не существует. Предположение Г. А. Меликишвили (Наири-Урарту, стр. 172 сл.; Ассирия и «страны Наири», стр. 124) основано на той же надписи Тиглатпаласара из Юнджалу, где сказано: «...Покоривший страны Наири от Тумми до Дайазни, покоривший (страну) ḫab-ḫi до большого моря». Г. А. Меликишвили, несмотря на то, что страна Хабхи именно в этом написании десятки раз встречается в ассирийских текстах, в данном случае предлагает вместо ḫab применить другое известное чтение этого же клинописного знака, а именно kil, и при этом ссылается на то, что страна Хабхи обычно означает горы Армянского Тавра и не могла доходить до Черного моря. Однако совершенно невероятно, чтобы ассирийский писец произвольно сделал бы чтение надписи двусмысленным, и написание, привычное для общеизвестной страны Хабхи, употребил бы в другом, необычном смысле, имея в виду, что в его распоряжении были другие способы передать звукосочетание kil. Нам кажется, что здесь говорится о двух разных походах, а именно, в первой фразе говорится об описанном выше походе 1112 г., а во второй — о следующем походе на Армянском нагорье, затронувшем только его южную часть (Хабхи) до Ванского озера, которое здесь и имеется в виду под «большим морем». Ср. в позднейшем титуле Тиглатпаласара I: «пкоривший (страны) от Великого моря запада и моря Наири», то есть от Средиземного и Черного морей и от Ванского озера (АВИИУ I, [№ 16](#)).

¹²⁹⁾ АВИИУ I, [№ 13](#). По Э. Форреру совр. деревня Гефше.

¹³⁰⁾ Конечно, имеется в виду Черное море, так как хотя Тиглатпаласар I в 1111 г. до н.э. и переправлялся через Евфрат у Каркемиша, но до Средиземного моря он в эти годы еще не доходил.

¹³¹⁾ АВИИУ I, [№ 17a](#). К этому же походу относятся, вероятно, надпись у истоков Тигра (АВИИУ I, [№ 16](#)), отмечающая начало похода — «в третий раз» на страны Наири (первые два — видимо, походы 1113 и 1112 гг., так как Кадмухи и Алзи Тиглатпаласар I относил не к Наири, а к Шубарту), и уже упомянутая надпись в Юнджалу около Мелазгерта, АВИИУ I, [№ 17](#).

¹³²⁾ Следует упомянуть сообщение надписи «Сломанного обелиска» (неизвестного царя, — по-видимому, сына Тиглатпаласара I Ашшурбелкалы, АВИИУ I, [№ 18](#); E.A.W.Budge and L.W.King, *Annals of the Kings of Assyria*, I, L., 1902, стр. 128). Согласно этому сообщению, некий царь, названный в третьем лице (видимо, Тиглатпаласар I) в не отождествленном году воевал в стране Мушки, а в следующем, среди прочих, в Муцру, откуда он выселил жителей, и в Ханигальбате. Упоминаются горы Кашияри (совр. Тур-Абдин) и страна Хабху; затем еще один поход этого же года, когда этот царь «во время похода на страну Ареме сразился в поселении Мурар[...] страны Шубрэ». «Страна Ареме» может быть областью Арме, и позже связанной с Шубрией, но возможно и то, что здесь **Ареме** — косвенный падеж от **Араму**, то есть страны арамеев. Контекст слишком разрушен, чтобы решить этот вопрос.

¹³³⁾ A. Goetze, *Kleinasien*, 2. Ausg., стр. 201; о Фригии как конфедерации племен см. R.D. Barnett, *Phrygia and the Peoples of Anatolia in the Iron Age*, "Cambridge Ancient History", I-II, Rev. ed., fasc. 56, Cambridge, 1907, стр. 7.

¹³⁴⁾ Геродот I, 14, 35, 45; VIII, 138.

¹³⁵⁾ В надписи на так называемой «гробнице Мидаса» в Язылык в долине Сангария Мидас титулуется еще ахейскими титулами **ванака** (царя) и **лавагета** (воеводы); см. J. Friedrich, *Kleinasiatische Sprachdenkmäler*, Berlin, 1932, стр. 125, № 1: Ates arkiawais akenanolawos Midai wanaktei lawagtei edaes. "Атес, аркиец (= титул), Мидасу, царю (и) воеводе, поставил (этот памятник)". Исправление lawagtei вместо lavaltei принадлежит С. Я. Лурье.

¹³⁶⁾ Н. В. Хазарадзе, доклад на II Всесоюзной сессии по древнему Востоку (см. информацию в «Вестнике древней истории», 1963, № 3, стр. 171); см. также стр. 220, прим. 80.

¹³⁷⁾ R.D. Barnett and L. Woolley, *Carchemish*, III, London, 1952, стр. 259 сл. Чтение текста, о котором идет речь, сомнительно.

¹³⁸⁾ См. И.Н. Винников, Новые финикийские надписи из Киликии, «Вестник древней истории», 1950, №3, стр. 86-97; его же, Вновь найденные финикийские надписи, «Эпиграфика Востока», V, 1951, стр. 121-133.

¹³⁹⁾ Это видно по именам, значительная часть, которых этимологизируется из лувийского.

¹⁴⁰⁾ B. Landsberger, *Sam'al*, Ankara, 1948, стр. 19-38; С.М. Бациева, Борьба между Ассирией и Урарту за Сирию, «Вестник древней истории», 1953, № 2, стр. 17 и сл.

¹⁴¹⁾ Это видно из таких официальных названий, как «Хатти» (Каркемиш), «Хаттина» (Унку). «Великая страна Хатти» (Мелид) и из династических хеттских имен, например, в Хаттиле — Лубарна (Лапарнас). Сапалулме (Суппилиумас?),

в Гургуме — Муталлу (Муватталлис), в Куммухе — Суппилиумас, Хаттусилис и др.

¹⁴²⁾ См. подробнее в следующей главе. Ассирийцы нередко называл «хеттами» не только малоазиатов, но и жителей Сирии, Финикии и Палестины.

¹⁴³⁾ См С.М. Бациева, ук. соч. Сводку исторических данных, извлекаемых из иероглифических надписей правителей перечисленных царств, см. в статье: R. D. Barnett, Karaiepe, the Key to Hittite Hieroglyphs, «Anatolian Studies», III, 1953, стр. 53-96 (требуется некоторых поправок).

¹⁴⁴⁾ Правильнее, вероятно, **Дайени**.

¹⁴⁵⁾ М, И. Максимова, Античные города юго-восточного Причерноморья, М.-Л., 1956, стр. 13-15, 77.

¹⁴⁶⁾ Там же, стр. 36, 43, 69, 76, 143, 144.

¹⁴⁷⁾ [Г.А. Меликишвили, Урартские клинообразные надписи](#), М., 1960, словарь идеограмм s. v. GUŠKIN. Ср. сообщение ассирийского царя Тукульти-Нинурты II о захвате «наирского серебра» в Амеди, ARAB I, 405, и многочисленные сообщения о захвате малоазиатского железа в лувийских государствах.

^{147a)} Клинопись передает гласные **у** и **о** одинаково — как **у**.

¹⁴⁸⁾ Ср. параллельно сообщение о походе Салманасара III в 856 г. до н.э. в текстах АВИИУ I, [№ 27](#), II, 30-54 и [№ 28](#), 35 и сл. В первом маршруте похода: Бит-Замани (Амед) — Энзите в стране Ишуа — река Арацани — Сухму — Данаэни — город Арзашкун в Урарту; во втором тот же маршрут: Алзи — Сухму — Дайаэни — Тумме — Арзашкун. Ясно, что область Энзите (Анзитена) в стране Ишуа и Алзи — одно и то же.

¹⁴⁹⁾ Вероятно последнее, так как, по ассирийским данным, южная граница Сухму проходила по р. Арацани и, следовательно, Сухму включала Цоп'к'. Имеется упоминание Цупы и в одной недавно изданной надписи Салманасара III, а также в хеттских текстах (Цуппа).

¹⁵⁰⁾ В надписи урартского царя Сардури II (Г.А. Меликишвили, Урартские клинообразные надписи [ниже цитируется как УКН], [№ 156](#), DI + DII, 11), которую Г. А. Меликишвили относит к анналам этого царя, упоминается страна Арме, а в собственно анналах (УКН, [№ 155 A](#), 22) — страна Урме; полной уверенности, что это одна страна, нет. Г.А. Меликишвили отождествляет Урме с Шубрией, которая под этим названием в урартских надписях не упоминается, а Арме помещает западнее. Центром Арме был город Нехерия, положение которого спорно, но, во всяком случае, он находился в долине верхнего Тигра; центром Урме, по-видимому, был г. Кулмери (ассир. Куллимери), который ассирийские источники, наряду с г. Уппуму, считают Центром Шубрии (см. примечания к АВИИУ I, [№ 43](#) и, II [№ 67](#)). Города Кулмери и Уппуму отождествляются с городами Хломарон (армянск. К'г'имар) и Афумон раннего средневековья; первый лежал против современного Майафаркина, на другой стороне р. Батман-су, а второй — в Сасунских горах (совр. деревня Фум). Несмотря на некоторые колебания, нам все же кажется более вероятным, что Арме и Урме — одна и та же страна.

¹⁵¹⁾ В конце VIII в. до н.э. Кумме был в руках ассирийцев.

¹⁵²⁾ АВИИУ I, [№ 49](#), стк. 330-331.

¹⁵³⁾ Они часто упоминаются, в письмах ассирийского царского архива, см., например, АВИИУ I, [№ 50](#), 2, 3, 4, 10, 14, 25, 26 и др.

¹⁵⁴⁾ В надписи Ашшурбелкалы (1076—1059? гг. до н.э.), АВИИУ I, [№ 19](#), Уруатру — возможно, еще племенной союз. По-видимому, основание Урартской державы надо отнести к 870—860 гг. до н.э. Ко времени Салманасара III Урарту, несомненно, уже охватило все области вокруг Ванского озера и верхнюю часть долины Арацани, так как сведений о завоевании этих областей нет в надписях урартских царей конца IX — начала VIII в. до н.э., и их походы направлены уже далее на запад и север, а сам Салманасар попал на урартскую территорию, по-видимому, почти непосредственно из Дайаэни. Династия, правившая в Урарту, судя по ее связи с культом муцацирского бога Халди (в то время как божеством урартской столицы, Тушпы, был, по-видимому, солнечный бог хеттского происхождения — Шивини, см. Г.А. Меликишвили, Наири-Урарту, стр. 368), должна была быть родом из Муцацира (страны куманийцев?); отсюда и заметное влияние соседней с Муцациром Ассирии на урартскую письменность, в частности на орфографию. Возможно, что именно в районе Кумме с его культом Тейшебы-Тешуба, почитавшегося как урартами, так и хурритами, мог находиться тот центр, где сохранились хурритские письменные традиции, перешедшие к Урарту; другим таким центром могло быть Алзи.

¹⁵⁵⁾ С.Т. Еремян помещает Гильзам юго-западнее совр. Битлиса, что маловероятно, судя по маршрутам ассирийских походов, например поход 834 г.: Хубушкиа — долина Большого Заба (Муцацир) — Гильзан — Внутренняя Замуа (равнина к югу от оз. Урмия-Резайе) — Парсуа — Намар (долина: р. Диялы, см. АВИИУ I, [№ 28](#), 174 и сл.). Впрочем, локализация Гильзана очень спорна.

¹⁵⁶⁾ См. И. М. Дьяконов, История Мидии, стр. 157, 162-173. Отдельные составные части Маны, судя по характеру культуры, обнаруженном недавно на городище Хасанлу на территории Маны, должны были, вероятно, представлять собой города-государства уже в конце II тыс. до н.э. См. статьи. Р. Дайсона в журнале «Archaeology» за 1960 г., № 13, 2 и 1964 г., № 17, 1.

¹⁵⁷⁾ Г.А. Меликишвили, Наири-Урарту, стр. 298-303; И. М. Дьяконов, История Мидии, стр. 173-175, 205 и сл.; История Азербайджана, Изд. Акад. наук. Азерб. ССР, I. Баку, 1958, стр. 28-36.

¹⁵⁸⁾ И.М. Дьяконов, История Мидии, стр. 304. В последний раз Мана — как вассальное царство, зависящее от Мидии? — упоминается под. 594/3 г. в Кн. Иеремии, 51. 27.

¹⁵⁹⁾ Возможно, впрочем, что Этну было в это время просто общим географическим обозначением, вроде Наири, Хабхи и т.п.

¹⁶⁰⁾ Следует решительно отказаться от дурной традиции передавать по-русски все названия, встречающиеся в урартских надписях, в том падеже, в каком они случайно употреблены в тексте; в местном (Биайна, вместо **Биаинели**), в родительном (Забахаэ вместо **Забаха**), в притяжательной форме или форме с артиклем (Хушани, вместо **Хуша**) и т.п.

- ¹⁶¹⁾ См. Г.А. Меликишвили, К истории грузинского народа, стр. 112-115, 209 и сл.
- ¹⁶²⁾ См., например, Б. Б. Пиотровский, Археология Закавказья, Л., 1949.
- ¹⁶³⁾ С.М. Бациева, Борьба между Ассирией и Урарту..., стр. 18-19.
- ¹⁶⁴⁾ См. карту в кн.: М. И. Максимова, Античные города юго-восточного Причерноморья, стр. 23.
- ¹⁶⁵⁾ С. М. Бациева, ук. соч., стр. 20-21.
- ¹⁶⁶⁾ Ксенофонт, Анабасис, V, 5, I. Сведения относятся к концу V в. до н.э., но, вероятно, могут быть отнесены и к VIII—VI вв. до н.э. См. М.И. Максимова, ук. соч., стр. 143-144.
- ¹⁶⁷⁾ Вооружение — характерный хеттско-хурритский гребенчатый шлем, копья, круглые или восьмеркообразные щиты; одежда — короткая рубаха и короткая же юбочка-препоясание. Длинные одежды ассирийского типа и ассирийские шлемы-шишаки появляются с VIII в. до н.э. См. С.М. Бациева, Борьба между Ассирией и Урарту, стр. 25.
- ¹⁶⁸⁾ Н.Б. Янковская, Некоторые вопросы экономики ассирийской державы, «Вестник древней истории», 1956, № 1, стр. 28-46.
- ¹⁶⁹⁾ См. об этом Б. Б. Пиотровский, Ванское царство, гл. IX, особенно стр. 137 и сл. и ср. И. М. Дьяконов, К вопросу о судьбе пленных в Ассирии и Урарту, «Вестник древней истории», 1952, № 1, стр. 97.
- ¹⁷⁰⁾ И. М. Дьяконов. Некоторые данные о социальном устройстве Урарту, «Проблемы социально-экономической истории древнего мира. Сб. памяти акад. Л. И. Тюменева», М., 1963, стр. 55-65; Г.А. Меликишвили, Наири-Урарту, стр. 322-356.
- ¹⁷¹⁾ Г.А. Меликишвили, там же; его же, Некоторые вопросы истории Манейского царства. «Вестник древней истории». 1949, № 1, стр. 57 и сл. И.М. Дьяконов. История Мидии, стр. 173-175.
- ¹⁷²⁾ См. И. М. Дьяконов, К вопросу о судьбе пленных..., стр. 98, прим. 2.
- ¹⁷³⁾ И. М. Дьяконов, История Мидии, М.-Л., 1956, стр. 174-175; Г.А. Меликишвили. Некоторые вопросы истории манейского царства, «Вестник древней истории», 1949, № 1, стр. 57 и сл.
- ¹⁷⁴⁾ См. текст № 12 в кн.: И.М. Дьяконов, Урартские письма и документы, М.-Л., 1963, и комментарии к нему, там же, стр. 27 и 81-82.
- ¹⁷⁵⁾ Так, по-видимому, можно заключить по надписи урартского царя Русы II, Н.В. Арутюнян, Новые урартские надписи Кармир-блур, Ереван, 1966, стр. 38-39. Текст не вполне ясен.

[176\)](#) И.М. Дьяконов, К вопросу и судьбе пленных..., стр. 99; Г. А. Меликишвили, К вопросу о хетто-цупанийских переселенцах в Урарту, «Вестник древней истории», 1958, № 2, стр. 40-47.

[177\)](#) Надпись ассирийского царя Асархаддона (АВИИУ II, [67a](#)) сообщает: «...Не блюдушие слова Ашшура, царя богов, не чтущие моего владычества, [.....], разбойники, воры, или те, кто согрешили грехом, пролили кровь, [мятежные(?) коман]диры, областеначальники, надзиратели, правители, приказывающие — бежали в Шубрию». Далее говорится, что царь Шубрии признает свою вину перед ассирийским царем в том, что «не возвращает беглых и дезертиров». В дальнейшем, однако, выясняется ([№ 67](#), к-л), что в Шубрию бежали не столько мятежные знатные, сколько подневольные люди: захватив страну, Асархаддон «бег[лым, кото]рые оставили своих господ и бежали в Шубрию, я отрезал [...], лишил их носа, глаза и уха; чтобы никто не бегал в другую страну, возложил на них наказание... и вернул их, каждого в его страну и к их господам», — причем не только в Ассирию, но и в Урарту.

[178\)](#) Надпись Сардури II, царя Урарту (УКН, [158](#), 6-7) сообщает о Мелиде: «беглых рабов (там) скрывали, мятежными были, ни одни (урартский) царь там не появлялся». См. И. М. Дьяконов, Урартские письма и документы, М.-Л., 1963, стр. 74.

[179\)](#) М. И. Максимова. Античные города юго-восточного Причерноморья, М.-Л., 1956, стр. 131, 138-142. Ср. башни (видимо, из камня и кирпича-сырца) — жилища хурритов II тыс. до н.э., напр. в Арпахе. Такие жилища-башни и сейчас распространены в горных районах от Большого Кавказа до Курдистана.

[180\)](#) Наиболее подробно в кн.: А.Т.Е. Olmstead, History of Assyria, New York – London, 1913.

[181\)](#) Б. Б. Пиотровский, Ванское царство; Г. А. Меликишвили, Наири-Урарту.

[182\)](#) АВИИУ I, [№ 19](#).

[183\)](#) АВИИУ I, № [20](#) и [21](#).

[184\)](#) АВИИУ I, [№ 22](#), V. Sehell, Annales de Tukulti Ninip II, — roi d'Assyrie, «Bibliothèque de l'école des Hautes Études, sc. phil. et hist.», CLXXVIII, Paris, 1909.

[185\)](#) Н.В. Хазарадзе (К вопросу о восстановлении названия «страны мушков» в «Анналах» Тукульти-Нинурты II, «Восточный сборник», I, Тбилиси, 1960, стр. 88 и сл., русское и английское резюме) берет под сомнение чтение ^{KUR}mu-u[š-k]^{meš} в тексте анналов. Однако довод, что слово muški должно писаться со знаком muš-, а не mu-uš — мало убедителен, так как эти написания однозначны и свободно чередуются. Не убедили меня и географические аргументы автора, тем более, что никакой другой страны, название которой начиналось бы с mu-, в этом районе, как мне кажется, не известно. Р. Д. Барнетт считает, что мушки были переселены сюда Тиглатпаласаром I (ср. «мигдониев» Страбона, «мосхенов» Плиния?), а не были частью «страны Мушку».

[186\)](#) АВИИУ I, [№ 23](#), I, 101-11 20; III, 92 сл. Еще раньше, в первый год своего правления Ашшурнацирапал совершил поход по маршруту: Тумме — долина Киррури (на Большом Забе; здесь царь получил дань: Гильзана и Хубушкии) —

горные склоны над Приурмийской равниной — горные области Хабхи, а затем второй поход в горы между долиной Большого Заба и озером Ван, откуда он спустился в Кадмухи. АВИИУ I, [№ 23](#), I, 43 и сл.; ARAB I, 440-442.

[187](#)) Дирриа локализуется «между горой Амадани и горой Арканья», то есть в районе совр. Аргана-Маден — Аргана; Нирбу находилась где-то поблизости, но уже «в горах Кашияри», или «у подножья горы Ухира». Мы склонны локализовать ее к юго-западу от Аргана-Маден.

[188](#)) АВИИУ I, [№ 24](#).

[189](#)) Подробно о походах Салманасара III на Урарту и Армянское нагорье см. также Б.Б. Пиотровский, Ванское царство, гл. IV. Даты Б.Б. Пиотровского расходятся с нашими в среднем на два года.

[190](#)) АВИИУ I, [№ 27](#), I, 14-27; [№ 29](#), [№ 31](#); [№ 33](#).

[191](#)) АВИИУ I, [№ 27](#), II, 30 и сл.; [№ 28](#), 35 и сл.; [№ 29](#); [№ 33](#).

[192](#)) См. стелы ассирийских наместников — эпонимов 838 и 799 гг. до н.э. W. Andrae. Die Stelenreihen von Assur, Leipzig, 1913, 39 и 43; АВИИУ I, [№ 40](#) д, е.

[193](#)) АВИИУ I, [№ 28](#), 52 сл.; [№ 29](#): №31.

[194](#)) ARAB I. 636.

[195](#)) ARAB I. 638.

[196](#)) АВИИУ I, [№ 31](#); ARAB I, 572, 660-662; 686, ср. 688-690.

[197](#)) АВИИУ I, [№ 28](#), 141 сл.; ARAB I, 584.

[198](#)) Походы 831, 830 и 829 гг. до н.э., АВИИУ I, [№ 28](#), 159 и сл.; ARAB I, 586-588.

[199](#)) ARAB I, 610-611. Разумеется, ассирийские анналы подают это поражение как победу. Однако Салманасар III был вынужден прекратить на некоторое время свои походы в Сирию.

[200](#)) В 847 г. на Гургум, в 839, 834 и 832 г. на Куэ и Тарсус, в 836 г. на Табал, где Салманасар получил «дары 24 царей Табала», в 835 г. на Лаллу, царя Мелида, где был взят город Уэташ; в 849, 847, 846, 845 против Северносирийского союза), 842, 841, 840, 838 и 830 г. в Сирию. См. ARAB I, 567-585; 651-663; 667-668; 672; 681-682. Для хронологии походов Салманасара III см. также АВИИУ I, [№ 39](#).

[201](#)) См. список эпонимов, АВИИУ I, [№ 39](#).

[202](#)) Г.А. Меликишвили (Наири-Урарту, стр. 201 и сл.) высказывает догадку, что после Араму власть в Урарту захватила новая (муцацирская) династия, сделавшая своей столицей Тушпу (совр. Ван).

[203](#)) Значительную часть времени правления Ишпуини царствовал совместно со своим сыном Минуа.

²⁰⁴⁾ Так, Гильзан отныне исчезает из истории. В 822/1 г. ассирийцы попытались нанести в этом районе контрудар, АВИИУ I, [№ 31](#).

²⁰⁵⁾ [УКН, 19](#) (Келяшинская билингва Ишпуини и Минуи).

²⁰⁶⁾ [УКН, 24](#).

²⁰⁷⁾ Помимо этого, Ишпуини и Минуа отразили наступление племен Витеру, Луша и Катарза в союзе с «царями этивскими» на верхнюю долину Арацани, УКН, 20-23. {см. [20](#), [21](#), [22](#), [23](#).}

²⁰⁸⁾ [УКН, 28](#).

²⁰⁹⁾ Как известно, в Ассирии годы датировались по выполнению тем или иным должностным лицом культовой функции **лимму** (эпонима). Эпонимом 838 г. был наместник Наири, Амеда, Синабу, Сухму, Маллану и Алзи, то есть левобережья верхнего Евфрата. Эпонимом 799 г. также был наместник этих же областей, очевидно, составлявших одну провинцию. Однако эпоним 768 г., бывший, — очевидно, последовательно, так как в отличие от упомянутых выше, его провинции не примыкают друг к другу, — наместником Замуа в горах Загра, Амеда и (позже) Ашшура, уже не упоминает Наири и Сухму в составе своего второго наместничества. Завоевание Алзи Минуей упомянуто в надписи [УКН 28](#), которую, тем самым, следует датировать временем после 799 г. до н.э.

²¹⁰⁾ [УКН, 28](#). О значении «Хате» в этом контексте см. в следующей главе.

²¹¹⁾ Г.А. Меликишвили, Наири-Урарту, стр. 245; [УКН, 42](#).

²¹²⁾ УКН, [40](#), [41](#).

²¹³⁾ Г.А. Меликишвили, Наири-Урарту, стр. 245.

²¹⁴⁾ [УКН, 39](#).

²¹⁵⁾ УКН, [36](#), [37](#). Последняя надпись, найденная в селе Зивин около Эрзурума, была воздвигнута на месте дайаэнского города Шашилу и, по-видимому, обозначает примерную границу между Урарту и Дайаэни; последнее царство, таким образом, имело владения не только в долине Чороха, но и, подобно своей предшественнице Хайасе, в верховьях Евфрата. Ко времени Минуи или Аргишти I вероятно относится и сооружение урартской крепости на городище Алтын-тепе около Эрзинджана.

²¹⁶⁾ [УКН](#), 30-35.

²¹⁷⁾ Обоснование датировки Г.А. Меликишвили см. Урартские клинообразные надписи, стр. 242-246; обоснование датировки И.М. Дьяконова — в рецензии на кн: Г.А. Меликишвили, Наири-Урарту, «Вестник древней истории», 1956, № 2, стр. 68-71. См. также критику оснований для обеих реконструкций хронологии Аргишти I в кн.: Б.Б. Пиотровский, Ванское царство, стр. 67-68. Однако последовательность событий первых четырнадцати лет царствования Аргишти (или тринадцати, так как возможно, что текст, относимый Г.А. Меликишвили ко второму году его правления, в действительности относится к первому) установлена с

достоверностью. Ниже мы даем двойную дату для событий правления Аргиштин I — по Г. А. Меликшвили и в скобках по И.М. Дьяконову.

[218\)](#) [УКН, 127. II](#). 5-24.

[219\)](#) Туате упоминается и в «хеттских иероглифических» надписях как сын мелидского царя Сулумела, см. R.D. Barnett, Karatepe, the Key Hittite Hieroglyphs, "Anatolian Studies"; III, 1953, стр. 90 и сл.

[220\)](#) К югу от Мелида, по-видимому, был совершен только набег, которому сами анналы не придают большого значения. Южная точка набега определяется упоминанием г. Пити[ра]. вероятно тождественного с ассирийск. Питура, лежавшим в Диррии ([АВИИУ I, № 26](#), стр. 292).

[221\)](#) УКН, [№ 128 A 2](#); [138](#).

[222\)](#) [УКН, № 127, II](#), 2 и сл.; [128 B 1](#).

[223\)](#) [УКН, № 128, A 1](#).

[224\)](#) Северная часть долины Чороха, видимо, перешла в руки Колхиды, следствием чего, вероятно, и явилось второе(?) продвижение грузиноязычных племен в Понт (первое имело место, быть может, еще в XII в. до н.э.). Тогда же (или позже, при падении Урарту) халибы-халдайцы проникли в верхнюю часть долины Чороха и даже Евфрата, в район совр. Эрзурума, так как впоследствии, по Страбону, они жили от этого района (XI, 4, 5) до совр. Гиресуна (Фарнакии в Понте, XII, 3, 18). Урарты, видимо, еще при Аргишти I или позже, в начале VII в. до н.э., захватили южную часть Дайаэни, с перевалом из долины Евфрата в долину Чороха, иначе они вряд ли могли бы в VII в. до н.э. воевать с халдайцами за Евфратом ([УКН, № 278](#)).

[225\)](#) До Бабилу, [УКН, № 127, III](#), 11 в 781 [775] г. до н.э.). Бабилу — низовья р. Диялы; менее вероятно — район вавилонской колонии в глубине Мидии (Э.А. Грантовский).

[226\)](#) Анналы ассирийского царя Тиглатпаласара III называют верхний Евфрат границей Урарту, ARAB I, 769.

[227\)](#) [УКН, 158](#). Именно в связи с этим походом в анналах Сардури II говорится о том, что в Мелиде укрывали беглецов.

[228\)](#) Надпись так сообщает об этом походе: «Я явился (?) среди ополчения перед г. Тумешки и в тот же день выступил на страну (Мелитеа)... страну Кала'а я подчинил(?), дошел до горы Карниши у(?) города Мелитеа, дошел до горы Муша (связана с этнонимом мушков?? — И.Д.) и города Цапша... 14 крепостей и 100(?) селений за один день захватил, — крепости разрушил, селения сжег, 50 боевых колесниц забрал; с боем повернулся я, осадил Саси, царский город (центр административной области, — И.Д.) Хиларундаса, который был укреплен, взял его штурмом, стада, мужчин и женщин оттуда увел... После этого он вынудил(?) меня, чтобы я окружил Мелитеа. Пришел Хиларундас ко мне, пал ниц, обнял мои колени, я его помиловал. Унес золото, серебро, а скот и имущество увел в Бианели, его же самого подчинил дани. 9 крепостей отторг и присоединил к моей стране: Хаза, Гаурахи, Тумешки, Аси, Манину, Аруши, Кульбитарри, Таше, Куэраи-

таше, Мелуйа». Из текста не видно, чтобы Сардури II переходил через Евфрат; к тому же крепости Таше (урартск.-хурритск. «дар») и Куэраи-таше (урартск. «дар [урартского бога] Куэры») показывают, что мы здесь находимся на хуррито-урартской, а не на лувийской территории; Мелуйа, может быть, связана с урартским названием Евфрата — Мелиа, а Гаурахи, возможно, отождествляется с позднейшей областью Гаврэк, которую С.Т. Еремян также локализует на левобережье.

[229\)](#) [УКН, 155](#) Е, 36-37.

[230\)](#) Речь идет о городе Унта, который Г.Л. Меликишвили справедливо отождествляет с городом Уэташ, который при Салманасаре III принадлежал Лалле, царю Мелида (АВИИУ I, [28](#), [52](#), и сл.; в переводе ошибочно «Гаэташ»).

[231\)](#) Существует очень прочно держащееся мнение, что имя Кушташпили (в анналах Тиглатпаласара III — Кушташпи), как и имя другого куммухского царя, упоминаемого Салманасаром III, — Кундашпи — иранские, и соответствуют Vištāspa и Vindāspa. Однако это предполагает переход из v в g(k), который совершился в иранских языках более чем на тысячу лет позже. Вероятнее, что оба имени — малоазийские, с элементом pī, широко распространенным в именах этого района в I тыс. до н.э.

[232\)](#) E.F. Weidner, Der Staatsvertrag Aššurniraris IV. von Assyrien mit Matti'ilu von Bit-Agusi, "Archiv für Orientforschung", VIII, 1932, стр. 17 и сл.

[233\)](#) A. Dupont-Sommer, Les inscriptions araméennes de Sfiré, Paris, 1958. В надписи страна названа **КТК**, но отождествление ее А. Дюпон-Соммером с Каску вполне убедительно. Арамейское **т** (собственно междузубный звук) нередко соответствует вавилонскому **ш** и ассирийскому **с**. Нет необходимости считать имя каскского царя арамейским и этимологизировать его как «сын Гайи»: арамеи не засвидетельствованы так далеко на севере. С тем же успехом это имя можно этимологизировать из индоевропейского (от bhrǵ'h-, ср. армянск. բարձր хеттск. parkus «высокий») или из какого-либо другого языка.

[234\)](#) В том числе и Каманас, царь Каркемиша, R.D. Barnett, Kara-tepe, the Key to Hittite Hieroglyphs, «Anatolian Studies», III, 1953, стр. 92.

[235\)](#) E. Forrer, Die Provinzeinteilung des Assyrischen Reiches, Leipzig, 1921, стр. 40.

[236\)](#) И.М. Дьяконов, Некоторые данные о социальном устройстве Урарту, «Проблемы соц.-эк. истории древнего мира», М., 1963, стр. 56 сл.

[237\)](#) См. И. М. Дьяконов, Развитие земельных отношений в Ассирии. Л., 1949, стр. 89.

[238\)](#) АВИИУ I, [№ 41](#); ср. [№ 42](#), 23 и сл.

[239\)](#) АВИИУ I, [№ 42](#).

[240\)](#) Последняя сводка материала и исследование в кн.: Б.Б. Пиотровский, Ванское царство, гл. VII. Там же литература вопроса.

[241\)](#) Высказывалось предположение (Б.Б. Пиотровский, ук. соч, стр. 92), что Руса I вновь пытался вторгнуться в Месопотамию. Это предположение основано на сопоставлении упоминаемых в Цовинарской надписи этого царя ([УКН, 266](#)) стран Зама(ни), Алзира(ни) и Гуркумели с ассирийск. Бит-Замани (Амед), с Алзи и с Гургумом. Однако нет никаких оснований считать, что урарты утратили контроль над Алзи в царствования Сардури II, а название Бит-Замани — название династии, уже с первой половины IX в. до н.э. не существовавшей, а не страны. По-видимому, все 19 «стран» Цовинарского списка покоренных Русой областей находились восточнее Севанского озера. Их названия по своему типу относятся к группе «этивских» топонимов, но в самом Севанском районе вряд ли найдется место для 19 «стран», сверх 5-6 уже известных здесь помимо этого списка.

[242\)](#) Поход на Малоазийский Тавр и передача табальского города Шинухту Матти, царю Атуны (за Тавром), ARAB II, 7; 37.

[243\)](#) ARAB, II, 16-18. Союз Фригии и Урарту заключен был не сразу. Известно, что Мидас выдал Ассирии сирийских послов, пытавшихся пробиться в Урарту окольным путем через Фригию.

[244\)](#) Анналы и другие надписи Саргона II упоминают о союзе Писириса, царя Каркемшиа, с Фригией под 717 г. (ARAB II, 8), Хулли, царя Табала, и его сына Амбариса — с Фригией и Урарту под 713 г. (ARAB II, 24-25, 55, 118), Матти, царя Атуны (западнее Табала) — с Фригией под 716 ИЛИ 713 г. (ARAB II, 214), Мугллу, «злого хетта», царя Коммагены — с Урарту под 708 г. (ARAB II, 64), но союз всех этих царств с Фригией был, вероятно, заключен одновременно, — вероятно в связи с походом Мидаса в 717 г. до н.э. к заливу Александретты, где он захватил крепости в Куэ, вновь взятые Саргоном II в 715 г. до н.э. По всей вероятности, Мидас рассчитывал выйти к Каркемишу, осажденному в это время Саргоном II.

[245\)](#) Известен областеначальник этой провинции, ассириец Ишдиаплу, C.H.W. Johns, Assyrian Deeds and Documents, II, Cambridge, 1901, № 904. 7.

[246\)](#) ARAB II, 26-29; 60-61; о Каску см. также ARAB II, 80; 99; 118.

[246a\)](#) О киммерийцах см. подробнее ниже, а также И.М. Дьяконов. История Мидии, стр. 228-266; там же о проблеме их языковой и этнической принадлежности.

[247\)](#) ARAB II, 64.

[248\)](#) АВИИУ II, [№ 59](#); ARAB II, 329, 349.

[249\)](#) Так по чтению Э. Форрера; в копии текста в издании Cuneiform; Texts In the British Museum, XXVI, табл. 1-30, V, 4 читается **Хиди**.

[250\)](#) АВИИУ II, [№ 59](#).

[251\)](#) Место первоначального плацдарма киммерийцев после их перехода через Кавказ определяется письмами ассирийского царского архива №№ 197 и 146 (АВИИУ I, 50, [10](#) и [11](#)) — сводками ассирийских разведывательных донесений. Из них выясняется, что между Урарту и страной киммерийцев (Гамир) находилась область Гурианна, очевидно, Quriāni урартской летописи Сардури II ([УКН, I55F](#), 6), которая, по-видимому, локализуется в верховьях Куры, между Чалдырским озером и совр. Ахалцихе (ср. также Г. А. Меликишвили, Наири-Урарту, стр. 61-62),

а страна Гамир, следовательно — либо в центральной Грузии, либо в совр. Аджарии и восточном Понте. Альтернативная локализация в восточном Закавказье (Г.А. Меликишвили, там же, стр. 281), основанная на упоминании страны «Гуриани» в этом районе в надписи [УКН, 266](#), маловероятна: страна, о которой идет речь, в действительности называлась не Гуриани, а **Гуриа** или **Юриа**; вполне достоверных известий о киммерийцах к востоку от Урарту нет: в письме ассирийского царского архива № 112 (АВИИУ I, [№ 50](#), 8) слова «[Страна Ман]неев» восстанавливаются без уверенности, а выражение «киммерийцы», упоминаемое в вавилоноязычных запросах к оракулу в связи с мидийским восстанием 670-х гг. (АВИИУ II, [№ 68](#); также Е. О. Klauber, Politisch-religiöse Texte aus der Sargonidenzeit, Leipzig, 1913), может быть, является общим обозначением кочевников вообще: позднее вавилоняне называли «киммерийцами» даже саков Средней Азии (например, в Бисутунской надписи). В Каппадокии «стране Гамирк'» армянских источников, киммерийцы осели, вероятно, лишь 670—650-х годах.

[252\)](#) АВИИУ I, № 50, [10](#) и [11](#).

[253\)](#) См. тексты нововавилонских хроник, АВИИУ II, №№ [63](#) и [64](#).

[254\)](#) АВИИУ II, № [65](#).

[255\)](#) До нас дошел датированный 679 г. до н.э. ассирийский юридический документ, в котором упоминается «начальник полка киммерийцев», — очевидно, пленных киммерийцев, зачисленных в ассирийскую армию. J. Kohler und A. Ungnad, Assyrische Rechtsurkunden, Leipzig, 1913, № 374; АВИИУ II, № [66](#).

[256\)](#) Г.А. Меликишвили, Наири-Урарту, стр. 314-316.

[257\)](#) Это видно из обстоятельств похода Асархаддона на Шубрию 673 г. до н.э.

[258\)](#) О союзе Русы II с киммерийцами говорит запрос Асархаддона к оракулу (АВИИУ II, [№ 68а](#)), датруемый после 675 г. до н.э.

[259\)](#) [УКН, 278](#). Как нам любезно сообщил Ю. Аро, в неизданном запросе к оракулу ВМ 99108 говорится о войне Фригии и киммерийцев против Мелида. Но, видимо, позже Фригия и Мелид объединились против киммерийцев, вступивших в союз с Урарту.

[260\)](#) АВИИУ II, [№ 68д](#). Ишкаллу табальский и «беглец» Мугаллу мелидский — несомненно независимые и враждебные Ассирии цари. Важен также перечень стран, приведенный нами в АВИИУ II, [№ 71](#), и датруемый временем между 669 и 652 гг. до н.э. Хотя этот список не имеет подразделений и подзаголовков, но ясно, что страны, помещенные в его различных частях, сгруппированы по политико-административному принципу. В начале идут несомненные провинции Ассирийской державы, а в конце — сначала независимые государства (Хилакку, Иония, **Мелид**, [...], Шибарту(?), г. Аскалон в Палестине, три государства Заиордания — Эдом, [Моав] и Аммон, затем [Египет], Мидия, [Мана] и др.), затем округа автономной Вавилонии и, наконец, области, приписанные к крупнейшим ассирийским административным должностям и освобожденные от общегосударственных налогов. Табал и Муску (Фригия) отнесены здесь к провинциям — очевидно, это результат их разгрома в 675 г. до н.э.: надо полагать, что Ассирия им воспользовалась для территориальных приобретений. Позже Мугаллу мелидский присоединил к своему царству, возможно, и Табал:

«Мугаллу, царь Табала», независимый от Ассирии правитель, хотя и прибегающий к ее помощи (от киммерийцев?), упомянут в 650-х годах до н.э. в анналах Ашшурбанапала (АВИИУ II, [№ 74](#)). Предполагаю, что это то же лицо.

[261](#)) Ассирийцы несомненно были заинтересованы в гибели Фригии и, судя по запросам к оракулу, в эти же годы вели военные действия в тех самых областях, которые только и могут иметься в виду под «Хате» надписи Русы II ([УКН, 278](#)). Однако вышеупомянутый запрос Асархаддона к оракулу о киммерийцах рассматривает и их, и Урарту как потенциальных врагов Ассирии, что, конечно, не противоречит предположению о временном ее союзе с ними; по всей вероятности, в вопросе о киммерийцах политика держав менялась в зависимости от конкретной обстановки.

[262](#)) Греки Малой Азии датировали события прошлого «до киммерийского вторжения» и «после киммерийского вторжения», точно так же, как «до Троянской войны» и «после Троянской войны». Ряд городов Ионии сильно пострадал от набегов киммерийцев. Поздние греческие источники дают для падения Фригии дату либо 696, либо 675 г. до н.э. См. литературу в кн.: Г.А. Меликишвили, Наири-Урарту, стр. 314 и сл.; И.М. Дьяконов, История Мидии, стр. 234 и сл.

[263](#)) См. Кн. Иезекиила, 32, 26-27. Из этого места, по-видимому, следует, что и Табал разделил судьбу Фригии (Мешека). Но это, во всяком случае, было позже — возможно, уже в связи со скифским нашествием или с экспансией Лидии, так как мы уже говорили, что независимый царь Табала (и Мелида?) упоминается еще в анналах Ашшурбанапала.

[264](#)) Причиной решительного вмешательства Асархаддона в дела Шубрии, как указывает его собственная реляция, был тот факт, что туда бежала мятежная ассирийская знать; по-видимому, речь идет о братьях Асархаддона и их сторонниках, участниках убийства его отца Синаххериба; в Библии (2 Кн. Царей [4 Царств], 19, 36-37) указано, что они бежали в Урарту, но Б.Б. Пиотровский, на основе анализа армянской легендарной традиции, сохраненной у Моисея Хоренского (I, 23), пришел к заключению, что они бежали в Сасунские горы (Ванское царство, стр. 127), то есть в Шубрию. Другой причиной ассирийского вторжения, конечно, было то обстоятельство, что в Шубрии скрывались беглые рабы и обязанные повинностями земледельцы.

[265](#)) АВИИУ II, [№ 67](#).

[266](#)) См. хурритские имена шубрийских царевичей в этом тексте. Интерес представляет описание шубрийской царской короны, сделанной из золота наподобие кожи льва.

[267](#)) АВИИУ II, [№ 73](#) в конце.

[268](#)) Поскольку археологически «скифская культура» Причерноморья начинается только с середины VII в. до н.э., постольку вторгшиеся в Азию скифы были с археологической точки зрения «до-скифским», «киммерийским» племенем; с другой стороны, нет никаких данных в пользу предположения, что реальные киммерийцы, которых мы знаем в Передней Азии VIII—VII вв. до н.э., говорили на другом языке по сравнению со скифами (а скифы говорили по-дрвнеирански). Поэтому мы предполагаем, оба вторжения — киммерийцев и скифов — были совершены двумя отдельными племенами одного и того же этно-культурного

массива. По устному сообщению, того же мнения придерживается В.И. Абаев. Фракоязычными, вероятно, были только союзники киммерийцев, треры, пришедшие в Малую Азию непосредственно с Балкан. При этом мы не предпрещаем вопроса о том, какой этнос греки называли «киммерийцами» в самом Северном Причерноморье.

[269\)](#) См. подробно Б.Б. Пиотровский, Ванское царство, гл. VIII и XIII; И.М. Дьяконов, История Мидии, гл. III.

[270\)](#) Моисей Хоренский, I, 23. Трудность этого отождествления состоит в том, что форма имени **Паруйр** предполагает исходную парфянскую форму **Parōd** (см. Г.Л. Капанцян, Хайаса — колыбель армян, стр. 150), которую нелегко возвести к древнеиранскому ***Paratatava**. Следовательно, либо эта легенда вовсе не связана с Партатуа, либо с воспоминаниями о последнем было каким-то образом сопоставлено более позднее имя парфянского происхождения. Через парфянское посредство эта легенда до Моисея Хоренского дойти не могла, так как у парфян вряд ли сохранялась своя традиция о временах столь давних и о событиях, не имевших к ним самым прямого отношения. Если же традиция о скифе Партатуа сохранялась у самих армян, то следует еще объяснить, как его имя было заменено похожим, но все же другим и более поздним именем. Вопрос о происхождении имени «Паруйр, сын Скайорди» и легенды, связанные с этим именем, нуждается в дальнейших исследованиях.

[271\)](#) Об этом можно заключить косвенным образом, см. И. М. Дьяконов, История Мидии, стр. 285 и сл.

[272\)](#) Страбон, I, 3, 21. Здесь Мадий ошибочно назван киммерийцем, а киммерийцы — трерами; но ср. Геродот, I, 104.

[273\)](#) АВИИУ II, [№ 72](#), X, 40-50; [№ 79](#) (письмо ассирийского царского архива № 1242).

[274\)](#) Поскольку Хубушкиа не имеет большого значения для темы настоящей работы, мы очень мало касались ее истории; подробнее см. Г.А. Меликишвили, Наири-Урарту, стр. 234-235.

[275\)](#) См. об этом D.J. Wiseman, *Chronicles of Chaldaean Kings (626—556 B.C) in the British Museum*; London, 1956.

[276\)](#) Геродот, I, 105; сюда же, вероятно, Кн. Иеремии, 5, 15-18 и 6, 22-25; ср. название Скифополя, которое впоследствии носил палестинский город Бет-Шеан, а также находки скифских наконечников стрел в Палестине, куда они не могли быть занесены мидянами, хотя те тоже пользовались стрелами скифского типа. См. Б.Б. Пиотровский, Ванское царство, стр. 238-239.

[277\)](#) Это видно из «Хроники Гэдда», описывающей годы перед падением Ассирии, и по действиям иудейского царя Иосии, как они описаны во 2 Кн. Царей [4 Царств] и 2 Кн. Паралипоменон [Хроник]. См. D.J. Wiseman, ук. соч.; И. М. Дьяконов, История Мидии, стр. 302-304.

[278\)](#) На это указывает упоминание некоей страны «династии Ханунии», — области Урарту, представлявшей отдельную политическую единицу, — в «Хронике Уайзмана», D.J. Wiseman, ук. соч., стр. 65.

[279\)](#) I, 21.

[280\)](#) Б.Б. Пиотровский, Ванское царство, стр. 126-127. Б.Б. Пиотровский предполагает при этом союз армян со скифами. Его мнение принято и многими другими исследователями.

[281\)](#) Различные мнения по этому поводу см. в работах: Б.Б. Пиотровский, Ванское царство, стр. 116; [И.М. Дьяконов, Последние годы урартского государства](#), «Вестник древней истории», 1951, № 2, стр. 29-39, B. Landsberger und Th. Bauer, „Zeitschrift für Assyriologie“, N. F., 3, стр. 80 сл.

[282\)](#) См. об этом [И.М. Дьяконов, Последние годы урартского государства](#); его же, История Мидии, стр. 298-306; работа В. А. Белявского, Война Вавилонии за независимость (627—605 гг. до н.э.) и гегемония скифов в Передней Азии, «Исследования по истории стран Востока», Л., 1964, стр. 93-128 содержит наиболее полное изложение событий этого периода, но выводы автора нуждаются в критическом отношении. По мнению А. Белявского, которое мы не можем разделить, мидяне завоевали Ассирию, будучи сами в подчинении у скифов (!); последние осели будто бы в районе Ашшура и Ниневии. При этом автор различает «большое» царство скифов («Умман-манда», что, по нашему мнению, в позднеавассирийских текстах всегда означает только Мидию), и подчиненное ему «малое» царство скифов (ассир. Ашкуза, др.-еврейск. Ашкеназ) где-то в Азербайджане. С нашей точки зрения, источники не дают оснований для подобных выводов.

[283\)](#) Б.Б. Пиотровский, Кармир-блур I, Ереван, 1950, стр. 21.

[284\)](#) Кн. Иеремии. 51, 27-28. На Ближнем Востоке еще долго термином «Урарту» обозначали Армянское нагорье вообще; см. об этом подробнее в следующей главе.

[285\)](#) За пять лет до затмения, астрономически надежно датированного 585 г. до н.э. (Геродот. 1, 74).

[286\)](#) Кн. Иезекиила была написана между 593 и 571 гг. до н.э.; так как глава 32 датируется 590 г., а глава 40 — 577 г., то, очевидно, главы 38-39, посвященные мидийско-лидийской войне, вполне могут быть датированы 590—585 гг., как этого требует и сообщение Геродота. См. O. Eissfeldt, Einleitung in das Alte Testament, 3. Ausg., Tübingen; 1964, стр. 494-495, 501 и 505

[287\)](#) Кн. Иезекиила, гл. 38-39. Речь идет об ожидавшемся вторжении «Гога» в Сирию и Палестину («Гог» здесь — иносказательное обозначение царя Лидии Алиатта, по имени основателя династии, Гога. которого ассирийцы называли Гуггу, а греки — Гигом, Gyges).

[288\)](#) Читать PTRS(!), KWS W-PWT «Верхний Египет, Эфиопия и Судан».

[289\)](#) Выражение «Дом Тогармы», видимо, следует понимать как «Тогармская династия».

[290\)](#) Геродот, I, 72-74; 106. О позднейшей (557/6 г. до н.э.) войне Вавилонии и Киликии см. D. J. Wiseman, Chronicles of Chaldaean Kings, стр. 39 и сл., 74 и сл.

[291\)](#) Более вероятно, что Тиль-Гаримму тождественно с горой Талигариму или Тарикариму, упоминаемой в хеттских текстах, возможно, в каком-то пограничном районе. См. V. Souček, Die hethitischen Feldertexte, «Archiv Orientalni», 97, 1955, стр. 302.

[291a\)](#) Не ее ли же поздневавилонская хроника называет «домом Ханунии»?

[292\)](#) Семитско-хурритское имя носил первый известный нам царь Мелида, Или-Тешуб.

[293\)](#) Ксенофонт, Киропедия, II, 4, 12; III, 3, 5.

[294\)](#) Поскольку далее говорится о подчинении армянского царя еще его отцу, постольку имя Киаксара, несомненно, является ошибкой: речь может идти только об Астиаге, так как именно Киаксар впервые завоевал Армянское нагорье и воевал с Лидией; лишь при этих обстоятельствах, а также при уничтожении Киаксаром Урартского царства могли возникнуть союзно-подчиненные отношения нового Армянского царства с Мидией. Кир также был младшим современником Астиага, царя Мидии (585—550 до н.э.), а не Киаксара (625—585 до н.э.).

[295\)](#) Имя это иранское и засвидетельствовано в ахеменидском царском доме. Насколько оно достоверно в данном случае (Ксенофонт нередко просто придумывал подходящие, с его точки зрения, имена для своих персонажей), зависит от того, взято ли то же имя «Тигран», упоминаемое у Моисея Хоренского, из греческих источников, восходящих в конечном счете к тому же Ксенофону, или из армянской эпической традиции, которой Моисей, быть может, тоже здесь пользуется. Для середины VI в. до н.э. иранское имя у армянского царевича похоже на анахронизм. То же верно в отношении имени его отца, которого, по Моисею Хоренскому, звали Еруандом (древнеиранск. **Арванта** или, скорее, **Райаванта** через среднемидийское **Арёванд**).

[296\)](#) Канва истории армян начального периода, как ее рассказывает Моисей Хоренский, выглядит следующим образом:

Во времена правления в Вавилоне Бела (имя вавилонского бога, ошибочно принятое за имя царя одним из греческих историков) от него отложился Хайк (предок-эпоним армянского народа), сын Торгома и потомок библейского Яфета, сына Ноя, героя библейского же мифа о потопе. (Здесь явная попытка согласовать происхождение армян с Библией, в частности, с «перечнем народов» в главе 10 Книги Бытия; однако возникает вопрос — каким образом Моисей Хоренский или его источники правильно отождествили Торгом — библейскую Тогарму — с Малой Арменией, поскольку текст Библии не дает указаний на локализацию? Дело ли это ранних библейских комментаторов, использованных Моисеем или его источниками, или же следы собственной армянской традиции, сохранившей свои собственные воспоминания о «Доме Тогармы»?.) Далее перечисляются ряд потомков Хайка — предков-эпонимов различных местностей и родов древней Армении. Много места уделяется подвигам мифического Арама (I, 5, 12-14, 20), якобы победившего некоего конника и предводителя мидянских юношей, Ниукара Мадеса (I, 13 — реминисценция о Мадии, вожде скифов, ср. Геродот, I, 73?) и покорившего Ассирию. Затем говорится об Ара, сыне Арама, погибшем в борьбе с Семирамидой (I, 15-18), имя которой передано в такой форме (Шамирам), что она указывает на происхождение легенды скорее из местной, чем из греческой традиции. Семирамиде Моисей приписывает все

памятники урартской культуры. После этого Моисей Хоренский параллельно перечисляет библейских патриархов, ассирийских царей (ошибочный список, взятый у византийского историка Евсевия!) и армянских патриархов от Ара Прекрасного, который, видимо — древнеармянское божество или эпический герой. Последние два списка оканчиваются соответственно Сарданапалом и Скайорди (I, 19). О сыне Скайорди, Паруйре, Моисей говорит, что он «получил немалую помощь от мидянина Варбака и отнял у Сарданапала его царство», а также стал первым армянским царем (I, 21). Сарданапал как последний ассирийский царь и Варбак (Арбак) как первый царь Мидии принадлежат легенде, пущенной в ход греческим писателем V в. до н.э. Ктесием и переданной Евсевием — в этом сообщении нет истины, но имя Паруйра и какие-то легенды, связанные с ним как с первым, кто принял царский титул из армянских царей, может быть, принадлежат собственно армянским преданиям.

[297](#) См. о них И. М. Дьяконов, История Мидии, стр. 353-354.

[298](#) Отождествление его с Астиагом, царем Мидии, ошибочно и основано на случайном созвучии, но хронологически время легендарного Тиграна I действительно должно было бы совпадать со временем Астиага.

[299](#) Однако они возникли, конечно, не в результате победы Тиграна I над Мидией — эта победа принадлежит легенде, — а, очевидно, в результате завоевания восточного Закавказья Мидией в ходе войны с Урарту или Скифским царством. О проживании здесь мидян можно косвенно заключить и из Геродота (I, 104).

[300](#) Список армянских царей после Тиграна у Моисея Хоренского тоже недостоверен, так как он начинается с Вахагна, победителя дракона, то есть иранского божества Веретрагны (форма имени — поздняя, среднеиранская), а среди дальнейших имен большинство — явно парфянские, то есть тоже гораздо более поздние.

[301](#) Геродот I, 134; ср. «царей мидян» (во множественном числе) в Кн. Иеремии. 25, 25; 51, 11 и 28.

[302](#) Аргументацию этого предположения см. И.М. Дьяконов, История Мидии, стр. 354.

[303](#) Там же, стр. 343 и сл., 355.

[304](#) Как мы увидим ниже, таково, по-видимому, было обозначение XIII сатрапии у вавилонян. Однако и для греков «мелиттеняне» было этническим обозначением одного порядка с такими терминами как «фракийцы», «фригийцы», «сирийцы», «лудяне», «скифы» и т.п., то есть, очевидно, относилось не к одной только долине Малатьи, а к целой значительной стране с особым этносом. Как нам указала А. Г. Периханян, раб-«мелиттенянин» упоминается наряду с рабами-фракийцами, сирийцами, лидянами, колхами и т.п. в числе рабов, составлявших часть конфискованного в 414 г. до н.э. и проданного с торгов имущества осужденных афинских граждан, см. W.K. Pritchett, *The Attic Stelai*, I, «Hesperia», XXII, 4 (1953), стр. 242, № 1, 48; II, «Hesperia», XXV, 3 (1956), стр. 280.

[305](#) По данным Страбона (XII, 14, 15), сатрапская династия Оронтидов (Еруандидов) происходила от Видарны, одного из соратников Дария I в совершенном им государственном перевороте. Однако Моисей Хоренский делает

Еруанда отцом своего Тиграна I. Конечно, может быть, это одна из патристических легенд, частых у Моисея, и продиктована нежеланием признавать иноземное происхождение тех или иных правителей родной страны; однако нет ничего невероятного и в том, что Оронтиды (Еруандиды), сатрапы армянско-алародийской (XVIII) провинции Ахеменидской державы, действительно были в родстве со старым армянским царским домом.

³⁰⁶⁾ Говорить об армянском «союзе племен» (Б.Б. Пиотровский, «Ванское царство», стр. 117) в этот период, когда Армянское нагорье уже имело полутысячелетнюю классовую историю, трудно, — разве что если считать, что в VII в. предки армян были кочевниками, вроде скифов, или отсталыми горцами, вроде мосиноиков в Понте. Но в Понте тогда еще не сложилось классовое общество, несомненно давно уже существовавшее в Малой Армении, единодушно считающейся родиной армянского народа.

Глава III.

Образование армянского народа

1. Этнический состав населения Армянского нагорья в начале I тыс. до н.э.

Мы начали с характеристики этнического состава населения Армянского нагорья и окрестных стран в III—II тыс. до н.э.; теперь следует попытаться охарактеризовать этнический состав населения на той же территории в начале I тыс. до н.э. Как и прежде, мы остановимся главным образом на языковых признаках этноса, как более существенных, чем антропологические, и менее расплывчатых, чем культурно-исторические.

Языковая ситуация в начале I тыс. до н.э. Отчасти мы встречаемся и теперь с теми же языковыми элементами, что и раньше. Так, горы Иранского Азербайджана и Курдистана занимали в значительной мере потомки тех же кутиев, которые жили здесь и в III тыс. до н.э.;¹⁾ однако и в Иранском Азербайджане и на всем нагорье Ирана были уже распространены также новые, — иранские языки. Хотя эти языки — в том числе самый северный из них, язык мидян (в армянских источниках — **медаци или мар**²⁾) — [190] принадлежат к той же ветви индоевропейских, что и «месопотамско-арийский», или «западноиндоевропейский», который мы встречали во II тыс. до н.э., однако к другой подгруппе, и поэтому их следует рассматривать как новые для данной территории. Возможно, они проникали и на Армянское нагорье³⁾, но не оставили здесь стойких лингвистических следов. Появление их в Иранском Азербайджане датируется различно — от XI—X до VIII—VII вв. до н. э.⁴⁾

Центр Армянского нагорья и верхнюю долину Большого Заба занимали урарты; родственные им хурриты прослеживаются в отдельных районах по южной и западной периферии нагорья, возможно, от Урмийского озера до долины р. Чорох. В Сирии и Месопотамии хурриты как таковые исчезли в XI—IX вв.: население здесь арамеизовалось по языку в связи с мощным проникновением кочевых арамейских племен на эти земли в начале XI в., а затем вследствие ассирийской политики насильственных переселений и перемешивания этнических групп. К VII

в. до н.э. арамейский в значительной мере вытеснил уже и аккадский язык в быту населения Месопотамии⁵⁾.

Западнее, в долине верхнего Евфрата, а также в Киликийском Тавре, горной Киликии и в отдельных районах Северной Сирии следует предполагать лувийское («хеттское иероглифическое») население. В Малой Азии сохранились анатолийские языки [191] также о долине р. Герма-Гедиза (лидийский), в долине р. Меандра-Мендереса и южнее (карийский) и на полуострове Ликия (ликийские диалекты, близкие лувийскому). Языки писидийцев и каппадокийцев («белых сирийцев») неизвестны, кроме собственных имен; видимо, и они принадлежали к анатолийским.

Восточный Понт, Колхида, западное и частично центральное Закавказье были заняты грузиноязычными племенами — халдайцами, колхами, саспирами и другими, часть которых упоминается в урартских⁶⁾ и греческих источниках⁷⁾. По-видимому, языки абхазо-адыгской группы были уже оттеснены на север, на территорию их нынешнего распространения, хотя не исключено, что в области Каску, в это время расположенной, видимо, в верховьях Галиса и в долине Лика (?), мог сохраняться старый каскский язык, если только каски не рассосались среди более многочисленного автохтонного элемента, а также пришлых («халибских») элементов из числа вторгавшихся в восточную Малую Азию в XII в. до н.э. вслед за касками.

На всех побережьях Малой Азии существовали теперь греческие колонии, а эгейское побережье полуострова было сплошь заселено греками — эолийцами, ионянами и дорийцами. На побережье Киликии жили также финикийцы.

Новым этническим элементом явились и носители языков фрако-фригийской группы. В Малой Азии к ним принадлежали прежде всего фригийцы, центром территории которых была долина р. Сангарий-Сакария и центральноанатолийская равнина, но их надписи встречаются и на территории, ранее занятой хеттским языком⁸⁾, а археологические памятники — даже [192] в Понте (Акатан), в Киликийском Тавре (Эльбистан) и на правобережье верхнего Евфрата (Малатья)⁹⁾. «Малой Фригией» античные источники называют область между р. Сангарием и Мраморным морем.

Северо-западный угол Малой Азии был занят мисами говорившими на фригийском диалекте, находившемся под сильным влиянием лидийского¹⁰⁾, а западная часть черноморского побережья Малой Азии, начиная с Босфора — фракийским народом битинов (вифинов), позже других переселившихся с Балкан. Восточнее их жили мариандины и пафлагоняне, этническая принадлежность которых неясна — это могли бы быть потомки касков.

Спорным в науке является вопрос о населении области Табал (др.-еврейск. Тубал) в Киликийском Тавре и народа мушков (др.-евр. Мешек или, лучше, Мошек), зарегистрированного урартскими и древнееврейскими источниками в Малой Азии, к западу от Киликийского Тавра, а ассирийскими, — кроме того, в долине верхнего Евфрата и в области между нижним течением р.Арацани и Сасунскими горами. Их нередко отождествляют с мосхами и тибаренами — племенами, жившими, согласно данным античных авторов¹¹⁾, в Понте и, по всей вероятности, принадлежавшими к числу грузиноязычных. Однако простой идентификацией Табала и мушков с тибаренами и мосхами проблема не решается.

Если бы не сходство названия области Табал с именем племени тибаренов, вряд ли кто-либо сомневался в том, что эта область, как и во II тыс. до н.э., входила в ареал лувийского [193] («хеттского иероглифического») языка, о чем свидетельствуют многочисленные надписи на этом языке и имена царей¹²⁾. Однако вполне вероятно, что этот язык господствовал здесь не безраздельно. Если часть местностей сохраняла здесь древние названия¹³⁾, то появились и новые¹⁴⁾ — может быть, и вследствие притока нового населения. Что касается мушков, то, по крайней мере, их западная группа надежно отождествляется с фригийцами¹⁵⁾.

К языкам фригийской группы античные авторы¹⁶⁾ и многие современные исследователи относят и протоармянский. Во [194] всяком случае, ни в одной другой группе индоевропейских языков он не находит себе места¹⁷⁾. Область первоначального расселения носителей этого языка нам предстоит определить.

В науке долгое время господствовала точка зрения, согласно которой армяне и армянский язык появляются на названном по ним нагорье тогда, когда впервые засвидетельствован термин «Армения», то есть в VI в. до н.э., и с этого времени должна начинаться история армянского народа. Эту точку зрения следует признать наивной и ни в какой мере не удовлетворительной.

Принципы подхода к этнонимическим терминам. Для восстановления этнической и языковой истории народа опора на этнические названия является совершенно ненадежной. Источники очень редко позволяют установить, является ли данное этническое обозначение самоназванием, или названием, которое употребляют только соседи. В последнем случае оно может быть очень общим, охватывающим целую группу сходных по культуре, но различных народов (например, «татары», «индейцы», у греков — «скифы»)¹⁸⁾, или, наоборот, местным обозначением жителей определенного района, употребляемом в расширительном смысле (например, латышское *krievs*, первоначально обозначение соседнего славянского племени кривичей, теперь значит «русский»; аналогично [195] происхождение французского *allemand* со значением «немец»; грузинское **сомехи** «армянин» собственно означает жителя области Сухму на верхнем Евфрате); или это может быть традиционное название, перенесенное с прежних обитателей данной местности (**галлы** в смысле «французы», **сарматы** в смысле «славяне», финское *venäläinen* «венд» в смысле «русский») или даже совсем другого народа, на основании каких-либо историко-культурных ассоциаций (например, термин «таджик» первоначально значил «араб»)¹⁹⁾.

Наконец, нередко встречаются чисто случайные звуковые совпадения в этнонимах — ср. **албанцев** на Балканах, **албанов** (Ἀλβανῶν) в древнем Закавказье, **альбанцев** — жителей г. Альба в древней Италии, **Олбэни** (Albany) в Британии и древнее название самой Англии — **Альбион**, германское племя **аламаннов** (ср. французское название Германии — *Allemagne*) и мн. др. Все эти названия не имеют между собой в этническом отношении ничего общего. Между тем, в качестве возможных предков армян привлекаются этнонимы и топонимы **аримов**, **Арме**, **Урме**, **урумейцев** и т.п., а иногда даже и арамеев, — и если последние не пользуются популярностью в качестве кандидатов в предки армянского народа, то потому лишь, что они заведомо говорили на языке, неродственном армянскому (на семитском); если бы это было не известно, то не приходится сомневаться, что и они были бы гораздо шире привлечены к гипотетическому этногенезу армян, тем более, что они были их соседями.

Очевидно, что сходство названий должно быть подкреплено другими, более вескими данными, в противном случае полагаться на него нельзя.

Но даже если нам точно известно, что тот или иной этнический термин является самоназванием, то и в этом случае на [196] него не всегда можно опираться в этногенетических построениях. Самообозначение народа может меняться (например, греки в средневековье одно время называли себя **ромеями**, то есть римлянами); по мере своего оформления народность иногда принимает самообозначение чуждого или даже случайного происхождения (так, французы называют себя français по имени германского племени франков, сыгравшего весьма второстепенную роль в этногенезе французского народа; самообозначение **таджик**, как уже сказано, обозначало «араба», потом «человека арабской мусульманской культуры», и лишь впоследствии ираноязычную народность Средней Азии, существовавшую и до возникновения этого термина; случайным является самообозначение **американцев**, по имени географа-популяризатора Америго Веспуччи).

Иногда как самоназвание сохраняется обозначение прежних, давно исчезнувших жителей данной страны (например, **британцами** сейчас называют себя англосаксы, когда-то вытеснившие и истребившие древних кельтов-бриттов).

Очень важно иметь в виду, что на ранних этапах развития общества, как правило, не существует общего всеобъемлющего самоназвания для целого этнического массива — люди обычно называют себя только по своей общине («сидоняне», «тиряне»), или племени («кривичи», «древляне»; «вандалы», «франки» и т.п.), или даже просто «людьми», «народом», «умеющими говорить» в противоположность «немцам» — «немым» чужестранцам; большинство народов Советского Севера называет себя «людьми»; аналогичного происхождения самоназвание немцев — Deutsche; термин «германцы» был чужд самим германским племенам; на Востоке не имели общего самоназвания, например, шумеры).

По всем этим причинам пытаться установить этническую предысторию народа, подыскивая в древности различные сходно звучащие этнонимы — это путь ненадежный и нередко ведущий к существенным заблуждениям; это станет особенно ясным, если учитывать еще и то обстоятельство, что всякое сопоставление слов и собственных имен возможно только с учетом фонетических закономерностей сравниваемых языков и [197] исторических изменений в них, а эти закономерности для столь давних периодов часто неизвестны. Наивно предполагать, что родственные по происхождению слова или названия должны звучать во всяком случае похоже на протяжении веков и тысячелетий²⁰⁾. Значительное сходство названий, разделенных большим промежутком времени, чаще всего является свидетельством случайности этого сходства.

Поэтому в вопросе о появлении носителей протоармянского языка мы будем исходить не из поисков этнонимов, а из других, более объективных данных, привлекая данные этнонимов и топонимов лишь в подтверждение их²¹⁾. [198]

2. Проблема носителей протоармянского языка

Исторический состав древнеармянского языка. Как всякий язык с долгой историей, древнеармянский содержит много пластов различного происхождения. Большой пласт составляют в нем слова парфянского языка, меньше слов из

среднеперсидского; совсем немного слов из древнеиранских языков; совершенно не выявлены следы контактов со скифским и, тем более, «западноиндоиранским»²²⁾. Понятно, наличие иранских слов не означает принадлежности древнеармянского к индоиранской ветви индоевропейских языков: все эти слова представляют собой термины государственной администрации, феодального быта, книжные и другие абстрактные понятия и т.п.²³⁾ Они не принадлежат к основному фонду древнеармянского словаря и свидетельствуют лишь о том, хорошо известном из истории Армении факте, что армянский народ имел чрезвычайно длительные и глубокие контакты с государствами, поочередно господствовавшими в Иране, а временами — и на Армянском нагорье и в Закавказье, в первую очередь — с Парфянским государством Аршакидов.

Как показала А. Г. Периханян, в древнеармянском существует по крайней мере два пласта слов арамейского [199] (семитского) происхождения. Более древний пласт восходит к одному из староарамейских диалектов Северной Месопотамии; это термины, в основном связанные с торговлей и ремеслом, а также канцелярские²⁴⁾; они являются следом существования в Армении арамейских канцелярий, унаследованных от времен Ахеменидской державы, и тех торговых сношений, которые существовали между Армянским нагорьем и Месопотамией во второй половине I тыс. до н.э.; отчасти же эти термины были занесены арамейскими и еврейскими горожанами, переселенными в некоторые из городов Армении при Тигране Великом и Артавазде II, в 77—40 гг. до н.э.²⁵⁾ Более поздний пласт представляют собой слова церковно-книжного характера, происходящие из сирийско-эдесского диалекта арамейского языка, принесенные в Армению вместе с христианской церковью²⁶⁾. Имеется несколько слов аккадского происхождения, попавших в древнеармянский язык, вероятно, через посредство либо тех же арамейцев, либо урартов²⁷⁾.

Имеется известный слой греческих слов, также главным образом церковно-книжного происхождения.

Ниже этих пластов, которые датируются временем приблизительно с 500 г. до н.э. по 500 г. н.э. (отчасти позже), выявляются еще и другие. Так, имеются слова урартского происхождения²⁸⁾. Мощность этого слоя пока установить трудно, так как мы еще плохо знаем словарь самого урартского языка. По всей вероятности, значительное число (несколько сот) слов древнеармянского языка, до сих пор не объясненных, окажется [200] словами хуррито-урартского происхождения²⁹⁾. Однако и эти слова не относятся все же к основному словарному фонду и поэтому древнеармянский, конечно, не может считаться родственным хуррито-урартским языкам. Этот пласт в древнеармянском следует рассматривать как *субстрат* — то есть как остаток языка местного населения Армянского нагорья, сохраненный при его переходе на древнеармянский язык.

Г.А. Капациян посвятил ряд исследований выявлению хеттских слов в древнеармянском. Не все предложенные им этимологии выдерживают критику, однако не приходится сомневаться в том, что в древнеармянском имеется и хеттский пласт³⁰⁾. К сожалению, до сих пор не производились поиски слов древнеанатолийского происхождения в более широком смысле в частности, лувийских, но и они, несомненно, должны иметься в древнеармянском³¹⁾. Часть предполагаемых слов хеттского происхождения может оказаться общепантолийскими.

Анатолийский пласт также не охватывает слов основного словарного фонда.³²⁾ [201]

Лишь сняв все перечисленные пласты, мы доберемся до основного фонда древнеармянского словаря. В него входят такие слова, выражающие общечеловеческие понятия, которые должны были иметь обозначения уже в самом древнем языке, так как ни один язык без них не может обойтись; эти слова выражают понятия, известные человеку настолько давно, что заимствовать их обозначения извне почти никогда не было оснований. Сюда обычно относятся названия частей тела, простейших терминов родства, элементарных действий и состояний, числительные и т.п.³³⁾ Основной словарный фонд не является неизменным, — и здесь создаются новые обозначения для старых понятий, в отдельных случаях и заимствованные, однако новейшими исследованиями установлено, что основной словарный фонд любого языка обновляется в среднем не более чем на 15% в течение 1000 лет.

К основному фонду языка относится также звуковое оформление грамматических категорий — префиксы, суффиксы, падежные и глагольные окончания и т.п.

При анализе древнеармянского основного языкового фонда выявляется прежде всего, что он является индоевропейским. Тем самым снимается всякий вопрос о возможной «двуприродности» древнеармянского языка³⁴⁾. Языковой предок древнеармянского языка, протоармянский язык, мог быть только индоевропейским, не родственным ни хуррито-урартским языкам, [202] ни хаттскому, ни современным кавказским языкам (абхазо-адыгским, картвельским, нахско-дагестанским), ни семитским.

Во-вторых, выявляется, что протоармянский язык не принадлежал ни к анатолийской, ни к индоиранской, ни, скажем, к славянской³⁵⁾ ветви индоевропейских, так как фонетические изменения, свойственные древнеармянскому по сравнению с реконструированным праиндоевропейским, отличны от происшедших во всех этих ветвях³⁶⁾, и имеются также существенные расхождения с ними в выборе лексики основного словарного фонда³⁷⁾.

Вопрос о вероятной дате появления носителей протоармянского языка на Армянском нагорье. Поскольку древнеармянский язык не родственен языкам автохтонов Армянского нагорья — хурритов, урартов и т.п. (хотя именно эти языки являются для него субстратом), ясно, что он занесен сюда извне. А поскольку он не принадлежит и к тем ветвям индоевропейской семьи, которые проникли в Переднюю Азию в III и первой половине II тыс. до н.э., [203] постольку он должен считаться появившимся здесь либо еще раньше, либо позже этого времени.

Однако нет никаких данных о наличии в Передней Азии индоевропейских языков, более ранних, чем анатолийские и индоиранские. Правда, согласно теории Г.Б. Джаукяна, урартский язык находится в боковом (коллатеральном) родстве с праиндоевропейским. Однако мы уже отмечали, что индоевропейские черты в урартском, вероятнее всего, являются результатом воздействия *адстрата* — соседних анатолийских языков юго-восточной подгруппы. Во всяком случае, и с этими индоевропейскими элементами в урартском древнеармянский не разделяет важнейших фонетических особенностей³⁸⁾ и, следовательно, не может быть возведен к ним.

Остается вывод, что протоармянский язык был занесен на Армянское нагорье позже середины II тыс. до н.э. и, конечно, раньше середины I тыс. до н.э. — периода, к которому восходят первые пласты заимствований из иранских и семитских языков в древнеармянский. Таким образом, единственной ветвью индоевропейской языковой семьи, к которой может быть отнесен древнеармянский язык, является фрако-фригийская, датируемая в Азии XII в. до н.э. К сожалению, наши сведения о [204] фрако-фригийских языках чрезвычайно скудны, однако имеющиеся данные подтверждают их родство с древнеармянским³⁹⁾. К тому же греческие авторы, заставшие армянский язык на чрезвычайно ранней стадии развития — за тысячу лет до первых памятников армянской письменности — свидетельствуют что он был тогда очень похож на фригийский (Эвдокс Книдский) и что армяне считались в Малой Азии «отселившимися от фригийцев» (Геродот). Мы не имеем оснований не доверять [205] этим свидетельствам⁴⁰⁾. Таким образом, протоармянский язык мог появиться на Армянском нагорье не ранее XII и не позже VI в. до н.э.

Начиная с середины VIII и по конец VII в. до н.э. вся территория от гор Киликийского Тавра на восток входила в состав могущественных держав, которые вряд ли могли допустить значительные этнические передвижения по своей территории, и во всяком случае, такие передвижения не могли бы пройти без того, чтобы об этом не сохранили известий многочисленные дошедшие до нас от этого времени летописи, анналы, надписи и царские письма. Эти источники сообщают для данного отрезка времени о вторжении киммерийцев из Северного Причерноморья — по-видимому, через Дарьял во второй половине VIII в. до н.э., — и о вторжении скифов через Дагестан в начале VII в. до н.э. Скифы не могут иметь отношения к образованию древнеармянского языка, так как говорили на языке иранской группы⁴¹⁾, и то же, с нашей точки зрения, верно в отношении киммерийцев⁴²⁾. Однако большинство исследователей [206] считают киммерийцев фракоязычными, и поэтому следует рассмотреть, нельзя ли считать их язык предком древнеармянского⁴³⁾.

На это следует ответить отрицательно. Прежде всего, киммерийцы были малочисленны⁴⁴⁾. Опасность их заключалась лишь в их большой подвижности, в том, что они впервые ввели тактику массового кавалерийского боя. Затем, по имеющимся данным, они осели не на Армянском нагорье, которое в то время прочно удерживала Урартская держава, а западнее — в восточной Малой Азии и Понте и, возможно, севернее, в некоторых районах Грузии⁴⁵⁾.

Таким образом, период с 750 г. по, примерно, 635 г. до н.э., следует исключить как возможное время проникновения носителей протоармянского языка на Армянское нагорье.

Мы уже упоминали об известном предположении, согласно которому протоармяне продвинулись в эту область между 635 и 590 гг. до н.э., в хаотический период скифского вторжения и падения Ассирийской и Урартской держав, до установления твердой власти Мидийского царства, а затем Персидской державы Ахеменидов. Но в этом случае следует объяснить, где протоармяне находились до 635 г. до н.э. История территорий Киликийского Тавра и более восточных, как мы видели, довольно хорошо освещена в источниках примерно с 745 по 635 гг., и мы можем быть уверены, что в этот период здесь имелось только оседлое земледельческое население, которому не свойственно сниматься с мест и куда-то двигаться⁴⁶⁾. Следовательно, [207] речь может идти только либо о более северных горных областях (однако непонятно, как протоармяне могли бы туда попасть, так

как, насколько мы можем судить, там и это время жили грузиноязычные племена), либо о центральноанатолийских степях к западу от Киликийского Тавра. На последней территории конца IX в. — начала VIII в. по 676 г. до н.э. существовало могущественное государство Фригия (Мушку или Мушки, как его называют ассирийские и урартские источники). Можно было бы думать, что до скифского вторжения армяне составляли часть фригийцев, а в связи с этим вторжением отселились и продвинулись на восток; но и это предположение неприемлемо, так как лингвистические данные показывают, что фригийский и древнеармянский разделились, отойдя от общего языка-основы, значительно раньше: древнеармянский — особый язык фрако-фригийской ветви, а не диалект фригийского языка VIII в. до н.э.⁴⁷⁾ Следовательно, протоармяне могли участвовать в общем движении фрако-фригийских племен конца II тысячелетия до н.э., но не в качестве части фригийцев, а в качестве отдельного народа или племенной группы.

Остается предположить, что протоармянский проник на Армянское нагорье до VIII в. до н.э. — по всей вероятности, [208] даже до создания Фригийской державы в IX (?) в. до н.э. Таким образом, искомый период суживается до трех-четырех столетий: с XII по IX в. до н.э. Так как общее движение фрако-фригийских племен шло, как мы видели, с запада на восток, то в протоармянах мы должны видеть головной отряд этого движения.

И действительно, ассирийские источники, как мы видели сообщают о вторжении еще подвижных племен с запада в долины верхнего Евфрата и Арацани в первой половине XII в. до н.э., сразу после падения Хеттского царства: упоминаются мушки, каски-абешлайцы и урумейцы. Из них во всяком случае мушки и урумейцы, видимо, здесь и осели,⁴⁸⁾ так как первые упоминаются на этой же территории уже в качестве земледельческих племен еще и в начале IX в. до н.э., а существование «страны» Уруму, Урме или Арме, тоже примерно в этом же районе, засвидетельствовано ассирийскими и урартскими надписями в IX—VIII вв. до н.э.

Таким образом, мы должны, по-видимому, искать протоармян в мушках или урумейцах, или в тех и других — племенах, проникших в долины верхнего Евфрата и Арацани около 1165 г. до н.э. Следует напомнить, что речь у нас пока идет о протоармянах как носителях языка-предка древнего и современного армянского, но не о более широкой проблеме — возникновении самого армянского народа, которая так просто не решается.

Теория о хайасском происхождении армянского народа. Прежде чем перейти к проблеме мушков и урумейцев, следует рассмотреть широко распространенную теорию, которая видит «колыбель армянского народа» в Хайасе⁴⁹⁾.

Начнем с того, что ясно поставим вопрос: имеется ли здесь в виду физическая, языковая или культурная преемственность, или все эти виды преемственности вместе.[209]

Говорить о физической преемственности между Хайасой и армянским народом можно лишь в том случае, если доказать, что хайасцы выселились из своих первоначальных мест обитания в Понте, в долине Чороха и, возможно, в верховьях Евфрата и расселились по всему Армянскому нагорью, полностью или в значительной степени вытеснив предшествующее хуррито-урартское население, и что, таким образом, весь армянский народ или большая его часть физически происходят от хайасцев. В противном случае о физической преемственности от

Хайасы можно говорить только в отношении тех сравнительно небольших групп армянского народа, которые непосредственно жили на территориях бывшей Хайасы.

Никаких данных о широком расселения хайасцев на юг, юго-восток и восток не имеется. Высказанное в «Истории армянского народа»⁵⁰⁾ утверждение, будто бы с падением Хеттского царства Хайаса усилилась, расширилась на западные районы Армянского нагорья и превратилась в сильное царство, боровшееся с Урарту, не основано на источниках. Напротив, из источников, по-видимому, следует, что объединение Ацци-Хайаса распалось еще в XIII в. до н.э., задолго до падения Хеттского царства, и с тех пор более ни в каких памятниках не упоминается; что впоследствии на территории Хайасы [210] образовалось хурритское царство Дайазни, а затем северная его часть была занята грузиноязычными племенами; правда, бывший хайасский участок верхней долины Евфрата мог входить в область образования армянского народа, но к тому времени здесь уже не было и следов Хайасы. В источниках нет никаких данных о хайасах за пределами былой территории Хайасы, ни о каких-либо посредствующих звеньях между Хайасой и армянами позднейших времен.

Что касается культурной преемственности, то армяне, несомненно, преемники всего древнего населения нагорья, в первую очередь хурритов, урартов и лувийцев; нет никаких данных об особо важном культурном воздействии на позднейшее население нагорья со стороны именно Хайасы более, чем Исувы, Алзи, Уруатру или Кумме. О культуре Хайасы мы, в сущности, знаем очень мало, кроме ее брачных обычаев и имен божеств, от которых не осталось никаких воспоминаний в армянской традиции⁵¹⁾.

Следовательно, речь может идти только о языковой преемственности. Предположение о такой преемственности между гипотетическим хайасским языком и древнеармянским по своему существу бездоказательно и основано только на некотором сходстве названия страны **Хайаса** (Ḫajasa со звуком *ḫ*) и самоназванием армян — **хайк'** (haj-k^h со звуком *h*)⁵²⁾. Уже из [211] того, что было сказано выше о характере этнонимов вообще, видно, что это сходство отнюдь не является доказательством органической связи этих терминов. При этом, как показывают примеры аналогичных по структуре древнеармянских слов⁵³⁾, сказать, как звучала исходная форма слова ḫajr очень трудно: в начале его мог быть и согласный *p*-, и праиндоевропейский ларингал **h*-, и звук *h*-, сам имеющий в индоевропейских языках различное происхождение, например, из *s*-; дифтонг *-ай-* тоже мог восходить к различным звуко сочетаниям, в том числе к **-ате-**, **-ати-**. Основой слова ḫajr является ḫajn (а не, скажем, *ḫajw-)⁵⁴⁾, и в нем нет никаких следов суффикса **-ca**. Этот суффикс Г.А. Капанцян толкует как древний малоазиатский топонимический суффикс **-ssa(s)**⁵⁵⁾, действительно широко распространенный во всей Малой Азии. Но есть одна область, где этот суффикс совершенно не встречается, и это именно Армения. Поэтому в слове «Хайаса» элемент **-ca**, если и является суффиксом, то не имеющим отношения к древнеармянскому языку; но возможно, что он входит в основу слова; объяснить его отсутствие в слове ḫajr при предположении его происхождения от термина ḫajwshsh весьма трудно.

Что касается других данных о хайасском языке, то они представлены пятью именами собственными людей: Аиссияс, Аннияс, Марияс, Муттис и Хукканнас (и еще неясно [212] читаемое — Караннис или Ланнис)⁵⁶⁾ и пятью именами богов —

Тарумус Териттитунус, Унаккастас, Уактаннас (?) и Палтаик (?), не считая некоторых поврежденных или зашифрованных гетерографическим написанием⁵⁷⁾. Имена местностей мы исключаем, так как нет гарантии, что они принадлежат хайасскому, а не какому-либо более раннему языку⁵⁸⁾. Все эти имена искажены хеттской передачей (хеттскому языку, в частности, принадлежат падежные окончания на **-с, -ас, -ис**). В первоначальном варианте хайасской теории, как она была выработана Г. А. Капанцяном, эти имена, по принципу внешнего сходства, этимологизировались из разных языков, преимущественно из хурритского, но, во всяком случае, не из индоевропейских, что уже исключало возможность отождествления хайасского языка с протоармянским, поэтому Г.А. Капанцян был вынужден прибегнуть к выдвинутому еще Н. Я. Марром тезису о «двуприродности» армянского языка и отрицанию его индоевропейского характера. Однако новейшие исследования полностью подтвердили его индоевропейскую принадлежность, впервые установленную еще в XIX веке.

Г. Б. Джаукян⁵⁹⁾ попытался доказать индоевропейский характер хайасского языка. Несмотря на проявленную им большую эрудицию в области индоевропейского языкознания, выводы [213] его не представляются достаточно убедительными. В корнеслове любой языковой семьи можно подобрать корни, звучащие достаточно сходно с десятком произвольно выбранных имен, значение которых к тому же неизвестно, и поэтому не может быть никакой гарантии, что корни, подобранные по сходству звучания, подходят к этим именам и по значению⁶⁰⁾. Но даже если принять выводы Г. Б. Джаукяна, то во всяком случае несомненно, что этот «индоевропейский хайасский язык» не имеет никакого отношения к древнеармянскому⁶¹⁾. И каким образом могло бы случиться, что этот язык оказался бы настолько близким языку фригийцев, прибывших в Малую Азию многими столетиями позже и не имевших с Хайасой ровно никакого контакта, что их родство бросалось в глаза греческим наблюдателям, не обладавшим современной лингвистической подготовкой?

Итак, связь армянского народа и языка с Хайасой недоказуема и по самому существу весьма мало вероятна.

Проблема мушков. Теперь мы можем перейти к анализу данных о мушках и урумейцах. Прежде всего остановимся на проблеме мушков.

В пользу того, что именно мушки явились носителями протоармянского языка, говорит и время их появления, и [214] место их оседания, считавшееся издревле родиной армянского народа⁶²⁾, и совпадение их обозначения с обозначением фригийцев. Следует еще раз отметить, что в ассирийских источниках можно выделить две *разные* группы мушков: одни мушки захватили Алзи и Пурукуззи (у стечения Арацани и Евфрата) около 1165 г. до н.э. и засвидетельствованы в качестве земледельческого населения в этом районе вплоть до начала IX в. до н.э. Нельзя утверждать, что эта группа мушков жила только в этом районе, а не в других районах, западнее, по их пути через Малую Азию, так как анналы, в которых они упоминаются, естественно, говорят каждый раз только о тех территориях, на которых в *данном* случае побывали ассирийские войска. В действительности же есть основания думать, что эта группа мушков распространялась и на западный берег верхнего Евфрата, откуда и проникала вплоть до Каркемиша⁶³⁾.

Другие мушки упоминаются в связи с походами ассирийского царя Саргона II (722—705 до н.э.) и урартского царя Русы II (первая половина VII в. до н.э.) к

западу от Малоазийского Тавра и со всей бесспорностью отождествляются с фригийцами.

Может показаться странным, что восточные мушки, которых мы отождествляем с протоармянами, после Ашшурнацирапала II более не упоминаются в ассирийских и урартских источниках. Но это объясняется тем, что область мушков, как мы видели, в 856 г. до н.э. была покорена ассирийским царем [215] Салманасаром III (в надписи его она названа термином **Ишуа**, то есть Исува, по-видимому уже архаическим) и включена в качестве «провинции Наири, Алзи и Сухму» в состав Ассирии, а между 799 и 780 гг. до н.э. была завоевана Минуей, царем Урарту, и включена в состав этой державы. Надписи обоих этих царей, как это часто бывало в подобных текстах, оперируют не этническими, а только топографическими и политическими обозначениями⁶⁴⁾. С этих пор и до конца существования Ассирии и Урарту на территорию Алзи не совершалось более походов, и поэтому она в надписях более и не упоминается⁶⁵⁾. Независимы остались только две «страны» по окраинам территории, занятой мушками, — Арме-Шубрия, ненадолго завоеванная в 673 г. до н.э. ассирийским царем Асархаддоном, а в конце VII в. до н.э., как и другие периферийные области Ассирийской державы, вероятно, снова добившаяся независимости, и Мелид-Камману на противоположном Алзи берегу Евфрата, подчинявшаяся Ассирии только в течение около 30 лет.

Однако проблема отождествления этнического термина мушки остается весьма сложной. А. Гетце сопоставляет мушков — на основании внешнего сходства структуры слова — с касками (**кашка** или **каска**), однако такое сопоставление весьма мало вероятно⁶⁶⁾. В отличие от касков, мушки хеттским [216] источникам не известны⁶⁷⁾. Ряд исследователей связывает мушков с засвидетельствованным греческими источниками племенем мосхов и с грузинским племенем месхов. Надо заметить, что если ассирийцы, урарты и древние евреи, несомненно, называли мушками фригийцев, то греки различали фригийцев от мосхов.

Данные античных авторов о мосхах весьма противоречивы. Гекатей⁶⁸⁾ говорит о них, как о «колхском», т.е. очевидно грузиноязычном народе, жившем по соседству с матиенами, иначе говоря, хурритами, а Геродот (III, 91; VII, 78) перечисляет их в составе народов XIX сатрапии Ахеменидской державы, т.е. Понта, соединяя их с тибаренами, которые жили около Котиоры (совр. Орду; см. Ксенофонт. Анаб. V, I сл.)⁶⁹⁾; из этого следует, что они жили западнее колхов и, во всяком случае, не восточнее верхнеевфратской долины. Однако полутысячелетием позже Страбон помещает мосхов в двух разных местах, но в обоих случаях далеко от Понта: во-первых, где-то в совр. Абхазии (XI, 2. 12 сл.; там же помещает их и Стефан Византийский, ссылаясь на писателя VI в. до н.э. Гелланика, — возможно ошибочно, как полагает Г.А. Меликишвили, опираясь на Кисслинга); и, во-вторых, в горах на стыке Колхиды, Иберии и Армении (XI, 2, 18). Последние мосхи — это, очевидно, месхи позднейших писателей, как византийских, так и грузинских, и, возможно, здесь простое смешение двух сходных терминов, или же попытка, отождествления позднейшего термина с известным от древних авторов. Г.А. Меликишвили считает термин **месх** как название грузиноязычного племени этого района поздними, по-видимому, чужеродным. Урартские источники не знают в этой области ни мосхов, ни месхов. Наконец, следует отметить, что термин **мосок** распространен в аварском языке как название грузинского народа в целом⁷⁰⁾. Все это заставляет подозревать, что термин мосхи — вообще не этноним, а скорее какое-то прозвище, которое [217] могло применяться к разным племенам. Таково же положение и с халибами; греки, видимо, называли халибами не только халибов-халдайцев, но и всех

жителей Понта, торговавших железной рудой (см. Pauly s.v. Chalybes); в ряде случаев можно подозревать, что понтийские мосхи — другое обозначение халибов-халдайцев, которые, действительно, жили между тибаренами на западе, мосиноиками на севере и матиенами на юге — юго-востоке⁷¹⁾.

Выдвигалось предположение о том, что в мушках древневосточных текстов следует видеть грузиноязычное племя; точно так же область Табал в Киликийском Тавре сопоставляется с понтийскими тибаренами^{71a)}, якобы переселившимися сюда из Табала (или наоборот, отсюда в Табал), а сами тибарены, на основе довольно сомнительного сходства в звучании термина, — с иберами, то есть восточными грузинами. Более осторожно высказывается Г. А. Меликишвили⁷²⁾, который лишь допускает присутствие в Киликийском Тавре начала I тыс. до н.э. (Табале) грузиноязычных племен⁷³⁾.

Но в племенах «мушки», по мнению Г. А. Меликишвили следует видеть грузинские племена. Он полагает, что в ассирийских источниках речь идет о по крайней мере двух разных вторжениях этих племен в район Армянского Тавра: первое засвидетельствовано Тиглатпаласаром I для времени около 1165 г. до н. э., а со вторым связано упоминание мушков в том же районе в IX в. до н.э.⁷⁴⁾ При этом он сопоставляет имя [218] царей Фригии — **Гордий** — и название их столицы — **Гордион** — с названием горного племени восточной части Армянского Тавра и Гордиенских, или Кордуенских (совр. Курдистанских), гор — **кардухи**, а это последнее название — с самообозначением **картвелов**. Все это, однако, представляется весьма натянутым. Лингвистически едва ли допустимо сопоставление отдаленно похоже звучащих имен, без объяснения закономерности переходов (к||г, т||д и т.д.)⁷⁵⁾. К тому же, по замечанию самого Г. А. Меликишвили, суффикс **-ухи** в имени кардухов указывает скорее на их хуррито-урартскую принадлежность. Место обитания кардухов (долина р. Кентрит-Бохтан и горы вокруг верховьев Большого Заба, то есть районы, где и ассирийскими источниками засвидетельствованы хурритские горные племена, подобно кардухам V—IV вв. до н.э. державшие в страхе окрестные долины),⁷⁶⁾ не имеет контакта ни с местожительством несомненных грузинских племен, ни с местожительством восточных мушков (даже если помещать их, по Г.А. Меликишвили в северомесопотамских горах Кашияри — Тур-Абдин, что, [219] с нашей точки зрения, неправильно)⁷⁷⁾. И наконец, совершенно незаконмерно сопоставлять имя *племени* с именем *лица*, жившего на 1000 км западнее, и названным по этому лицу городом. Таким образом, из всей аргументации не остаётся ничего, кроме сходства названий мушков с названием мосхов и грузинского племени месхов.

Г. А. Меликишвили пишет⁷⁸⁾: «Среди ассирийцев название «табалы» могло употребляться (подобно названию «мушки») в собирательном смысле и обозначать племена разного происхождения; однако среди них (в качестве, по крайней мере, одной составной части) следует, очевидно, предполагать присутствие и картвельских (в частности, западно-грузинских) племен». Здесь надо внести одну поправку: ассирийские источники не знают *племени* «табалов», а только *область* Табал⁷⁹⁾, по-видимому, с лувийским населением (хотя возможны здесь и другие этнические группы). Что касается термина мушки, то собирательное его значение вероятно. Однако потому ли ассирийцы, уарты и древние евреи обозначали фрако-фригийские племена и государственные образования термином мушки, что вместе с ними и среди них жили и грузиноязычные племена мосхов, как полагают Г. А. Меликишвили, З. Кавеньяк, Н. В. Хазарадзе и др.⁸⁰⁾ или, наоборот, некоторые грузинские племена назывались

мосхами потому, что когда-то жили на [220] подвластной Фригии территории, как предложили считать мы,⁸¹⁾ пока не может быть установлено.

Существенно определить первоначальное звучание спорного термина. Звука **х** в нем не было: нет его ни в ассирийской передаче (**мушки**, **Мушку**), ни в урартской (**Мушки**-)⁸²⁾, ни в «хеттской-иероглифической» (лувийской: **мускаи(н)**; «ш» в «хеттском-иероглифическом» не было), ни в древнееврейской, где все дошедшие до нас формы восходят к праформе ***мошк**-, ни в древнегреческой (греч. Moskhoi содержит придыхательное **kh**, соответствующее армянскому **ք**, а не **х**, то есть армянскому **խ**, как можно было бы подумать, судя по традиционному произношению; ср. др-армянск. Մոսքիւնի, название «Мосхских» — т.е. месхских? — гор. Следовательно, исходной формой нужно считать ***мошк'**-, ***мушк'**-, ***моск'**-, или ***муск'**- (մոշք-, մոսք-, մոսք-, մուսք-)⁸³⁾ и является ли грузинское **месх**- [221] (მეხი-, только с двумя совпадающими звуками) тем же самым термином, еще нуждается в доказательствах⁸⁴⁾. Нет ничего невозможного в том, что в период, когда нашествие фрако-фригийцев разливалось по Малой Азии, отдельные их племена могли попасть и в Понт и даже в Закавказье и впоследствии стать грузиноязычными, или что отдельные грузинские племена, в течение какого-то времени подчиненные Фригии, впоследствии могли получить прозвище «фригийцев» (**мушки**), или, наконец, что это прозвище по каким-либо историко-культурным признакам и ассоциациям могло широко применяться впоследствии к *разным* племенам и народам.

Однако остается несомненным то обстоятельство, что в наиболее ранних источниках термином **мушки** во всяком случае обозначалась Фригия и фригийцы, в индоевропейской языковой принадлежности которых никто не сомневается⁸⁵⁾, а следовательно, так могли обозначаться и вообще фрако-фригийские, в том числе и протоармянские племена. Здесь следует обратить внимание на предположение А. Гётце⁸⁶⁾ о том, что термин **мушки** первоначально относился к фрако-фригийскому племени мисов в северо-западной Малой Азии и Троаде (греч. Mysoi, читать **мусой**, основа **мус** — «ш» в греческом не было) и области Moesia на Балканах. Быть может, мисы были [222] первым фрако-фригийским племенем, с которым познакомились жители Малой Азии, а затем их название было распространено и на все родственные или близкие по культуре племена⁸⁷⁾.

Если же мы допустим, что восточные **мушки** Тиглатпаласара I, Тукульти-Нинурты II и Ашшурнацирапала (а также, вероятно, Катуваса каркемишского?) не протоармяне, а временно⁸⁸⁾ попавшие сюда протогрузинские племена, то снова встанет вопрос, каким же образом, когда и откуда сюда попали индоевропейцы-армяне, составившие здесь постоянное население. Мы уже указывали на то, что в VIII—VII вв. до н.э. в прилежащих областях неоседлого, способного к передвижению населения не отмечается, и что, следовательно, XII в. [223] до н.э., век исторически засвидетельствованных больших народных передвижений, — в том числе, в первую очередь, передвижений именно фрако-фригийцев, к которым должны были принадлежать и протоармяне, — является наиболее вероятной датой появления протоармян на Армянском нагорье. Если же мы имеем прямое свидетельство о появлении здесь именно в это время нового племени, носящего обозначение, несомненно применявшееся к фрако-фригийским племенам, то логично видеть в этом племени, то есть в восточных **мушках**, именно протоармян, которые жили здесь же и в дальнейшем, а не грузин, которые впоследствии здесь никогда не жили, и появление которых здесь могло быть, самое большее,

случайным и временным. Между тем, надпись Ашшурнацирапала свидетельствует о том, что мушки перешли здесь к оседлости.

Проблема урумейцев. Теория С.Т. Еремяна. Однако та же надпись Тиглатпаласара I, которая говорит о первом появлении мушков в долине верхнего Евфрата, упоминает и еще два пришлых племени, а именно касков-абешлайцев и урумейцев. Поэтому нам придется проанализировать имеющиеся данные и об урумейцах (поскольку вопрос об абешлайцах был уже разобран выше, стр. 12 и 123). В этой же связи необходимо остановиться на теории С.Т. Еремяна, которая является, по-существу, попыткой примирить «хайасскую» и «мушкскую» теории происхождения протоармян, а также теорию И. Маркварта, видевшего предков армян в «аримах» (или «Ариме») Гомера⁸⁹⁾.

По мнению С.Т. Еремяна, урумейцы отождествляются с аримами, которых он для хеттского периода локализует на территории Хайасы или по соседству с ней. Увлеченные общими этническими передвижениями XII в. до н.э., аримы-урумейцы, вместе со своими соседями, касками-абешлайцами, спустились в долины верхнего Евфрата и Арацани и образовали [224] здесь, в районе совр. г. Муша и в Сасунских горах, «страну» называемую в источниках Уруму, Урме⁹⁰⁾ или Арме, слившуюся с хурритской «страной» Шубрия. Горный район внутри Сасунских гор не мог быть покорен ни ассирийцами, ни урартами, и здесь образовалось ядро будущего армянского народа и армянской государственности. Именно аримы-урумейцы были носителями протоармянского языка; они слились с родственными им по языку мушками-фригийцами, привнесшими в древнеармянский язык фрако-фригийский элемент.

Изложенная теория С.Т. Еремяна нуждается в некоторой модификации. Прежде всего, хеттским источникам аримы ни в районе Хайасы, ни где-либо в другом районе не известны⁹¹⁾. Аримы, «право» которых претендовать на роль предков армянского народа основывается лишь на некотором сходстве названий, упомянуты только в «Илиаде» в весьма неопределенном контексте (в развернутом сравнении)⁹²⁾, из которого совершенно не ясно, где автор поэмы мыслил их живущими; даже неясно, идет ли речь о племени аримов или о городе Ариме⁹³⁾, но только видно, что говорится о вулканической местности. Ни из чего не следует, что аримы вообще жили в Малой Азии, и античные комментаторы помещали их в самых [225] разных странах⁹⁴⁾. Затем, как мы уже видели, недоказуемо, что в районе Хайасы во II тыс. до н.э. жили индоевропейские по языку племена, и тем более племена одной ветви с протоармянами. И, наконец, если урумейцы и мушки были племенами географически столь разного происхождения, то их языки не могли бы восприниматься как родственные; что касается фрако-фригийского⁹⁵⁾ элемента в древнеармянском, то это не еще один пласт заимствований, — он сам составляет основной словарный фонд языка.

Следует, так же как и в случае с мушками, попытаться установить точное древнее звучание также и названия урумейцев. Имея в виду, что урартское, а возможно и аккадское **у** чаще всего фактически передает **о**, а также учитывая чередование названий **Урме||Арме**, следует предположить, что основой названия скорее всего является **ор(о)м**-. Сопоставление этого термина с аримами требует объяснения изменившейся огласовки. Такое изменение было бы сравнительно легко объяснимо, если бы мы имели дело с семитскими языками, в которых, как известно, корень состоит из согласных, а гласные могут меняться в зависимости от грамматической или словообразовательной формы, но оно требует серьезного обоснования, когда речь идет об индоевропейском языке. Нужно заметить, что

сами армяне, насколько известно, никогда не называли себя «оромами», ни, впрочем, армениями или армянами.

Кто такие урумейцы — сказать трудно. Источник говорит о них лишь, что они действовали совместно с касками-абешлайцами и что они происходили из «страны хеттов», то есть пришли с запада, из-за Евфрата. Это могло быть и каскское [226] или родственное каскам племя, или другое обозначение тех же мушков (это, впрочем, маловероятно, так как и мушки, и урумейцы упомянуты, хотя под разными годами, но в одной и той же летописи). Наконец, это могло быть фрако-фригийское племя того же происхождения, что и мушки (ведь фрако-фригийцы, жившие еще родоплеменным строем, должны были распадаться на множество мелких разноименных племен, и вряд ли имели общее самоназвание; однако в этом случае следует объяснить, почему урумейцы выступают в союзе не с мушками, а с иноязычными касками). Они, несомненно, вошли в состав армянского народа, но нет основания приписывать им более важную роль по сравнению с мушками.

Территория расселения протоармян. Таким образом, мы приходим к выводу, что носители протоармянского языка, известные древним под названием мушков (восточных) и, возможно, также урумейцев, пришли в долину верхнего Евфрата и нижнего Арацани во второй четверти XII в. до н.э., после разрушения ими Хеттской державы.

Территорию их расселения можно попытаться уточнить. Уже первые ассирийские известия указывают как на место поселения мушков и урумейцев на область Алзи (позднейший Аг'дзник), в это время включавшую нижнюю часть долины Арацани и районы к югу от этой реки; но, как мы видели, есть основание думать, что мушки осели и в долине верхнего Евфрата, по обоим его берегам. Областью оседания урумейцев надо, очевидно, считать страну Уруму или Урме, иначе Арме, если эти названия тождественны. К этой области урартские надписи (УКН, [№ 41с](#), [156](#) DI + DII) относят города Кулмери и Нехерия⁹⁶⁾, находившиеся на южных склонах Сасунских [227] гор; ассирийские источники относят Кул(лим)мери к стране Шубрия⁹⁷⁾, которая урартским источникам не известна и, видимо, слилась с Урме, хотя еще в IX в. до н.э. ассирийская надпись отличала Внутреннее Уруму от Шубрии⁹⁸⁾. Шубрия имела хурритскую династию⁹⁹⁾, но население, особенно в долинах и на склонах, могло быть смешанным.

Несомненно, однако, что попав в верхнеевфратскую долину, мушки должны были осесть и на правобережье Евфрата, где они в X в. доходили, по-видимому, даже до Каркемиша¹⁰⁰⁾. Если Тиглатпаласар I об этом не упоминает, то, вероятно, потому, что в данном контексте заевфратская область его не интересовала. Столицей XIII сатрапии («Армении») при Ахеменидах, в VI—IV вв. до н.э, как мы увидим ниже, был Мелид (Малатья), а в начале V в. Геродот (I, 72, 180) относит к Армении не только истоки Евфрата, но и территорию до водораздела, где берет свое начало Галис. Наличие фрако-фригийцев в этом районе подтверждается, как мы уже упоминали, фригийскими памятниками материальной культуры в Малатее, а может быть и фригийским именем Гурди (Гордий), которое, возможно, носил вождь повстанцев в Тиль-Гаримму (Тогарме?)¹⁰¹⁾. Впрочем, мы упоминали также, что вообще все династии на правобережье верхнего Евфрата, в том числе и в Мелиде, вплоть до VIII в. до н. э. были лувийскими¹⁰²⁾. [228]

Таким образом, в качестве территории первичного расселения носителей протоармянского языка мы должны рассматривать область от Северного Тавра до

отрогов Армянского Тавра у истоков р. Тигра (Сасунских гор), включая долину верхнего Евфрата по обе стороны реки, то есть то, что в хеттское время было «странами» Паххува, Цухма, Тегарама, Исува, Мальдия и Алзи — а также сам район Сасунских гор (Арме-Шубрия). Центральная из этих областей называлась Цупа (Софена, УКН [№ 39](#), 4, 10; [128 A2](#), 22), термин, в результате каких-то политических событий получивший гораздо более широкое значение чем ранее, при хеттах^{[103](#)}. Из местных жителей носители протоармянского языка застали на правом берегу в основном лувийцев (и палайцев?) и отчасти хурритов, на левобережье — в основном хурритов, хотя, как мы видели, лувийский элемент проникал и сюда, см. выше, стр. 86.[229]

3. Образование армянского народа

До сих пор мы занимались вопросом о выявлении носителей протоармянского языка. Образование самого армянского народа составляет отдельную проблему.

Численность протоармян по сравнению с местным населением. Нет ни малейшего сомнения в том, что протоармяне фрако-фригийской языковой группы были не единственным и даже не главным компонентом в образовании армянского народа. Число мушков и урумейцев не могло быть значительным. Анналы Тиглатпаласара I говорят о вторжении в Кадмухи 20000 воинов-мушков (причем среди этих воинов, вероятно, могли быть и местные жители Алзи; не исключено, что эта цифра преувеличена)^{[104](#)} и о 4000 воинах-касках и урумейцах. Если считать, что в те времена воином был каждый четвертый, то надо полагать, что общая численность вторгшихся племен была от ста до двухсот тысяч, даже считая тех, кто не участвовал в походе на Кадмухи. Между тем местное население было более многочисленным. Так, по данным анналов Сардури II, он отменил по Урартской державе 350 тыс. воинских повинностных единиц^{[105](#)}, из чего видно, что население Урарту значительно превышало миллион и могло составлять два-три миллиона. Надо полагать, что около четверти этого числа жило в богатой долине верхнего Евфрата и в долине Арацани; таким образом, местное население в три-четыре раза превышало по численности вторгшиеся племена.

Нет никаких данных о том, чтобы пришельцы вытеснили или истребили местное население, которое ассирийские источники, как мы видели, показывают нам активно поддерживающими мушков против общего врага. Эти области продолжают и после вторжения называться «шубарейскими», то [230] есть хурритскими, и здесь царствуют хурритские (а на правом берегу Евфрата — лувийские) династии^{[106](#)}.

Период двуязычия. Огромный пласт субстратной лексики в древнеармянском еще яснее показывает, что вытеснения местных жителей не было. Для сравнения отметим, что кельтский (бриттский) субстрат в англо-саксонском и современном английском языке составляет всего несколько слов; или, беря другой пример, отметим, что также и в грузинском количество субстратной лексики очень мало^{[107](#)}. Помимо этого, выясняется, что фонетика армянского языка в значительной мере воспроизводит урартский, а не индоевропейский фонетический состав^{[108](#)}. Эти явления с несомненностью говорят о длительном периоде двуязычия, когда местное население, переходя на древнеармянский язык, продолжало одновременно пользоваться и старым языком, говоря по-древнеармянски по нормам произношения прежнего родного языка^{[109](#)} и перенося из него множество слов в древнеармянский.[231]

Как мы видели, к моменту появления мушков и урумейцев, местное население верхнеевфратской долины говорила по-хурритски и по-лувийски, то есть в значительной мере было уже смешанным. Урартское владычество, продолжавшееся около 200 лет, должно было принести еще и примесь урартоязычного населения. Именно этим смешанным по языку характером местного населения, пользовавшегося в быту не менее чем четырьмя языками (протоармянским, лувийским, хурритским и урартским), очевидно, и объясняется то, что оно в конце концов, в условиях наступившего политического и экономического единства, сначала стало пользоваться, наряду с родным, еще и вторым, общепонятным языком, а затем перешло на единый язык.

Можно было бы ожидать, что этим языком будет урартский. Однако древние державы никогда не навязывали своего языка подданным¹¹⁰; довольствуясь сбором дани и повинностным трудом, они не интересовались культурой покоренного населения; переселяя жителей из одного конца державы в другой, они даже были заинтересованы во многоязычии, не позволявшем покоренным сговориться между собой. Народ же, чувствуя потребность во взаимопонимании, вырабатывал общий для всех язык (сначала *lingua franca*, то есть общепонятный язык для отдельных случаев сношения с иноязычными соседями, а затем **койнэ**, то есть собственно общий язык при возможном сохранении местных языков и диалектов только в домашнем обиходе). Для этого народные массы принимали тот язык, который повсюду было легче выучивать, в силу ли его большей распространенности или в силу его простоты. Так, для Хеттской державы общенародным языком был, видимо, не хеттский-неситский, а лувийский, который и пережил ее падение.[232]

И в Ассирийской державе создался единый язык, но это был не ассирийский диалект аккадского, а арамейский язык сравнительно недавно пришедшего и частично еще кочевого, но именно потому широко распространенного повсюду населения. Для жителей западных областей Урартской державы урартский был языком официальной письменности, которой они не знали, и господствующей верхушки, которой они были чужды. Но даже те, кто говорил по-хурритски и по-лувийски, вскоре после прихода мушков и урумейцев, вероятно, стали представлять собой только тонкий местный господствующий слой, истребленный при ассирийских и урартских завоеваниях, подобно тому как была истреблена аккадская знать при завоевании Ассирии Мидией.

Распространению протоармянского языка чрезвычайно содействовали сами урарты своей политикой переселений захваченных жителей. Так, мы знаем, что когда урартский царь Аргишти I в 782 (или 776) г. до н.э. построил крепость Эребуни на месте современного Еревана, он заселил ее людьми, выведенными из Цупы (Цоп'к', Софена) и Хате (Мелитеа-Мелид)¹¹¹, то есть как раз из верхнеевфратской долины с ее смешанным протоармянско-лувийско-хурритским населением, которое в то время несомненно уже пользовалось протоармянским как вторым, а может быть — и как единственным языком. Они принесли сюда культ лувийского бога Иварша, официально признанный урартами¹¹², и, вероятно, протоармянский [233] язык. Таких случаев в истории Урарту было немало, и этническое смешение, как и в Ассирии, было очень большим^{112a}.

Важную роль в усилении значения протоармянского языка, — в ущерб хурритскому и лувийскому, на которых, видимо, говорил местный господствующий класс, — могло сыграть и то обстоятельство, что существовало два очага, куда эксплуатируемое население могло бежать от угнетения: Арме-Шубрия и Мелид-

Камману; эти области, по-видимому, в дальнейшем и явились ядром образования армянской народности, может быть, именно по той причине, что, ввиду существовавших здесь более свободных порядков, в них скапливались люди из народа, вероятно раньше других переходившие на общий язык (так и в Ассирии, а позже в Вавилонии, народ раньше знати и граждан привилегированных городов стал говорить по-арамейски).

Наименование. Будучи смешанным по своему этническому составу, население верхнеевфратской долины начала I тыс. до н.э., вероятно, не имело своего общего самоназвания или названия, которое было бы общепринятым у его соседей. Поэтому эти последние называли их по имени наиболее близкой из населенных ими областей. Такой областью для грузин была Сухму на севере долины, для арамеев — Арме в Сасунских горах, соседившая с наиболее северным из районов с арамейским населением (Амида). Поэтому для грузин представитель этого населения был **сомехи**¹¹³⁾, а для арамеев — ***арминā**¹¹⁴⁾. Древние персы [234] заимствовали этот термин, как и другие географические термины Передней Азии¹¹⁵⁾, от арамеев, из которых вербовались чиновники ахеменидских канцелярий¹¹⁶⁾, а от персов — греки.

Что касается урартов, то для них все жители к западу от их державы были «хеттами» (хатини), и вся область западнее Евфрата называлась у них **Хате**. Термин «лувийцы» для I тыс. до н.э. не известен: для жителей Передней Азии этого времени все лувийцы были «хеттами», да, видимо, и сами себя они так называли¹¹⁷⁾. По-видимому, к лувийцам-«хеттам» причислялось и все смешанное население правобережья верхнеевфратской долины вообще¹¹⁸⁾. [235]

Если, как мы предполагаем, протоармяне жили не только на левобережье, но и на правобережье, то для урартов были вполне естественно называть язык их западных соседей «хеттским», а самих этих соседей — «хеттами». Так этот язык, вероятно, и назывался в течение долгого периода двуязычия. Впоследствии, когда и сами урарты перешли на древнеармянский язык и влились в состав армянского народа, — в котором они, вероятно, составили большинство, — название «хетты» стало и их самообозначением. По-протоармянски это название могло звучать ***хатйос** или ***хатийос** (hʷin(h)jnu) в дальнейшем отсюда по законам армянской фонетики получилось hʷj(n-)¹¹⁹⁾. [236]

Компоненты древнеармянского народа. Итак, с нашей точки зрения древнеармянский народ первоначально сложился в верхнеевфратской долине из трех компонентов — хурритов, лувийцев и протоармян (мушков и, возможно, урумейцев). При этом хурриты, как более многочисленные, составили основную массу народа и определили основную линию физической преемственности, а протоармяне, в силу ряда исторических причин, передали новому народу свой язык. Менее значителен, по-видимому, был вклад лувийцев¹²⁰⁾. Этот процесс начался в XII в. до н.э. и завершился к VI в. до н.э., причем, возможно, в конце этого периода в древнеармянский народ пошел и еще один небольшой по численности компонент — скифы¹²¹⁾. [237]

Когда в VI в. до н.э. впервые в древнеперсидских и греческих источниках начинают упоминаться «арменин» и «Армения», то первый из этих терминов применяется либо ко всему населению нагорья¹²²⁾, либо к новообразованному древнеармянскому народу в западной части Армянского нагорья, а второй — либо как обозначение Армянского нагорья в целом (но вавилоняне¹²³⁾ и, может быть,

древние евреи¹²⁴⁾ продолжают применять для него старый термин «Урарту»), либо как обозначение XIII сатрапии Ахеменидского царства, в отличие от XVIII, населенной еще и в то время преимущественно урартами (алародиями; вероятно этот термин включал и остатки «этивцев»)¹²⁵⁾; вавилоняне же называли XIII сатрапию (армянскую) «Мелид», по-видимому, по ее столице, а XVIII сатрапию (алародийскую) — опять-таки «Урарту»¹²⁶⁾. [238]

Обозначение всего нагорья термином «Армения» (древнеперсидск. «Армина») вероятно указывает на то, что к концу VI в. до н.э. армянский язык уже распространялся и за пределами XIII сатрапии. Если (как сообщает Ксенофонт в «Киропедии», и что, как будто, вытекает из древнеармянских легенд, переданных Моисеем Хоренским¹²⁷⁾) уже в период гегемонии Мидии существовало Армянское царство, то его создание могло содействовать распространению древнеармянского языка на всю территорию нагорья¹²⁸⁾. С V в. до н.э. алародии больше не упоминаются в истории, но, по всей вероятности, окончательное слияние урартов с древнеармянским народом завершилось в период создания армянского государства Еруандидов (IV—II вв. до н.э.) и Великой Армении Арташесидов (II в. до н.э.)¹²⁹⁾. Таким образом, урарты вошли еще одним, чрезвычайно мощным в численном и культурном отношении компонентом в состав армянского народа.

Хурриты, урарты и лувицы за пределами древнеармянского этнического ареала. Грузины. В то же время нельзя забывать об огромной культурной роли Урартского государства и за пределами собственно урартской языковой территории. В этом смысле культурная преемственность от Урарту является достоянием всех народов Закавказья, а не одного только армянского народа. [239] Кроме того, за время урартского владычества известная часть урартов успела осесть по всей территории державы¹³⁰⁾ и затем должна была влиться в состав местного населения, не только армяноязычного.

Но основная часть урартоязычного населения жила на территории образования армянского народа и влилась в его состав. Что же касается хурритов, «этивцев», лувийцев, то значительная часть их жила вне этой территории и, понятно, эта их часть не вошла в состав армян. Есть предположение о сохранении в Сасуне вплоть до средневековья особой этнической группы, отличной от армян (хурритской?)¹³¹⁾. На месте горных хурритов восточной части Армянского Тавра и Курдистанских гор (кардухов?), а также кутиев мы в средние века встречаем курдов, говорящих на языке, видимо, являющимся потомками мидийского, но развившимся в своеобразном направлении, в чем, быть может, следует видеть влияние хурритского субстрата(?)¹³²⁾. Значительная часть «этивцев» должна была, очевидно, войти на востоке их ареала — в состав албанов, на западе — грузин¹³³⁾, а в пределах Араратской долины и прилегающих территорий в конечном счете влилась в состав армянского народа, северо-западная же группа хурритов должна [240] была войти в состав грузинского народа¹³⁴⁾, который, как мы видели, широко распространился в течение XII(?)—VIII вв., вобрав в себя местное автохтонное население многих областей Закавказья и Понта. С тех пор он является одним из ведущих народов изучаемой территории, занимавшим весьма значительный в географическом, культурном и политическом отношении ареал и разделяя общий культурно-исторический субстрат с армянским народом¹³⁵⁾.

Что касается лувийцев, то большая часть их жила западнее основного района образования армянского народа: их потомками, по всей вероятности, явились

жители Киликии и Катаонии эллинистического времени, впоследствии эллинизовавшиеся, и уже значительно позже изучаемого времени подвергавшиеся и арменизации.

Выводы. Из всего изложенного видно, что история армянского народа — прямое продолжение истории не только протоармян, но и, — во всяком случае в не меньшей мере, — хурритов, урартов и [241] лувийцев. Основная масса армянского народа составила из их потомков; в какой-то исторический момент, если потомок говорил по-древнеармянски, то его отец, дед и прадед чаще всего были двуязычны, а предок был еще чистым хурритом или урартом. Уловить этот момент очень трудно; письменных источников на древнеармянском нет до V столетия н.э., а собственные имена, сохраненные другими источниками, почти ничего не дают: так, из армянской исторической традиции мы знаем, например, что царь Арташес I во II в. до н.э. был армянином, а он носил иранское имя и пользовался для официальных целей арамейским языком и арамейской письменностью. Поскольку армянская историческая традиция не заходит вглубь далее, самое большее, 2-й четверти I тыс. до н.э., то можем ли мы поручиться, что все династы нагорья в IX—VII вв. до н.э., носившие хурритские или лувийские имена и пользовавшиеся «хеттской иероглифической» письменностью и клинописью, действительно были хурритами и лувийцами?¹³⁶⁾ Но с исторической точки зрения это не так уж и существенно: их подданные, во всяком случае, были прямыми предками армяноязычных жителей этих мест в последующие столетия. Поэтому, изучая древнейшую социально-экономическую или культурную историю армянского народа, нельзя начинать ее как бы с чистого листа и искать в VI—V вв. до н.э. первобытнообщинных отношений; нет сомнения в том, что древнейшую армянскую историю можно правильно понять только как продолжение [242] еще более древней истории хурритов и урартов, а также лувийцев¹³⁷⁾.

Сейчас уже признано, что зачатки армянской государственности уходят не только в эпоху падения Урарту и Ассирии, но и глубже; зачатком ее могло быть царство Арме-Шубрия, как считает Б.Б. Пиотровский, предполагающий здесь создание скифско-армянского объединения на рубеже VII и VI вв. до н.э., но которое сложилось как государство значительно раньше; зачатком ее могло быть и царство Мелида — столицы сатрапии Армении в V в. до н.э., а может быть и столицы Армянского царства легендарного Тиграна I в VI в. до н.э., — «Великая Хатти» XII—VIII вв. до н.э. В качестве зачатка армянской государственности можно рассматривать и мушское царство Алзи XII—IX вв. до н.э.; но отчасти и любое хурритское, урартское или лувийское государство на территории Армянского нагорья — и эти государства были тоже созданы не чуждыми армянам этническими группами, а людьми, потомки которых влились в армянский народ, хотя сами они и говорили на других языках.

¹⁾ Наличие доиранского элемента здесь выявляется из большого числа собственных имен лиц и местностей, сохраненных ассирийскими источниками и не этимологизируемых из иранских языков, из упоминания ряда иранских народов и племен (луллуме, маннеи и т.п.), и из различия надписями Саргона II «кутиев» как особого этнического элемента, отличного от «мидян», которых, во всяком случае для данного периода, безусловно надо считать ираноязычными племенами. См. И. М. Дьяконов, История Мидии, М.-Л., 1956, стр. 212.

²⁾ Не следует смешивать маров армянских источников, то есть мидян (из парфянского таб), с марами, упоминаемыми у Геродота вместе с колхами (VII, 79) и с племенами Понта (III, 94), так как переходе **d** в **ḫ** и затем в древнеармянское «**ր**» произошел позже времени Геродота.

³⁾ Таково мнение Э. А. Грантовского, Иранские имена из приурмийского района в IX—VIII вв. до н.э., «Древний мир. Академику В.В. Струве», стр. 254-265. Однако нам кажется, что число имен с иранскими этимологиями, особенно в западных областях ареала, Э. А. Грантовский преувеличивает. По-прежнему совершенно неприемлемым кажется нам отождествление муцацирской богини Багмашту или Багбарту (чтение не установлено; по-урартски Варубани) с иранским **бага мазда** — «бог премудрый».

⁴⁾ Э.А. Грантовский, ук. соч., стр. 264 (предполагается приход через Кавказ); И.М. Дьяконов, История Мидии, стр. 124-125, 139, 150-151 (предполагается приход из Средней Азии).

⁵⁾ Так, на составленных по-аккадски юридических документах их владельцы надписывали краткие резюме по-арамейски; дошло и целое арамейское письмо, написанное ассирийцем, М. Lidzbarski, *Altaramäische Urkunden aus Assur*, Leipzig, 1921, стр. 5-15; R. A. Bowman, *An Interpretation of the Asshur Ostrakon*, в кн.: L. Waterman, *Royal Correspondence of the Assyrian Empire*, IV, Ann Arbor, 1936, стр. 275 и сл.

⁶⁾ Сюда, помимо Кулхи (Колхиды) и Халиту (халдайцев), предположительно можно отнести племена Витеру, Луша, Катарза и некоторые другие. Вероятно, именно они объединялись греками под названием народа саспиров. См. под соответствующими племенными названиями по индексу в кн.: Г.А. Меликишвили, *Урартские клинообразные надписи*, М., 1960.

⁷⁾ Колхи и саспиры упоминаются у Геродота (I. 104; 111, 97; IV, 37, 40; VII, 79), о халдайцах (халдах) и других племенах Понта см. выше, стр. 119-122. О тибаренах см. стр. 122, прим. 115 и стр. 193.

⁸⁾ См. карту на стр. 129 (из статьи: И. М. Дунаевская, О характере и связях языков древней Малой Азии, «Вопросы языкознания», 1954, № 6, стр. 63).

⁹⁾ См. карту в кн.: A. Goetze, *Kleinasien*, 2. Ausg., стр. 204.

¹⁰⁾ Страбон, XII, 8, 3. Ср. издание мисийской надписи в кн. J. Friedrich, *Kleinasienische Sprachdenkmäler*, Berlin, 1932, стр. 140 сл.

¹¹⁾ Геродот, III, 94; VII, 78. Анализ более поздних известий см. в кн.: Г.А. Меликишвили, К истории древней Грузии, стр. 72, сл., 105 и сл. С нашей точки зрения наиболее вероятно, что название тибаренов тождественно с именем каскского племени еще XIV в. до н.э. Типия (Тибия), с какими-либо местными суффиксами — например с распространенным в ряде кавказских языков суффиксом множественного числа **-ap-**. К Табалу, как нам кажется, они не имеют отношения. По историко-географическим причинам нельзя признать приемлемой попытку отождествления Табала и со страной Халиту (халдайцев), там же, стр. 76.

- ¹²⁾ Хиларундас, Вассаррумас, Барватас, Амбарис и мн. др. Однако следует проанализировать различные имена данного района на предмет выявления возможных носителей также и других языков. Эта работа недоделана, а между тем, если верить чтению Э. Форрера, здесь встречается по крайней мере одно фригийское имя — Гурди́ (Гордий).
- ¹³⁾ Например, Катаония (хеттск. Киццватна), Комана (ассир. Кумману, хеттск. Кумманни), Мелид (хеттск. Мальдия) и др.
- ¹⁴⁾ Например, Табал, Хилакку (горная Киликия), Гургум, Куммух (урартск. Кумаха, греч. Коммагена).
- ¹⁵⁾ Это отождествление делается по следующим основаниям: а) могущественное царство Мушку с царем Митá засвидетельствовано ассирийскими и урартскими источниками в области к западу от Киликийского Тавра для того же времени, что и находившееся, то греческим источникам, на этой же территории и в это же время (VIII — начало VII в. до н.э.) могущественное царство Фригия с царем Мидасом; б) древнееврейские источники, говоря о Малой Азии, упоминают вместе Яван, Тубал и Мешек, причем Яван — Иония, а Тубал — Табал; естественно считать, что Мешек — это находившаяся между ними Фригия (Кн. Бытия, 10, 2; Кн. Иезекиила, 27, 13). При этом о Тубале и Мешеке говорится как о великих погибших царствах наряду с Ассирией и Эламом (Кн. Иезекиила, 32, 26), а Гог (то есть Гуггу, у греков Гиг, царь Лидии; здесь царь Лидии, вообще) называется их «князем-главой» (Кн. Иезекиила, 38, 2-3, 39, 1); действительно, Лидия унаследовала могущество Фригии после ее падения (у Геродота, I, 29 — может быть, позднейшая интерполяция? — в числе подданных Лидии названы и халибы, тем более можно думать, что ряд грузиноязычных племен Понта был подвластен уже и Фригии; не отсюда ли название «мосхов»?); в) Другого обозначения для Фригии ассирийские и древнееврейские источники не знают, между тем Фригия не могла им быть неизвестна, имея в виду, что им была знакома расположенная западнее Лидия (др. еврейск. Луд, ассирийск. Лудду).
- ¹⁶⁾ Геродот. VII, 73; Эвдокс, в Комментариях Евстафия к Дионисию Периегету, 694.
- ¹⁷⁾ В лингвистике иногда выражаются сомнения в самом существовании фрако-фригийской ветви как целого. Это объясняется скудостью данных о фригийском и фракийском языках и, в частности, по вопросу об отражении в них праиндоевропейского **k'**. С моей точки зрения, принадлежность фракийского и фригийского к одной ветви можно считать установленной так же как и общие для фракийского, фригийского и древнеармянского переходы **k'** в **s**, **e** в **ie**, **i**, **ō** долгого в **u**, звонких — в глухие, а глухих — в придыхательные и т.п. См. Д. Дечев, Характеристика на тракийския език, София, 1952; В. Георгиев, Тракийският език, София, 1957; И. М. Дьяконов, Хетты, фригийцы и армяне, «Переднеазиатский сборник», М., 1961, стр. 333 и сл. [Ср. Дополнение, стр. 243].
- ¹⁸⁾ Ср. также в современной Европе „валахи“, что означает то „итальянцев“ (нем. Welsch, польск. wloch), то „румын“ (русс. **валах**), то „кельтов“ (англ. Welsh); другие примеры: у шведов finne значит „финн“, а у норвежцев — „саам“; по-немецки deutsch „немецкий“, а по-английски dutch — „голландский“ и т.п.
- ¹⁹⁾ В средневековых исторических сочинениях Закавказья встречается термин **кедар** для обозначения некоторых кочевых племен, перенесенный из Библии (Кн. Бытия, 25, 13, и мн. др.), где он означал одно древнеарабское племя в Сирии-

Палестине. Ср. также **ашкенази** — старинное самоназвание восточноевропейских евреев: первоначальное значение этого термина — «скиф» (*'шкнз в древнесемитском неогласованном письме — старая описка вместо 'шквз, читать **ашкуз**, что, подобно греческому skythoi, передает скифское *шкуза «скиф»).

²⁰⁾ Например, кто узнает латинское **аква** «вода» во французском **о** (eau), или древнее название **Эбуракум** в современном имени английского города **Йорк** (чит. **Йоок**)?

²¹⁾ Существует странное мнение, будто народ по пути своего движения как бы роняет повсюду свое название в виде имен населенных пунктов, звучащих сходно с этнонимом этого народа. Так, например, Г. А. Капанцян в поисках народа палайцев привлек большое количество местных названий, содержащих элемент **пал-, бал-, бол-** и т.п. Так как эти звуко сочетания являются весьма распространенными в различных языках, не удивительно, что поиски его увенчались успехом. В действительности этнические группы обычно вовсе не оставляют своего имени на местах своего проживания в виде названий населенных пунктов, — разве что если эти группы являются меньшинством среди сплошной массы иноязычного населения; но тогда такой топоним этнического происхождения мало что дает для выяснения действительного ареала распространения искомого народа. См. стр. 15-16, прим. 13.

Более надежны попытки выявления ареалов древних языков по повторяющимся элементам в топонимах, но эти данные требуют тщательной проверки своей достоверности. Так, Г. А. Капанцян (Хайаса — колыбель армян, стр. 257) выделяет «азианическо-субарский» суффикс **-ина** на основании наличия топонимов **Биаина, Нахарина, Лулуина, Урратина, Палестина**. Однако Biaina — косвенный падеж от Biainele и означает «в Биаинили»; Нахарина — условное чтение названия, приводимого в египетских неогласованных текстах, правильное чтение, по-видимому, Nahraini «две реки»; топонима Luluina вообще не существует, речь идет об урартском слове в косвенном падеже — luluinawə «вражеских»; не существует и Урратины, речь идет о засвидетельствованном в ассирийских текстах топониме **Уррахинаш**; наконец, Палестина — греко-римское воспроизведение семитского множественного числа pəlištin от pəlišti — «филистимлянин». Следовательно, никакого общего языкового субстрата суффикс **-ина** не выявляет.

²²⁾ Этимологии древнеармянских слов из «западноиндоиранского», предложенные Г.А. Капанцяном (Хайаса — колыбель армян, стр. 136-137), все имеют иное объяснение (в большинстве — из парфянского). Слово шрднцр «орел», вероятно, попало в древнеармянский через посредство урартского.

²³⁾ Например, из парфянского: ušwññh «младший член княжеского рода», ñhñwñwñr «нахарар», ušwññ «работник, простолюдин», qñññ «цвет», wñwñwñwññ «убежище», шрдñwññ «свободный», wñññwñwññ «белый», ðwñwñwñwññ «время», шрñññwñññ «ремесло, искусство», рwñqñññ «предплечье, рука», рwñðwñññ «кубок», hrñwñwñññ «распоряжение», wñwññ «число; подать», рwñð «подать», шрñññññ «обычаи, закон», wññññwññññ «вечный», ðrñwñññ «наставление» (раннепарфянское?), wññwñññ «поселение» (может быть древнеперсидское); из среднемидийского диалекта: wñññwññññ «область, страна; мир», шрñññññ «медь, бронза» и др. Имеются и примеры заимствования того же иранского слова вторично, из среднеперсидского

сасанидского времени; так, например, *մարզպետ* „глава царского двора, мажордом" (из парфянского *marzpat*) и *մարդպետ* в том же значении (из среднеперсидского *mardpat*), *վարժապետ* „наставник, учитель" (из парфянского *varžpat*) и *վարդապետ* „наставник, мастер, учитель" (из среднеперсидского *vardpat*).

²⁴⁾ Например, *զգաթ* „шерсть, руно", *հրեայ* „иудеи", *փրկան* „выкуп", *թանգար* „купец" (это слово, через арамейский и аккадский, восходит к шумерскому *dam-gar*), *ձիւր* „смола".

²⁵⁾ См. Г. Х. Саркисян, Тигранакерт, М., 1960, стр. 49 и сл.

²⁶⁾ Например, *ւրիկայ* „негодный, пустой", *հեզենայ* „слог", *առուրայր* „буквы", *շուկայ* „рынок", *շաբաթ* „суббота", *շափիկայ* „сапфир". Примеры на арамейские, сирийские и иранские слова в древнеармянском указаны нам А. Г. Периханян.

²⁷⁾ Например, *կնիք* „печать" из аккадского *kanniki* „запечатанный документ", *աղուկ* „кирпич" из аккадского *agurru* (последнее слово, во всяком случае, не через урартское посредство).

²⁸⁾ Из урартского, по-видимому, *ուր* „меч" из *šurə* „оружие"; *ծուկ* „озеро, море" из *šo(w)ə* „вода, озеро", *աւրեար* „муж, полноправный мужчина" из *ewgi-* „хозяин, господин" и др. (ср. еще стр. 77, прим. 7).

²⁹⁾ Из предложенных Г. А. Капанцяном хурритских этимологий для древнеармянских слов заслуживают внимания *աւուեմ* „женюсь" от хурритского *ašte* жена, *թիւ* „число" от хурритского *tiw-* „говорить, называть" (последнее слово может быть и урартским). Некоторые слова происходят, видимо, из промежуточного (верхнеевфратского?) диалекта, соединявшего черты урартской лексики с хурритскими фонетическими особенностями (ae > e, сохранение удвоенных согласных), напр.: *ծառ* „дерево", из **šarre*, ср. урартск. *šare* „сад", *աղիւ* „дом, хозяйство" из **allehe*, ср. урартск. *alae* „хозяин".

³⁰⁾ Например, *աղանդեր* „закуска" из хеттского *alattari* „род хлебца", *խառնամանակ* „мешаю" из хеттского *ḫarnamnia* со значением „возбуждать мятеж", *քրթմունք* „сержусь, ропщу" из хеттского *kartimmijaz* „гнев" (от *kart-* „сердце", ср. в древнеармянском *սիրտ*). Большие списки якобы хеттских слов в древнеармянском, приводимые Г. А. Капанцяном в его различных работах, наряду с действительными заимствованиями из хеттского, содержат множество случаев либо общеиндоевропейской, либо парфянской лексики.

³¹⁾ К таким словам, возможно, относятся *աչ* „глаз", *շուն*, *շան* - „собака". Может быть, к лувийскому восходят и отдельные особенности древнеармянского склонения.

³²⁾ К анатолийским языкам древнеармянский не может принадлежать еще и потому, что история развития фонетической системы от праиндоевропейского к древнеармянскому совершенно иная, чем к древнеанатолийским, и то же, даже в еще большей степени, относится и к морфологии. Анатолийские и

древнеармянский нельзя возвести к некоему общему языку-основе анатолийской ветви, но только к праязыку, общему для всех вообще индоевропейских языков.

³³⁾ Например, в древнеармянском имена *hšr* „отец“, *ušr* „мать“, *hš* „дед, предок“, *qē* „река“, собственно „вода“, *uē* „мед“, *qšr* „ячмень“, *uḥr* „сердце“, *hē* „след“, *nū* „нога“, *ršr* „высокий“, *lū* „корова“, *hš* „птица“, *š* „соль“, *uḥ* „мясо“ и мн. др.; глаголы *rē* „приносить“, *qē* — „знать, ведать“, *šq* — „одеваться“, *šr* — „пить“, *δš* — «знать, быть знакомым» и мн. др., все основные числительные, местоимения и т.п. восходят к праиндоевропейскому языку-основе, минуя анатолийское, иранское, греческое или славянское посредство, что видно из их звукового оформления, противоречащего фонетическим законам этих языковых ветвей. Отличие этой группы слов по характеру содержания понятии от остальных пластов, включающих слова, преимущественно связанные с позднейшими этапами развития культуры, бросается в глаза

³⁴⁾ См. А.А. Асмангулян, Против гипотезы о двуприродности армянского языка. «Вопросы языкознания». 1933, № 6, стр. 21.

³⁵⁾ Говорить о «славяно-скифских» языках как одном из источников древнеармянского (Г.А. Капанцян, Хайаса — колыбель армян, стр. 151 и др.) невозможно, так как скифский и славянские принадлежат к разным ветвям индоевропейской семьи.

³⁶⁾ Так, только в древнеармянском праиндоевропейские *p*, *t* дали придыхательные (затем развившиеся в *h* и ноль); этого явления не наблюдается ни в иранских, ни в славянских (в отношении анатолийских вопрос не вполне ясен); только в древнеармянском серия праиндоевропейских фонем *k^w*, *g^w*, *g^wh* перешла в *p*, *k^h*, *q* *g* (или *z* *j*), этого явления полностью в таком виде нет ни в иранских, ни в славянских, ни в анатолийских и т.п. Ср. древнеармянские *nū* „нога“, *hē* „след“, *tr* „три“ с иранскими (авестскими) *raθa* „нога“, *θray-* „три“, со славянскими (русскими) *под*, *три*, с хеттскими *petan* „место“, *t(a)rai-* „три“, а также древнеармянские *rš* „чем“, *lḥ* „жена“, *zē* „ударяю“ с иранскими (авестскими) — *ša-* местоименная основа, *janau-* „жена“, *g/jan-* „ударять“, со славянскими (русскими) *чем*, *жена*, *знать* и с хеттскими *kw-* местоименная основа, *kwen-*, *kup-* „бить“.

³⁷⁾ Ср. хеттские имена *attas* „отец“, *annas* „мать“, *vatar* „вода“, *milīt* „мед“, *halkis* „ячмень“, зерно“, *kart-* „сердце“, *parkus* „высокий“, глаголы *arnu-* „нести, приносить“ (древнеармянск. *uḥnū* означает „добываю, получаю“) *akw-* «пить», *sakk-* „знать“, *was-*, *wes-* „одеваться“ (древнеармянск. *šq*—*uḥ*, но ср. *q-ḫu* „одежда“) и т.д. с древнеармянскими словами, приведенными выше, стр. 202, прим. 33. Из приведенных 11 примеров пять слов в хеттском — от другого корня (*attas*, *annas*, *halkis*, *akw-*, *sakk-*), два — в другом звуковом оформлении (*kart-*, *parkus*), и четыре расходятся с древнеармянским либо суффиксами, либо значением и т.п. Большой процент расходящихся корней основного словарного фонда указывает на отделение древнеанатолийского языка-основы, с одной стороны, и фрако-фригийского языка-основы — с другой, от общего индоевропейского праязыка в глубокой древности. Согласно А. Камменхубер, древнеармянский отделился от общеиндоевропейского языка ранее всех других индоевропейских языков, кроме греческого, — раньше хеттского. См. А. Kammenhuber, Zur Stellung des Hethitisch-

Luvischen... «Zeitschrift für vergl. Sprachforschung begr. v. A. Kuhn», 77, 1/2, 1961, стр. 31, 71.

³⁸⁾ Так, по Г. Б. Джаукяну, индоевропейские k' , g' , $g'h$ отражаются в урартском как ḫ , q , k , а индоевропейские k^w , g^w , g^wh отражаются в урартском как ku , gu , между тем как в древнеармянском эти фонемы дают ц , ḡ , ḡ и ք , կ , գ соответственно. Кроме того, грамматические показатели урартского языка не имеют совсем ничего общего с армянскими, происхождение которых бесспорно индоевропейское.

³⁹⁾ Фракийский и фригийский дают те же изменения праиндоевропейской фонетической системы, что и древнеармянский, но мы застаем их на более ранней ступени (что и естественно). Так, если для древнеармянского характерен переход p , t (через ступень $*ph$, $*th$) в h и ноль, то и для фракийского и фригийского характерен переход p , t в ph , th , например в элементе фракийских собственных имен $-tiur-d$ || $-thiur-d$ и во фригийском собственном имени Appas || Aphpha ; если в древнеармянском g^wh перешло в q g (и затем в g j), то и для фракийского и фригийского характерен переход g^wh в g (в то время как в хеттском g^wh переходит в kw); фракийское $genton$ «кусочек мяса», собственно «отрезанное», ср. др.-армянск. ḡntu «ударяю» (ср. хеттск. $kwen-$ «ударять»), фракийское и фригийское $germ-$ в названиях местностей, по-видимому «Теплое», ср. древнеармянское ḡtrū «горячий» (из $*germ-$; тоже часто употребляется в топонимах). С фрако-фригийскими и рядом других языков (но не с анатолийскими) разделяет древнеармянский и переход праиндоевропейского k' в s и g' в s и далее в s (во фракийском и фригийском g' развилось только до S): фрак. $esb-$ «лошадь», фриг. $satilla$ «повозка, Большая Медведица», фрак. $-sep$ «род (?)» (в именах собственных), ср. древнеармянск. t₂ «осел», uṣj «повозка, двуколка», ḡḡ «рождение». Характерен глагольный префикс (аугмент) $e-$, общий древнеармянскому с фригийским (из других же индоевропейских языков он встречается в таком виде и одном только греческом — балканском соседе фрако-фригийских языков). [См. также Дополнение на стр. 243].

К сожалению, сопоставлять словарный состав фригийского и древнеармянского трудно. До нас дошло всего несколько фраз на старофригийском языке и несколько фраз на позднефригийском времен Римской империи, а также некоторое количество отдельных фригийских слов того же времени. Позднефригийский уже подвергся сильнейшему влиянию греческого, но и старофригийский являет ряд заимствований из древнейшего ахейского греческого (например, wanaki- «царь», lawagt- «военачальник», awtos «сам» и др.). Но наиболее существенно то, что дошедший до нас материал фригийского языка почти не содержит слов основного фонда, которые одни только и могут правомерно сопоставляться для выяснения языкового родства. Однако, ср. все же древнеармянск. hṣj «отец», uṣj «мать», fṣr- «нести», qṣn- «знать», uṣj «повозка», uṣnṣh «бог», u-ṣ «этот, эта» (дательный падеж uṣ-ṣ) с фригийскими pat(e)r (в мисийском) «отец», matar , mater- «мать», ber- «носить», wit- «знать» (или «видеть?»), satina , satilla «повозка, Большая Медведица», Sabazios «верховный бог», si (дательный падеж semun) «этот», sa «эта» и с хеттскими attas «отец», annas «мать», arṇu- «приносить», sakk- «знать», siw(an)nis «бог», kā- apā- «этот».

⁴⁰⁾ Следует отличать этиологические легенды, создававшиеся греками с целью вывести народы Востока от героев греческой древности (например, о происхождении армений от Армена, сына Ясона, героя похода аргонавтов, мидян

— от Медеи и т.п.) и чисто деловые справки греческих авторов, не связанные ни с какими псевдоэтимологическими и этимологическими построениями. Именно таковы сообщения Геродота и Эвдокса, имеющие характер попутных замечаний. Выведение армян от фригийцев никак не могло стоять «в связи с колониционными стремлениями господствующего класса античного мира», как полагает Б.Б. Пиотровский (Ванское царство. М., 1959. стр. 123): фригийцы были не колонизаторами, а колонизируемыми. Впрочем, как мы увидим ниже, известие Геродота не может быть принято безоговорочно.

⁴¹⁾ Это в настоящее время не вызывает сомнения. См. В.И. Абаев, Осетинский язык и фольклор, I, М., 1949, стр. 147 и сл.

⁴²⁾ См. И. М. Дьяконов, История Мидии, стр. 239-242.

⁴³⁾ Именно таково мнение Э. Кавеньяка, который связывает происхождение армянского языка с фракоязычными трерами — особой группой киммерийцев или их союзниками. Треры древневосточным источникам не известны, и думать об их оседании на Армянском нагорье нет оснований. См. E. Cavaignac, *L'origine des Arméniens*, "Revue hittite et asianique", XXI, 72, 1963, стр. 47-54.

⁴⁴⁾ Иначе они не могли бы перевалить через Кавказский хребет — ни вдоль Черного моря, ни через Дарьял, ср. выше стр. 26. прим. 35.

⁴⁵⁾ См. Б. Б. Пиотровский, Ванское царство, стр. 239; Г.А. Меликишвили, К истории древней Грузии, стр. 223-224.

⁴⁶⁾ На этой территории происходили насильственные переселения групп жителей внутри Ассирийской и внутри Урартской державы, но не извне внутрь Урарту, если не считать похода Русы II в 676 г. до н.э. против Фригии в союзе с киммерийцами, который мог сопровождаться переселением жителей из Фригии на Армянское нагорье. Но протоармян, как мы увидим ниже, несмотря на сообщение Геродота о том, что они «отселились от фригийцев», нельзя просто отождествлять с фригийцами.

⁴⁷⁾ Хотя предполагавшееся расхождение в отражении праиндоевропейских фонем во фригийском, с одной стороны, и древнеармянском, — с другой (и.-е. *g^w > др.-арм. ւ k, фриг. якобы b; и.-е. *k' > др.-арм. ս s, фриг. якобы k) оказалось, в свете новейших исследований, мнимым, однако выявляется ряд частных фонетических, морфологических и лексических расхождений между тем и другим языком. Эти расхождения такого рода, что делают невозможным прямое возведение древнеармянского к фригийскому; возможно лишь общее происхождение из двух близких диалектов одного языка-основы. Но так как из географических соображений следует также, что протоармяне должны были быть головным отрядом фрако-фригийского движения в Малую Азию и, следовательно, их язык должен был ответвиться от языка-основы не позже начала этого движения, то отсюда вытекает, что фригийский и протоармянский должны были быть отдельными языками (или, по крайней мере, четко разграниченными диалектами) еще на их балканской родине. Подробные данные по этому вопросу мы надеемся опубликовать позже

⁴⁸⁾ Каски, по-видимому, осели северо-западнее, в «стране Каску», где-то около верховьев Галиса. Они не имеют отношения к разбираемой на проблеме; об их вероятной этнической принадлежности см. выше, стр 12-13 и 192

⁴⁹⁾ Г. А. Капанцян, Хайаса — колыбель армян, Ереван, 1947. Существенным недостатком данной, как и многих других работ этого заслуженного ученого, являются с общелингвистической точки зрения — игнорирование вопросов исторической фонетики и, как следствие, нечеткое различение заимствований от фактов языкового родства, а с точки зрения клинописной филологии — привлечение на равных основаниях достоверных и недостоверных фактов, проверенных и непроверенных гипотез, устаревших и новейших чтений и сведений. Кроме того, связывая хайасцев этнически, прежде всего, с древними палайцами, Г.А. Капанцян ошибочно считал последних (как и лувийцев) носителями древнейших, доиндоевропейских языков, что, естественно, привело к существенному искажению всей лингвистической перспективы. Вследствие всего этого, несмотря на наличие у Г.А. Капанцяна многих тонких наблюдений, неподготовленный читатель едва ли сможет выделить их среди утверждений спорных и неверных.

⁵⁰⁾ «История армянского народа», изд. АН АрмССР, ч. I, Ереван, 1951, стр. 25. Г. Б. Джаукян указывает на некоторое сходство отдельных топонимов центральной Армении с топонимикой Хайасы, но это может объясняться общим «куро-аракским» субстратом и другими причинами, например, общей принадлежностью хайасцев и жителей центра нагорья к хуррито-урартской группе языков.

⁵¹⁾ О материальной культуре Хайасы мы не знаем ничего. Памятники с городища Алтын-тепе в Эрзинджанской долине, приводимые Г. А. Капанцяном (Хайаса — колыбель армян, стр. 105 и табл. I-II) в качестве хайасских, в действительности урартские (правда, на одном предмете найдена «хеттская иероглифическая» надпись). Крепость на холме Алтын-тепе была построена в урартское время, а до этого холм не был заселен со времен III тыс. до н.э., когда на нем находилось поселение «куро-аракской» культуры, см. Tahsin Özgüç, Excavations at Altintepe, «Türk Tarih Kurumu Belleten», XXV, 98, 1961, стр. 269-290.

⁵²⁾ Любопытно, что Г. А. Капанцян (Хайаса — колыбель армян, стр. 17), справедливо отвергая сделанное И. Марквартом сопоставление засвидетельствованного в рукописи греческого автора названия понтийского племени Khaoi с самоназванием армян $h\alpha i j$ на том основании, что «армянское национальное имя $h\alpha j$ не начинается с твердого заднеязычного спиранта «х»», тут же утверждает тождество $h\alpha i j$ с названием Хайасы, хотя и оно начинается «с твердого заднеязычного спиранта «х»» (h), а вовсе не с h .

⁵³⁾ $h\alpha i j$, из праиндоевропейского *pater „отец“, $h\alpha i$ из *Hawos „дед“, $h\alpha i$ из (h) $h\alpha i$ из *sal „соль“ и т.д.

⁵⁴⁾ Хеттское **a** может *восходить* к праиндоевропейскому **o** как его историческое изменение, но сомнительно, чтобы оно могло *передавать* иноязычное **o**; для этого во всех системах клинописи обычно применяется **u**.

⁵⁵⁾ Г.А. Капанцян, ук, соч., стр. 39. Суффикс этот засвидетельствован в лувийском языке, но, по мнению Т.В. Гамкрелидзе («Хеттские языки» и вопрос о переселении в Малую Азию индоевропейских племен, «Труды Института языкознания АН Груз.

ССР», Серия восточных языков, VI, Тбилиси, 1957, стр. 45 сл.) может восходить к доанатолийскому (хаттскому) субстрату.

⁵⁶⁾ Г.А. Капанцян прибавляет еще имена Ваннис, Капилтияс (в его транскрипции — Габилдий) и Арихпицци. Последнее имя во всяком случае хурритское, и к данной проблеме не относится. Что касается остальных двух, то мне не удалось проверить их по автографии, но, судя по приводимой транскрипции, первое из них скорее не имя, а титул, что видно из детерминатива, а второе — название населенного пункта(?).

⁵⁷⁾ Текст (KUB XXVI, 39) не дает полной уверенности в том, что это боги Хайасы. Индоевропейское происхождение их имен более чем сомнительно и не имеет аналогий. При анализе имен этих божеств Г. А. Капанцян допустил ошибку, приняв некоторые гетерографические написания за фонетические и пытаясь этимологизировать их, исходя из того, как если бы они читались как написано, что не соответствует действительности. Главным божеством Хайасы был хтонический бог, имя которого скрыто под гетерограммой. Он почитался и у хеттов.

⁵⁸⁾ Так, и хеттские топонимы из хеттского языка, как правило, не этимологизируются.

⁵⁹⁾ G.B. Jahukyan, The Hayaša Language and its Relation to the Indoeuropean Languages, "Archiv Orientalni", XXIX, 3, 1961, стр. 353-405.

⁶⁰⁾ Деление хайасских имен собственных на основу и суффиксы, предлагаемое Г. Б. Джаукяном, представляется нам произвольным; отсутствие префиксов в хайасском языке типично для хуррито-урартских, но не для индоевропейских языков; большинство выделяемых автором элементов может быть этимологизировано и не из индоевропейских языков, а, например, из того же хурритского (таковы элементы **анни-**, **мари-**, суффикс имен уменьшительных **-ия**, суффиксы прилагательных **-ззи (цци)**, **-анни** и мн. др.; имя бога ^dU.GUR — гетерограмма; во всяком случае, это написание имени божества земли и смерти широко применялось по всей территории клинообразной письменности, в частности, у хурритов Аррапхи, и видеть в нем «хайасское» слово и притом выводить из него армянское սոքրիս «сражаюсь» нет ровно никаких оснований; мнимые хайасские этимологии армянских и урартских слов, приводимые Г. Б. Джаукяном (ук.соч., стр. 403-405), основаны на произвольных переводах лексических элементов, произвольно же выделенных им из «хайасских» имен собственных.

⁶¹⁾ В самом деле, реконструируемый Г. Б. Джаукяном индоевропейский хайасский язык являлся, по его мнению, древнеанатолийским (ук.соч, стр. 398), следовательно, не родственным армянскому.

⁶²⁾ Так у Моисея Хоренского, I, 10 (**Харк'**). Ср. сообщение Страбона (XI, 14, 12) о том, что потомки мифического Армена, предка-эпонима армениев, осели частью в Акилисене — Софене (то есть в долине верхнего Евфрата), частью в Сиспиритиде (читать Супиритиде?) и в районах, примыкающих к Армянскому нагорью с юга. В Супиритиде (?) некоторые исследователи видят Арме-Шубрию.

⁶³⁾ Согласно Р.Д. Барнетту, надпись Катуваса, царя Каркемиша (A II b, 3), сообщает об изгнании(?) воинов **мускаин** (? — mus(a)kaī) из этого города около

900 г. до н.э.; если текст прочтен правильно, то по хронологическим соображениям было бы маловероятно, что имелись в виду фригийцы; скорее это означало бы, что *восточные* мушки доходили до Каркемиша. См. L. Woolley and R.D. Barnett, Carchemish, III, London, 1952. стр. 260-261.

⁶⁴⁾ В надписи Минуи о завоевании Алзи ([УКН, № 28](#)) страна восточных мушков, возможно, включена и в «страну Хате»; о значении этого обстоятельства см. ниже.

⁶⁵⁾ Но в надписи Апараса, царя Каркемиша начала VIII в. до н.э., совместно упоминаются *musaī*, *mus(a)kaī* и ассирийцы (Каркемиш, А 6, 3). Под **мус(а)каи(н)**, как и в надписи Катуваса, следует скорее всего понимать восточных мушков.

⁶⁶⁾ А. Goetze, Kleinasien, 2. Ausg., стр. 179. Следует заметить, что окончание топонимов на **-ска (-шка)** было довольно распространено в Малой Азии, но форма ***мушка**, которая была бы аналогична **кашка**, в текстах не засвидетельствована. Сюда не относится ни «хеттско-иероглифическое» окончание **-ай(н)** в *мус(а)кай(н)*, ни вавилонское слово окончание **-айа** в *мушкайа* — «жители страны Мушку или Мушки» — оба: эти суффиксы принадлежат не языку мушков, а языку текста, где они встречаются (как если мы говорим «мушкский», это **-ский** нельзя относить к этнониму).

⁶⁷⁾ Встречающееся в литературе указание на их упоминание в египетских текстах Рамсеса II ошибочно; речь идет об области Маса, известной по хеттским данным.

⁶⁸⁾ *Fragmenta historicorum graecorum*, I, 1, fragm. 228.

⁶⁹⁾ Г.А. Меликишвили, К истории древней Грузии, стр. 72.

⁷⁰⁾ Там же, стр. 105.

⁷¹⁾ Халдайцы впоследствии носили обозначение лазов и чанов.

^{71a)} Отождествление очень древнее; еще Цицерон смешивал жителей Тибала с тибаренами.

⁷²⁾ Г. А. Меликишвили, К истории древней Грузии, стр. 78.

⁷³⁾ Вряд ли приемлема этимология названия Tabal от груз. **tba-* «озеро», тем более, что на территории древнего Табала нет озер. Кроме того, в таком случае, понятно, отпадает сопоставление термина **Табал** с термином **ибер** (через **тибаренов**).

⁷⁴⁾ Г.А. Меликишвили. К истории древней Грузии, стр. 106. То, что Г. А. Меликишвили видит здесь два разных вторжения, объясняется тем что он основывается на заявлении Тиглатпаласара I об уничтожении им мушков. Однако даже если доверять данным ассирийских анналов — всегда непомерно хвастливых, — то Тиглатпаласар I взял в плен 6000 мушков, и трудно предположить, что остальных 14000 он убил — этого не утверждают и анналы. При этом в тексте говорится только о тех мушках, которые совершили набег на Кадмухи, а не о тех, которые осели в Алзи и Пурукуззи. Несомненно, мушки Тиглатпаласара I (XII в.) и оседлые мушки Тукульти-Нинурты и Ашшурнацирапала

(IX в.) — одно и то же. Сам Г. А. Меликишвили (там же) допускает, что «одна часть мушков... осталась на территории, находившейся под контролем ассирийцев».

⁷⁵⁾ В настоящее время историческая фонетика грузинских языков хорошо разработана, и возможно восстанавливать даже праформы грузинского языкоосновы. В этих условиях отождествлять такие термины, как «кардухи» и «картвелы», «мушки» и «месхи», «колхи» и «гlexи» можно, только обосновав это исторической фонетикой грузинских языков. Пока же это не проделано, подобные сопоставления остаются под большим сомнением.

⁷⁶⁾ См. многочисленные сообщения об этих племенах в письмах ассирийского царского архива. Эта область (Кордуэна) явилась в дальнейшем местом обитания курдов, народа, говорящего на языке, восходящем к индийскому, но, с нашей точки зрения, сам народ, является потомком горных хурритов, кутиев и т.п. В районах, защищенных горами, часто сохраняются языки, исчезнувшие в центре ареала. Так было с хурритами, таково же положение с талышцами, тоже, подобно курдам, поныне сохраняющими остаток мидийского языка, проникшего в Талыш относительно поздно (в эпоху Мидийского царства здесь сохранялись доиранские племена) и давно исчезнувшего в собственно Мидии.

⁷⁷⁾ Согласно надписи Тиглатпаласара I, мушки жили в Алзи, территория которого не достигала Северной Месопотамии; согласно надписи Ашшурнацирапала, он получил дань от мушков, находясь в Кадмухи, из чего следует только то, что они жили неподалеку от этой области, но не обязательно в самой стране Кадмухи. См., впрочем, выше, стр. 151, прим. 185.

⁷⁸⁾ Ук. соч., стр. 78.

⁷⁹⁾ Ассирийское *tabalāja* — не название племени, а означает «жителя области Табал», ср. *šidūnāja* «житель Силона», *bābilāja* «житель Вавилона», Это обозначение *tabalāja* изредка применяется в документах к отдельным людям, как обозначение места их происхождения, но, насколько мне известно, не в исторических надписях.

⁸⁰⁾ E. Cavaignac, *Mushkl et Phrygiens*, "Journal Asiatique", CCXLI, 1, 1953, стр. 139-144; Н. В. Хазарадзе, Некоторые вопросы древнейшей истории Фригии, «Кавказско-ближневосточный сборник», II, Тбилиси, 1962, стр. 45 сл. (на грузинском языке с русским и английским резюме).

⁸¹⁾ И.М. Дьяконов, Хетты, фригийцы и армяне, стр. 355. К возможности переноса этнического названия фрако-фригийцев на определенную группу грузиноязычных племен ср., например, наименование романизированных галлов *français* по вторгшемуся германскому племени франков, или наименование известных русских и украинских этнических групп термином тюркского происхождения **козак**, **казак**, идентичному с этнонимом **казах** и объясняющемуся не общим этническим происхождением, а сходством образа жизни на определенном этапе истории (наездничество, независимость от централизованной государственной власти). Если предположить тождество мосхов с халибами, то последние, — по свидетельству, правда, по-видимому не принадлежащему самому Геродоту, а интерполированному в его рассказ (I, 29), но, во всяком случае, древнему, — входили в состав Лидийской державы, а следовательно, надо думать, до нее — в состав расположенной гораздо ближе к местам их обитания Фригии.

⁸²⁾ Следует иметь в виду, что в позднеаккадском звук, который в транскрипции передается как **у**, читался, судя по греческим передачам эллинистического времени, как **о** (относится ли это и к ассирийскому диалекту VIII—VII вв. до н.э. — неизвестно), и что урартское графическое **у** передавало два звука — чаще **о**, реже **у**; кроме того, как в ассирийском диалекте аккадского, так и в урартском знаки, содержавшие **ш**, читались со звуком **с**; поэтому, наряду с чтением **мушки**, возможны чтения **мошки**, **муски**, **моски**.

⁸³⁾ В масоретской Библии написание **мшк** огласовано **Мешек** (традиционное чтение Мешех передает придыхательное **к'**, примерно соответствующее армянскому **ք**). Но это — поздняя, средневековая огласовка, относящаяся к тому времени, когда подлинное произношение этого названия евреями уже было забыто. Самаритянская Библия огласовывает это слово как **Мōшек**, греческий и латинский переводы (Септуагинта и Вульгата) — как **Mosokh**, что, по правилам древнееврейской фонетики, соответствует первоначальному ***мошк-**; эта форма в свою очередь, может восходить к ***мушк-**.

⁸⁴⁾ Переход **ḫ** в **к^h** был, по-видимому, возможен в языках лувийской группы, однако переход **к^h** в **ḫ** как будто не засвидетельствован. В самом лувийском («хеттском-иероглифическом») термин звучал, как мы видели, **mus(a)kaī**. Так или иначе, вопрос о происхождении термина **месх** нуждается в дальнейшем исследовании. Следует, впрочем, отметить, что отождествление (или смешение) месхов с мосхами, как мы видели, принадлежит еще поздней древности: уже Страбон (XI, 2, 78) помещает мосхов не в Понте, как Гекатей и Геродот, а на границе Колхиды, Иберии и Армении, так что у него несомненно речь идет о месхах.

⁸⁵⁾ Так, в частности, и у Г.А. Меликишвили, Наири-Урарту, стр. 315 и сл.

⁸⁶⁾ A. Goetze, Kleinasien, 2. Ausg., стр. 202 (со ссылкой на П. Кречмера).

⁸⁷⁾ Форма **мушки** могла бы рассматриваться как протоармянское множественное число от **муш-**, ср. древнеармянский формант множественного числа **-ք**, происхождение которого неизвестно. Как уже упоминалось, в «хеттской-иероглифической» надписи Арараса одновременно упоминаются и **мусай(н)** и **мус(а)кай(н)**. Очевидно, это один и тот же термин, но отнесенный к двум разным этническим группам внутри фрако-фригийцев, — к одной, применявшей формант множественного числа **-к^h -ք** и к другой, не применявшей его. Действительно, во фригийском языке нет никаких следов формы, которая могла бы дать характерное древнеармянское множественное число на **-к^h**. Эти две этнические группы могли бы быть мисами и фригийцами; однако трудно представить себе вторжение мисов от берегов Мраморного моря в Каркемиш в VIII в. до н.э., даже как союзников фригийцев. Скорее же это могли бы быть фригийцы — мусай(н) и протоармяне — мус(а)кай(н); в таком случае следует предположить, что термин **мушк'и** с **-к^h** сначала применялся только к протоармянам как к передовой группе фрако-фригийцев, и затем уже был перенесен также и на фригийцев, которые, подобно своим соседям мисам, в действительности не употребляли суффикса **-к^h**. Нельзя ли предположить, что название города Муша, расположенного в районе оседания протоармян, связано с этнонимом мушков и является еще одним свидетельством в пользу суффиксального характера **-к^h** в этом этнониме?

⁸⁸⁾ См. Г.А. Меликишвили, К истории древней Грузии, стр. 112. Само по себе предположение о подобном кратковременном вторжении грузиноязычных племен

в долину верхнего Евфрата не содержит в себе ничего невероятного: мы видели, что в этом же районе появлялись и каски-абешлайцы, — очевидно, из тех же припонтийских районов, заселение которых грузиноязычными племенами происходило в XII(?)—VIII вв. до н.э.

⁸⁹⁾ U.S.Երեմյան, Հայերի ցեղային միությունը Արմե-Շուպրիա երկրում, "Историко-филологический журнал" (Պատմա-բանասիրական հանդես), 1958, № 3, стр. 59-74. С точкой зрения С. Т. Еремяна солидаризировался также В. Бэнэцяну в докладе: Вопросы армянского этногенеза. «Труды XXV Международного конгресса востоковедов», III. М., стр. 658-667, а также в других своих работах.

⁹⁰⁾ Приводимая С.Т. Еремяном форма **Урмеухи** — хуррито-урартское прилагательное от Урме (ср. **этиухи, диаухи, кардухи** и т.п.).

⁹¹⁾ Указывают на «страну» Арматана хеттских источников как на возможное место обитания аримов. Однако Арматана не находилась в Хайасе, а ее название, по всей вероятности, связано с именем бога Армаса и к армянам не имеет отношения. Кроме того, сразу же встает вопрос, каким образом в Арматану могло в то время попасть неанатолийское индоевропейское племя.

⁹²⁾ Воины шли, и все поле как будто огнем пожиралось,
Тяжко стонала земля, как от гнева отца Громовержца,
Ежели землю бичует Зевес вокруг Тифона в Аримах,
Там, где, молва повествует, находится ложе Тифона,
Так под ногами идущих стонала земля, содрогаясь, —
Ибо с большой быстротой проходили войска по равнине.

(II., II, 780-785, перевод Н. Минского; Тифон — первобытный великан).

⁹³⁾ Судя по употребленному предлогу (ein Arimois), более вероятно последнее.

⁹⁴⁾ См. Pauly's Real-Encyclopädie s. v. Arima. Выбирались вулканические Питиузские острова или вулкан Аргей (Эрджияс-даг) в Малой Азии, а также другие локализации. Как справедливо отметил еще Г.А. Капанцян (Хайаса — колыбель армян, стр. 175-177), гора Аргей находится очень далеко от Хайасы, — можно добавить, и довольно далеко от Арматаны.

⁹⁵⁾ Или, строго говоря, индоевропейского, но не анатолийского, не иранского, не индийского, не греческого, не славянского и т.д. Уже методом исключения нужно было бы прийти к выводу о принадлежности этого элемента к фрако-фригийской ветви.

⁹⁶⁾ Отождествление С. Т. Еремяном Нехерни-Нахрии с Нихани, упоминаемым Тукульти-Нинуртой I, не кажется нам убедительным, хотя отождествление самого Нихани с Нихан-дагом на правом берегу Тигра весьма вероятно. Но окончание -**риа** засвидетельствовано в названии интересующего нас города издревле, и контексты требуют, как нам кажется, его локализации на левобережье Тигра. Другое предложенное отождествление Нехерии — со средневековым Неп'еркертом (совр. Майафаркин) трудно оправдать лингвистически, хотя топографически оно возможно. О локализации Кулмери см. выше. стр. 139, прим. 150.

⁹⁷⁾ [АВИИУ II, № 67](#), е, и.

⁹⁸⁾ [АВИИУ I, № 23](#), II, 2-14 (надпись Ашшурнацирапала). Под внутренним Уруму, возможно, имеются в виду северные склоны Сасунских гор, а под Шубрией — южные.

⁹⁹⁾ Ср. имена членов царских домов Кадмухи и Уррахиноша — Кили-Тешуб, сын Кали-Тешуба, и Шади-Тешуб, сын Хаттухи («Хетта», [АВИИУ I, № 10](#), II, 25 – II, 40) и самой Шубрии — Шерпи-Тешуб, Лиги-Тешуб ([АВИИУ II, № 67](#), прим. 40) и Анхитте(ше) ([АВИИУ I](#), надписи Салманасара III, неоднократно); в письмах ассирийского царского архива упоминается еще Ху-Тешуб (ошибочное чтение: Баг-Тешуб).

¹⁰⁰⁾ См. выше, стр. 215, прим. 63.

¹⁰¹⁾ Надпись Синаххериба, [АВИИУ II, № 59](#), прим. 13 (чтение Э. Форрера).

¹⁰²⁾ Это видно из многочисленных имен как и «хеттских-иероглифических», так и в ассирийских памятниках (Хиларундас, Тархунаси(с), Тархулар(с), Амбарис, Барватас и др.). Некоторые из них подражают хеттским именам эпохи Хеттской державы (Хаттусилис, Муталлу и др.). Не обязательно все лица, носившие такие имена, были лувийцами; полулувийское имя носит даже киммерийский вождь VII в. Сандакшатру (иранск. «власть бога Сандона», — лувийского божества, см. [АВИИУ II, № 78](#)).

¹⁰³⁾ Предположение Г. А. Меликишвили (Наири-Урарту, стр. 89) о том, что страна Цупа обязана происхождением своего названия нахскому племени цова (бацбийцам), не может быть принято, так как, в противоположность абхазо-адыгским и грузинским племенам, племена нахско-дагестанские, уже и тогда совершенно отличные от них по языку (см. Е.А. Бокарев, Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков, Махачкала, 1901, стр. 18), ни разу не были засвидетельствованы на территории Армянского нагорья, и нет никаких причин предполагать их вторжение сюда на основании одного только отдаленного сходства единичного названия. Характерно, что такие более новые топонимы данного района, как Энзите, или тесно связанные с новыми пришельцами, как Цупа, Алзи, сохранились вплоть до средних веков, в то время как древние хурритские топонимы — Паххува, Исува и т.д. — исчезли. В надписи Салманасара III ([АВИИУ I, № 27](#), II, 40-44) термин «Ишуа» — явный архаизм, и в параллельном тексте № 28, 35 сл. он заменен термином Алзи.

¹⁰⁴⁾ Тем не менее, следует учитывать, что вряд ли мушки отважились бы на столь рискованное предприятие, как нападение на ассирийские земли малым отрядом, не составлявшим большей части их вооруженных сил.

¹⁰⁵⁾ И.М. Дьяконов, Некоторые данные о социальном устройстве Урарту, «Проблемы социально-экономической истории древнего мира. Сб. памяти акад. А. И. Тюменева», М.-Л., 1963, стр. 57.

¹⁰⁶⁾ Это кажется странным, так как, казалось бы, мушки и урумейцы, как завоеватели, должны были бы образовать и местные династии. По-видимому, верхушка мушкской племенной знати восприняла хурритско-лувийскую культуру и принимала соответствующие личные имена. Этому есть много аналогий. Возможно, мушки поступали и на службу к местным династиям.

[107\)](#) Г.А. Климов, Этимологический словарь картвельских языков, М. 1964, стр. 27 и сл., не упоминает ее в своей характеристике исторического состава грузинской лексики.

[108\)](#) И. М. Дьяконов, Материалы к фонетике урартского языка, «Вопросы грамматики и истории восточных языков», М.-Л., 1958, стр. 51. Речь идет не об отдельных армянских диалектах, которые, — например, в районе Вана, — сохраняют особо сильные следы субстрата в фонетике, а о всем древнеармянском языке в целом.

[109\)](#) Для сравнения отметим, что население Шетландских островов у берегов Шотландии, когда-то говорившее на древненорвежском языке, но к XVII в., после периода двуязычия, перешедшее на английский, до недавнего времени сохраняло в местном английском диалекте следы норвежской фонетики. Речь с так называемым «акцентом» всегда свидетельствует о двуязычии говорящего, но в случае быстрого и полного перехода целиком на новый язык «акцент» исчезает в следующем поколении. Для того, чтобы фонетические нормы прежнего языка укоренились у говорящих на языке новом, нужны многие поколения двуязычия.

[110\)](#) См. о роли языка и этноса в древневосточной истории: И. М. Дьяконов, Народы древней Передней Азии, «Переднеазиатский этнографический сборник», М., 1958, стр. 5 и сл.; его же. Этнический и социальный фактор в истории древнего мира, «Вестник древней истории», 1963, № 2, стр. 167-179; его же. Этнос и социальное деление в Ассирии, «Советское востоковедение», 1958, № 6, стр. 56.

[111\)](#) В своих анналах Аргишти I говорит, что в пятом году своего правления «я построил город Эрбуни для могущества Биаинели и усмирения (?) вражеской страны... 6600 бойцов из стран Хате и Цупа я там поселил» (УКН, [№ 127, II](#), 33-37, [№ 128, A2](#), 15-23). Речь идет о пленных, захваченных в предшествующем году во время похода на Мелитеа (Малатю — впоследствии столицу XIII сатрапии «Армения»). О значении термина «Хате» см. ниже.

[112\)](#) УКН, доп. 8-9, Н.В. Арутюнян. Новые урартские надписи..., I.8; ср. Г. А. Меликишвили, К вопросу о хетто-цупанийских переселенцах в Урарту, «Вестник древней истории», 1958, № 2, стр. 10-47. Первоначально лувийским божеством был, по-видимому, и древнеармянский бог Торк, почитавшийся в Ангел-туне, то есть в южной части протоармянского ареала, — лувийск. Тарху(нтас), в Киликии, согласно греческой передаче, Троко, в Ликийи trqq. См. Г.А. Капанцян, Хайаса — колыбель армян, стр. 201.

[112a\)](#) Среди признанных в Эрбуни (и Тейшебаини) божеств был и Мардук, бог Вавилона, см. Н. В. Арутюнян, там же, III, 8 и стр. 96; ср. здесь стр. 159, прим. 225.

[113\)](#) Это название справедливо возводят к хеттскому Цухма, ассирийскому Сухму (действительное произношение, вероятно, **Сóхма**). Значительно менее вероятно производство термина **сомехи** от **мушки**, даже помимо несовпадения звуков. При любой из этих двух этимологий приходится предполагать метатезу (перестановку) согласных, но она гораздо более вероятна в первом случае.

[114\)](#) Мы предполагаем, что др.-перс. ***армина** образовано с помощью арамейского окончания на **-ā** долгое от не засвидетельствованного, но грамматически закономерного урартского ***армини** «житель Арме», также «армесская (страна)». Такое двойственное значение исходного ***армини** привело к тому, что термином

***Арминā** стала называться и самая страна, откуда уже образовалось древнеперсидское прилагательное **арминия** и позднейшее сирийско-арамейское **армнайā** «армянин».

¹¹⁵⁾ Например, **Атура** «Ассирия» (арамейская форма; по-ассирийски **Ашшур**)

¹¹⁶⁾ Что чиновниками Персидской державы Ахеменидов были арамеи — общеизвестно. Термин **Армина** «Армянское нагорье» и **арминия** «житель Армении» (не только «армянин»: так назван, между прочим, претендент на вавилонский престол Араха или Арха, который, судя по имени его отца Халдита, то есть **Халди-теаэ** «Халди велик», был урартом) появляется впервые в Бисутунской надписи Дария I, высеченной в начале второго десятилетия VI в. до н.э., а соответствующие греческие термины — у Геродота, пользовавшегося (через Гекатея?) официальными персидскими источниками. До восприятия греками арамейско-персидского термина **армении**, они, по-видимому, пользовались для них обозначением «мелиттеняне».

¹¹⁷⁾ Во всяком случае, лувийские государства и официально назывались Хатти.

¹¹⁸⁾ «Страной хеттов» в урартских источниках называется правобережье верхнеевфратской долины ([УКН, № 39](#)), в частности царство Мелид (Мелитеа), см. [УКН, № 39](#), а также ср. [УКН, 28](#): «В тот же год я (Минуа — И.Д.) собрал воинов, и они взяли из [...] ской страны город Шуришили, город Тархигама, на той стороне, (что в направлении) (.....)тура, (принадлежащего династии?) Шада'али. от берега (? — собственно: скалы) [реки Ме]ли(?) (и) на той стороне, (что в направлении) страны хеттской от [...] ... из алзийцев (собственно, алзийца) 2113 человек — одних я убил, других я живыми увел; [муж]чин, которые были, воинам я отдал» (i-ku-ú-ka-ni [šá-a-li]-e^{LU} ħu-ra-di-né-li^{meš} ké-da-nu-ú-li ħa-a-i-tú-ú [...] ...-ĥi-ni-ni KUR-ni-ni^{URU} Šu-ri-ši-li-ni^{URU} Tar-ĥi-ga-ma-a-ni [...] ħu-ra-a-ni^m Šá-da-'a-le-e-ĥi-né-da-a-ni ap-ti-ni [^{ID}Me(?)]-le-e-i NA₄qar-bi-e^{KUR} Ĥa-ti-na-áš-ta-a-ni ap-ti-ni [...] -ú-e(?)^{KUR} Al-z[i]-i-ni-ni II LIM I ME XIII^{LU} ta-ar-šú-a-ni [šá-a-li]-e a-le-ké za-áš-gu-ú-bi a-le-ke TI^{meš} a-gu-ú-bi ['a-še]-e a-ie ma-a-nu a-ru-ú-bi^{LU} ħu-ra-di-na-ú-e^{meš}).

К сожалению, локализация Шуришили и Тархигамы неизвестна. См. также надпись [УКН, № 127, II](#), 12-21: «Отправился (Аргишти I — И.Д.) на хеттскую страну, захватил долину Нириба; страны [Нириба(?)] город [...]урма укрепленным был, штурмом я его взял; [.....]-ада, царский город, я захватил... вступил в хеттскую страну, вплоть до(?) страны (династии) Туате, подчинил (ее?) вместе с городом Мелитеа, дошел до города Пити[ру] ниже (и до) (??) Мелиайской реки, гор. Мармуа, гор. Ка[.....]а; мужчин и женщин и увел, крепость разрушил, селения сжег, 25[3]9 юношей (?), 8698 мужей живыми увел, 10847 женщин, всего [2]9284 человека в год, одних убил, других живыми увел». Долина (перевал) Нириба, как и город Питиру, по ассирийским данным находились к востоку от Евфрата, который здесь имеется в виду под названием Мелиайской реки (ср. по-хеттски Мала). Горы Мармуа или Марма — горы Армянского Тавра, как видно из текста Минуи ([УКН, № 28](#), 9), где «по ту сторону гор Марма» (то есть к югу от них) лежат хорошо известные из ассирийских источников г. Курбан (урартск. Кербуни) и области Уллуба (урартск. Улиба) и Дирриа (урартск. Дирию), расположенные на южных склонах Армянского Тавра, а также Ицалла (урартск. Ишала) в Северной Месопотамии. Судя по последней надписи, возможно, что к «хеттской стране» урарты относили и некоторые области левобережья до отрогов Армянского Тавра у истоков Тигра. В надписи Русы II ([УКН, № 278](#), 4) термин «страна Хате»

употреблен в смысле областей к югу-востоку от Фригии (Мушки), то есть, по-видимому — как и в надписях Минуи и Аргишти I — в смысле царства Мелид-Камману (Мелитеа). Ассирийцы называли «хеттами» все население западнее Евфрата.

[119\)](#) Предположение это было сделано еще полстолетия назад П. Иензенем и П. Ташяном. Перенос названия "хеттов" на армян исторически легче обосновать, чем перенос названия „хайасцев"; однако и тут мы встречаемся с той же трудностью: в слове **Хатти, Хате** был не звук *h*, а звук *ḫ*. Быть может, это *ḫ* перешло в *h* на урартской почве? Если верить этимологии армянского *hnuḫ* из урартского *ḫubi* „долина", то такой переход был возможен. Следует также считаться с возможностью, что хеттское — или лувийское — *ḫ* в слове *ḫat(t)i/ḫate* является не *ḫ*, а все еще индоевропейским ларингальным **h*, которое в армянском регулярно давало *h* (однако неясно, к какому времени относится переход и.-е. **h* > др.-арм. *h*). Из-за этой лингвистической трудности происхождения термина *Հայք* от Хате не может считаться пока окончательно доказанным. Как уже указывалось, исходным звуком для *h*- мог быть и *p*-, и *s*- и др., и поэтому возможны и другие этимологии.

[120\)](#) Лувийское влияние можно видеть в замене родительного падежа множественного числа, унаследованного от праиндоевропейского, на окончание притяжательного прилагательного **-ск-**, развивавшегося в дальнейшем в **-ц**, и в некоторых других особенностях древнеармянского склонения. Впрочем, тенденция к замене родительного падежа притяжательные прилагательным характерна для широкого ареала, включающего все анатолийские языки, кроме хеттского, урартский (и частично хурритский) и некоторые нахско-дагестанские.

[121\)](#) См. об этом подробно Б. Б. Пиотровский, Ванское царство, стр. 126-128. Предположение о тождестве «Паруйра, сына Скайорди (то есть «потомка саков» = скифов)», по Моисею Хоренскому (I, 21), участника взятия Ниневии и разрушения Ассирийской державы, с Партатуа, вождем скифов в начале VII в. до н.э. см. также: Г.А. Капанцян, Хайаса — колыбель армян, стр. 149-151. Если объяснение имени Скайорди как «сына скифа» верно, и легенда о Паруйре имеет под собой эпико-историческую основу, то это должно, действительно, свидетельствовать о скифском элементе в армянском этногенезе и об участии как скифов, так и армян в бурных событиях конца VII — начала VI в. до н.э., приведших к свержению и Ассирийской и Урартской держав. Конечно, сам, Партатуа в этом участвовать не мог, но только кто-либо из его потомков.

[122\)](#) У греков, в частности у Геродота — только к древним армянам; в Бисутунской надписи он применяется, как мы видели, также и к урартам. Маловероятно также, чтобы полководец Дария I с иранским именем Дадршиш (тезка сатрапа Арахосии) был действительно «армянином» а не просто «жителем Армении».

[123\)](#) *Uraštu* (действительное чтение **Оралт**) передает древне-персидское **Армина** в вавилонской версии Бисутунской надписи Дария I.

[124\)](#) Неясно, к Урарту или уже к Армянскому царству относится термин **Арарат** (или, в версии, сохраненной в пещерах пустыни Мертвого моря, **Урарат**) в тексте Кн. Иеремии (51, 27), где на помощь Мидии призываются ее союзники — Арарат, Минни (царство Мана) и Скифское царство. Текст датируется 594/3 г. до н.э.

¹²⁵⁾ Геродот (III, 94; VII, 79) не упоминает в XVIII сатрапии об армениях, но только об алародиях (урартах) и саспирах (иберах центрального Закавказья и «этивцах»?), а также о матиенах (хурритах, III, 94).

¹²⁶⁾ В вавилонских документах времени Ахеменидов нередко встречаются упоминания начальников отрядов, причем, как это видно из Геродота (VII, 61-81), отряды образовывались по племенному признаку из племен каждой сатрапии или двух-трех соседних сатрапий. Таким образом можно установить вавилонские названия сатрапий, иной раз отличающиеся от тех названий, обозначающих более общие, скорее географические, чем административные области, которые упоминаются в царских надписях Ахеменидов. Так, в надписях упоминается только Армения как целое, однако из Геродота и других греческих авторов мы знаем, что на Армянском нагорье существовали две сатрапии — XVIII, населенная преимущественно алародиями, и XIII, населенная преимущественно армениями. И действительно, начальник соответствующего отряда называется и в вавилонских документах начальником жителей Урашту и Мелида (E. Unger, *Urartu Reallexikon der Vorgeschichte* ed. M. Ebert, XIV, Berlin, 1928, стр. 32). Точно также люди сатрапий Фригии (древнеперсидск. **Катпатука**, то есть Каппадокия) и Лидии (древнеперсидск. **Спарда**, то есть Сарды, по столице Лидии) были объединены в один отряд и назывались **мушкайа** и **сапардайа** (М.А. Дандамаев. *Контракты о сдаче внаем скота, принадлежащего сатрапу Аршаму*, «Проблемы социально-экономической истории древнего мира», Сб. памяти акад. А. И. Тюменева, М., 1963, стр. 142-143; вместо «лидянин» читать «лидян»).

¹²⁷⁾ См. выше, стр. 185 и сл., а также подробно в разделе «Армения» в кн. И. М. Дьяконов, *История Мидии*, стр. 350 и сл.

¹²⁸⁾ XVIII сатрапия была, видимо, отделена от XIII только при Дарии I, см. И. М. Дьяконов, *История Мидии*, стр. 346-348, 350 и сл.

¹²⁹⁾ К началу н.э. вся Армения была одноязычна, включая и территорию бывшей XVIII сатрапии, см. Страбон. XI. 14, 5.

¹³⁰⁾ Это, по-видимому, следует из находки урартских кремационных погребений в Закавказье (раскопки Б.А.Бурсина, А.А. Мартиросяна и А.О.Мнацаканяна), не говоря уже о факте наличия на неурартских территориях таких урартских городов-крепостей, как Аргиштихинили (Армавир), Эребуни (Арин-берд), Тейшебани (Кармир-блур), крепость на холме Алтын-тепе и мн. др.

¹³¹⁾ Г.А. Капацян, *Хайаса — колыбель армян*, стр. 198, 238, со ссылкой на *Историю Фомы Арцруни*, СПб, 1887, стр. 120-121. Однако, возможно, речь идет о сильно отличавшемся от общеармянского, но все же армянском диалекте.

¹³²⁾ Сюда относится своеобразная глагольная система северных курдов, имеющая много общего с хурритской.

¹³³⁾ Так уже у Геродота (I, 104) место гипотетических «этивцев» занимают саспиры, убедительно отождествляемые с восточными грузинами, и жившие «между Колхидой и Мидией», под которой здесь вероятно, надо понимать владения Мидийской державы на Араксе в восточном Закавказье; мидийское население на территории современной Нахичеванской АССР отмечает и Моисей Хоренский (I, 20).

¹³⁴⁾ Весьма любопытное открытие было сделано А. Сванидзе (Материалы по истории алародийских племен, Тбилиси, 1937, стр. 37): в припевах грузинских песен сохранились целые хуррито-урартские фразы — *ivri alale, tari alale, ari alale*, что соответствует хуррито-урартскому *iwri Alala, tar(a)e Alala, ari Alala!* «господин Алала, великий Алала, подай Алала!». Г.А. Меликишвили (Наири-Урарту, стр. 417; К истории древней Грузии, стр. 117) полагает, вслед за А. Сванидзе, что эти фразы — урартские, однако бог Алала известен только хуритам (см. H.G. Güterbock, *Kumarbi*, Zürich-New York, 1946, стр. 6-12), но не урартам (см. Г.А. Меликишвили, *Наири-Урарту*, гл. VI раздел I «Пантеон урартских божеств»); слово *tarae* засвидетельствовано пока, правда, только в урартском, но стяжение **ае** в **е** характерно лишь для хурритского; остальные слова есть как в хурритском, так и в урартском языке. По-видимому, это — как и можно было ожидать для грузиноязычных областей — северохурритский диалект, во многом более близкий к урартскому, чем митаннийский. На это указывает и форма *iwri*, свойственная и другому северохурритскому диалекту, известному по памятникам Богаз-кёя (на юге *ewri, erwi*).

¹³⁵⁾ О расселении грузинского народа подробно говорится в кн. Г.А. Меликишвили, *К истории грузинского народа*, и здесь нет необходимости останавливаться на этом вопросе. Юго-западная граница грузиноязычных племен к VI в. до н.э., вероятно, шла по хребту Северного Тавра и, может быть, доходила до верховьев Аракса. Следует заметить, что, по лингвистическим данным о субстратной лексике, протогрузинский элемент был основным при создании грузинского народа, а племена, говорившие на каскском, хуррито-урартских и тому подобных языках, были здесь малочисленны.

¹³⁶⁾ Поручиться в этом нельзя, но все же весьма вероятно, что они действительно были хурритами и лувийцами, или же, в некоторых случаях, хурритизированными и «хеттизированными» мушками и урумейцами. Дело в том, что в доахеменидский период древнему Востоку были известны только общинные религии, но не прозелитические и догматические религии типа зороастризма и христианства; соответственно не были распространены и «конфессиональные» имена, и большинство людей носило имена, имевшие определенное благожелательное значение на их родном языке. Однако это не опровергает приведенное ниже рассуждение, так как существенна не столько языковая принадлежность династов, сколько народа.

¹³⁷⁾ Одним из свидетельств этого является уже упоминавшийся факт сохранения в древнеармянском важнейших хуррито-урартских социальных терминов, см. выше. стр. 77, прим. 7 и стр. 200, прим. 28.

Дополнение

Эта работа была в печати, когда вышла важная книга О. Haas, *Die phrygischen Sprachdenkmäler*, Sofia, 1966, которая могла бы значительно повлиять на наши выводы, так как отрицает фриго-армянское родство. Но, к сожалению, книгу О. Хааза приходится принимать критически: так, он отвергает фригийский характер глосс, отмеченных самими древними авторами как фригийские, если они не соответствуют его понятиям о сохранении и.-е. *к' во фригийском языке; когда его выводы не увязываются с данными надписей, он произвольно выделяет в надписях не один, а несколько неизвестных языков; некоторые его чтения (*zos. Arezastis, Lavaltei* вм. *jos, Arejastis, lawagtei*), словоделения, а также этимологии

(di- из *gwi-, "жить", zelkia "овощ" из хеттск. Halkis "ячмень" и мн. др.) неприемлемы. Однако книга О. Хааза важна как сводка материала. Ср. еще R. Gusmani, *Studi frigi* (Istituto Lombardo, Rendiconti, XCII–XCIII), Milano, 1959, исследование более объективное, но тоже во многом спорное.